This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

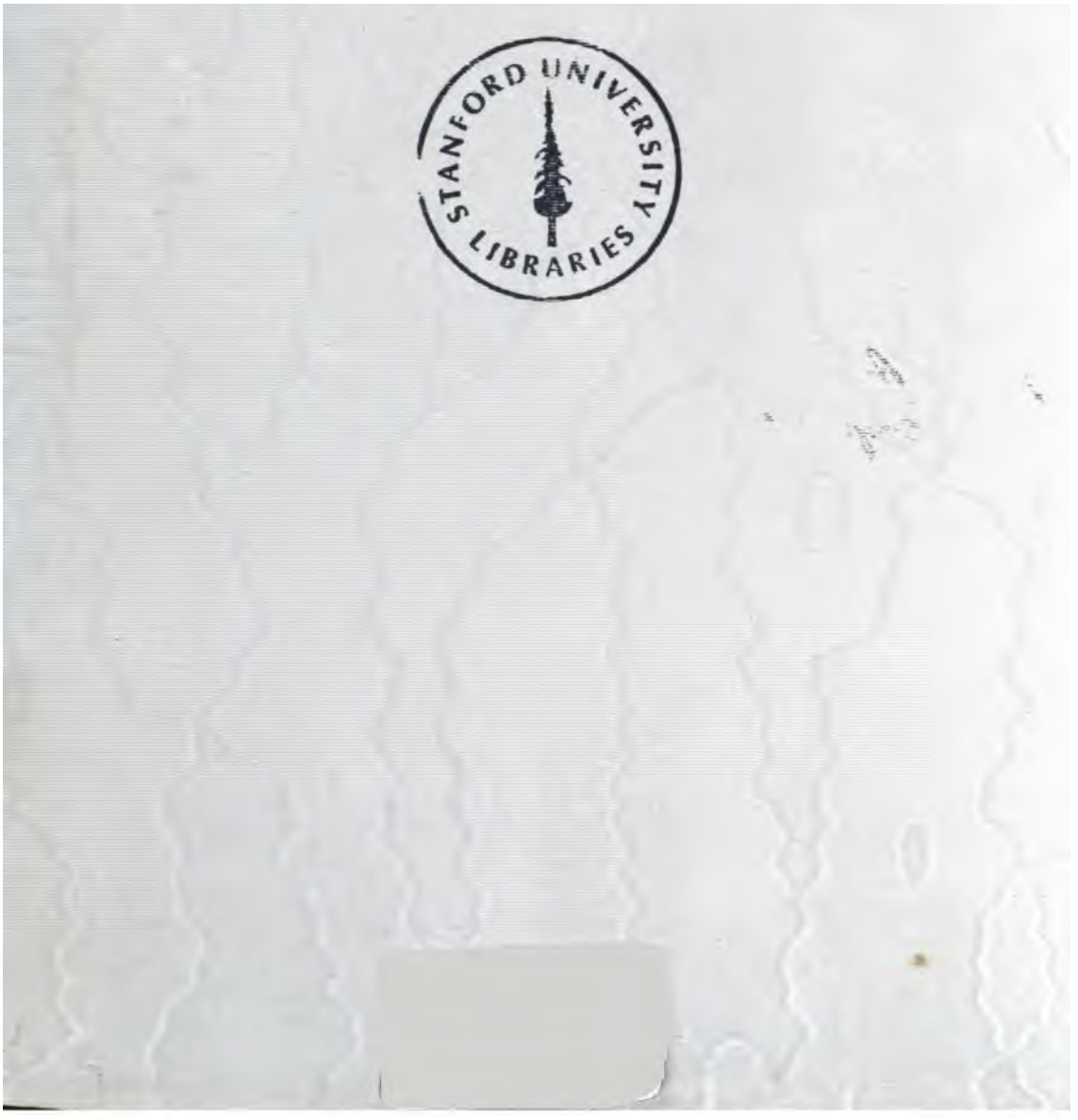
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

М. Г. Черняевъ


STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

152

+ 4 VIII. 1898

Mikhailov, A.

Михаилъ Григорьевичъ ЧЕРНЯЕВЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. Михайлова.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
выраженій общественнаго къ нему сочувствія.

Иллюстрировано тремя портретами и двумя видами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. Авидона, Моховая ул., д. № 41.
1906.

DK219.6
C425 M5

Отъ автора.

Въ часы испытаній и печали нѣкоторую отраду приносила Михаилу Григорьевичу мысль, что наступитъ, наконецъ, безпристрастный судъ исторіи и воздастъ ему по заслугамъ его. Однако въ 1905 г. исполнилась сорокалѣтняя годовщина взятія Ташкента, въ этомъ году исполнится тридцать лѣтъ со времени Сербско-Турецкой войны, а кромѣ отрывочныхъ статей, помѣщенныхъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ ничего основательнаго объ этихъ выдающихся событіяхъ нашей исторіи написано не было. Ташкентская эпопея и Сербско-Турецкая война ждутъ еще своихъ бытописателей, между тѣмъ, какъ позднѣйшимъ военнымъ событіямъ, имѣвшимъ гораздо меньшее историческое значеніе посвящены уже многотомные труды.

Сознавая несостоятельность своихъ силъ освѣтить ярко и въ полности жизнь и дѣятельность Михаила Григорьевича, но движимые стремленіемъ пройти хотя бы первую стадію по этому пути, мы приступили къ составленію первой, краткой его біографіи.

Къ своему скромному труду мы прилагаемъ сборникъ стихотвореній, адресовъ и частныхъ писемъ, полученныхъ имъ со всѣхъ концовъ Россіи вмѣстѣ съ многочисленными вещественными выраженіями глубокаго къ нему сочувствія. Изъ этого сборника читатель усмотритъ, какъ чутко прислушался онъ къ біенію народнаго сердца, какъ глубоко проникъ онъ въ сокровенныя нѣдра его. На его стремленіе объединить Славянство и свергнуть съ угнетенныхъ народностей турецкое иго единодушно откликнулась отъ мала до велика вся Русь Святая въ то время единая и нераздѣльная, безъ различія сословій.

Уѣзжая въ Сербію, онъ твердо вѣрилъ, что „Тотъ, Кому суждено было освободить милліоны Своихъ подданныхъ, предназначенъ Провидѣніемъ исполнить завѣтъ Своихъ Царственныхъ Предковъ — завѣтъ освобожденія единовѣрныхъ и родственныхъ

намъ племенъ" *). Война наша съ Турціей была дѣйствительно война народная и торжествовавшая Россія уже стояла у вратъ Византіи, уже готова была увѣнчать свое побѣдное чело вѣнцомъ Св. Софіи. Владѣя Босфоромъ, она стала бы въ Европѣ государствомъ не имѣющимъ равнаго по силѣ и могуществу, она на много столѣтій неизмѣримо обогатилась бы духовно и матеріально.

Но къ несчастью, въ рѣшительную минуту, стоя у самыхъ стѣнъ Царьграда мы отступили отъ завѣтной народной цѣли, сошли съ тропы Олеговой, залитой русской кровью. Простится-ли намъ когда либо эта историческая ошибка? Не она-ли составляетъ основную, краеугольную причину, вслѣдствіе которой русское государство въ настоящее время бьется въ ужасныхъ судорогахъ, въ безпросвѣтной мглѣ? А счастье было такъ возможно, такъ близко!

А. Михайловъ.

*) Слова Мих. Григ.

Михаилу Григорьевичу ЧЕРНЯЕВУ.

АРХИСТРАТИГЪ славянской рати,
Безукоризненный герой!
Подъ кровомъ Божьей благодати
Да совершится подвигъ ТВОЙ!
Да сохранитъ въ борьбѣ кровавой
ТЕБЯ Всевышняго рука,
И память дѣлъ ТВОИХЪ со славой
Пройдетъ въ далекіе вѣка!

О. Миллеръ.

Доколѣ, Господи, мнѣ слагать совѣтъ въ душѣ моей, скорбь въ сердцѣ моемъ день и ночь? Доколѣ врагу моему возноситься надо мною?

Псаломъ. XII. 3.

„Впечатлѣнія дѣтства и молодости остаются неизгладимыми на всю жизнь и на основаніи ихъ вырабатываются убѣжденія, руководящія человѣкомъ до его смерти". Такъ выразился М. Г. Черняевъ въ всеподданнѣйшемъ письмѣ своемъ къ Государю Императору, Александру III.

Будучи по времени политическимъ и общественнымъ дѣятелемъ царствованія Государей Александра II и Александра III, Михаилъ Григорьевичъ по складу своей личности былъ однимъ изъ лучшихъ и свѣтлыхъ представителей Николаевской эпохи и самъ причислялъ себя къ разряду людей этого времени.

Богато одаренный душевными и умственными силами, онъ былъ личностью цѣльной, сильной и весьма сложной.

Всегда и во всемъ самостоятельный и своеобразный, непоколебимо стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ въ полной цѣлости донесъ ихъ до могилы, не смотря на постоянно мѣнявшіяся вокругъ него вѣянія и теченія общественной мысли.

Обладая въ высшей степени сильной волей и характеромъ, онъ трудился и боролся всю свою жизнь, не падая духомъ въ непосильной борьбѣ съ мелочной завистью и косностью людей, стоявшихъ у власти по большей части не умѣвшихъ и не хотѣвшихъ ни понять, ни оцѣнить его.

Отъ отца своего, славнаго ветерана двѣнадцатаго года, бывшаго подъ стѣнами Смоленска, на равнинахъ Шенграбена и Бородина, Михаилъ Григорье-

вичъ впервые воспринялъ тѣ завѣты горячей любви къ Царю и Отечеству, во имя которой онъ беззавѣтно жертвовалъ собой въ продолженіи всей своей жизни.

Двѣнадцати лѣтъ отъ роду, выѣхалъ онъ изъ родового гнѣзда своего, села Тубышекъ, Могилевской губ., подъ покровительствомъ вѣрнаго дядьки для поступленія въ Дворянскій полкъ (кадетскій корпусъ). Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ съ этого нѣжнаго возраста былъ какъ бы брошенъ въ водоворотъ жизни безъ какихъ бы то ни было связей, поддержки или опоры.

Сурово было военное воспитаніе того времени, но особенною жестокостью отличался директоръ Дворянскаго полка, Пущинъ, уволенный со службы послѣ того, какъ онъ до смерти засѣкъ одного изъ ввѣренныхъ его попеченію юношей. Выдержать подобное воспитаніе могли только наиболѣе сильные физически и нравственно юноши, но за то, пройдя многолѣтній суровый искусъ его, они вступали въ жизнь, закаленные для предстоящей борьбы, умѣющіе повелѣвать и повиноваться.

Надѣленный природою прекрасными способностями и живой наблюдательностью Михаилъ Григорьевичъ во все время своего пребыванія въ корпусѣ шелъ и по ученію и по поведенію прекрасно, былъ записанъ на золотой доскѣ и въ 1847 г. вышелъ въ гвардію, въ Павловскій полкъ.

Поступивъ на дѣйствительную службу 18-ти лѣтъ отъ роду, онъ неодобрительно относился къ настоящей системѣ образованія, при которой молодые люди теряютъ самостоятельность, половину жизни, готовясь на школьной скамьѣ, къ вступленію въ дѣйствительную жизнь.

Чувствуя, что фронтовая служба не удовлетворяетъ его, движимый честолюбіемъ и сознаніемъ, что въ устроеніи своей судьбы, онъ долженъ положиться единственно на свои силы и настойчивость, Михаилъ Григорьевичъ поступилъ въ военную академію генеральнаго штаба. Но, кромѣ приведенныхъ

нами выше причинъ, его влекло къ высшему военному образованію искреннее желаніе учиться и развить по мѣрѣ возможности свои умственныя способности. Въ то отдаленное отъ насъ время, пожелало посвятить себя изученію высшихъ военныхъ наукъ одновременно съ нимъ всего двѣнадцать офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ гр. Н. П. Игнатьевъ.

Здѣсь, въ стѣнахъ академіи, Михаилу Григорьевичу пришлось впервые встрѣтиться съ гр. Милютинымъ, читавшимъ съ методичною мелочностью военную географію и повліявшаго впослѣдствіи такимъ роковымъ образомъ на судьбу покорителя Ташкента.

Успѣшно окончивъ военную академію, онъ былъ причисленъ къ генеральному штабу и тотчасъ же затѣмъ былъ посланъ въ дѣйствующую на Дунаѣ армію, въ Мало-Валахскій отрядъ. Состоя въ 4-мъ корпусѣ, командуемомъ генераломъ Фишбахъ, Михаилъ Григорьевичъ былъ постоянно съ казаками на аванпостахъ. Здѣсь, на основаніи своихъ природныхъ талантовъ военачальника, онъ убѣдился на сколько теорія войны, пройденная имъ въ академіи, расходится съ практикой, насколько она не примѣнима къ дѣйствительности.

Во время этой кампаніи ему пришлось участвовать при городѣ Каракалѣ, въ кавалерійскомъ дѣлѣ, названномъ Карамзинскимъ, потому что начальникъ отряда М. Н. Карамзинъ былъ зарубленъ турками и весь отрядъ чуть было не погибъ тою же участью. Только по счастливой случайности Михаилъ Григорьевичъ избѣжалъ смерти и этотъ боевой эпизодъ его жизни составлялъ одну изъ любимыхъ темъ его повѣтствованій. Какъ офицеру генеральнаго штаба и участнику боя ему было поручено написать объ этомъ донесеніе, посланное Государю. „Замѣтить этого молодого офицера“, начерталъ Николай Павловичъ на донесеніи Черняева, предугадавъ по талантливо составленному описанію боя, будущаго полководца.

Михаилъ Григорьевичъ съ удовольствіемъ любилъ вспоминать этотъ отзывъ о немъ Государя и до конца дней своихъ сохранилъ искреннее поклоненіе величавому образу Государя, Николая Павловича.

Осенью, 1854 г. по распоряженію кн. Горчакова 4-й корпусъ былъ отправленъ къ Севастополю, на помощь кн. Меньшикову. Едва прибывъ въ Крымъ, куда войска везлись день и ночь на лошадяхъ, Михаилъ Григорьевичъ принялъ участіе въ Инкерманскомъ сраженіи, во время котораго ему пришлось въ первый и единственный разъ въ своей жизни собственноручно ударить шашкой по головѣ, наступающаго на него зуава. „Я такъ этого испугался“, то есть своего удара, сразившаго человѣка на смерть, разсказывалъ онъ, „что тутъ же уронилъ свою шашку“.

Въ продолженіи всей Севастопольской обороны онъ находился на Малаховомъ курганѣ, въ началѣ при генералѣ Хрулевѣ, а когда послѣдній былъ раненъ, въ распоряженіи адмирала Нахимова, безстрашно исполняя самыя опасныя порученія. Во время этой страшной осады, которую по словамъ Михаила Григорьевича можно было вполнѣ уподобить настоящему аду, онъ настолько сжился съ опасностью, что смѣло привыкъ смотрѣть прямо въ глаза смерти.

При оставленіи Севастополя, по порученію начальства переправивъ наши войска черезъ Сѣверную бухту, онъ переѣхалъ ее послѣднимъ на лодкѣ, когда всѣ мосты были уже разведены.

„За отличіе, храбрость и примѣрное мужество при геройской защитѣ Севастополя“, какъ значится въ приказѣ, и за отбитіе штурма 27 Авг. 1855 г. онъ былъ награжденъ золотою саблею съ надписью „за храбрость“ и произведенъ въ подполковники.

Послѣ этого, онъ былъ назначенъ начальникомъ дивизіоннаго штаба 3-й пѣхотной дивизіи въ Царствѣ Польскомъ, но не довольствуясь этой мирной службой, просилъ перевода въ Оренбургъ, предви-

дя на этой окраинѣ нашихъ Азіатскихъ владѣній возможность удовлетворить своему природному влеченію къ войнѣ и боевой жизни.

Въ 58 г. онъ принималъ участіе въ экспедиціи капитана II ранга, Бутакова на судахъ Аральской флотиліи къ Хивинскому городу Кунграду, прикрывая во главѣ небольшаго сухопутнаго отряда отступленіе этой оригинальной экспедиціи, очертя голову, забравшейся въ глубь Средней Азіи по теченію Сыръ-Дарьи.

Во время своего двухлѣтняго пребыванія на передовыхъ постахъ нашихъ Средне-Азіятскихъ владѣній, среди постоянныхъ разъѣздовъ и командировокъ въ степь Михаилъ Григорьевичъ съ самой неустанной любознательностью изучалъ физическія и географическія особенности края и характеръ и психологію его обитателей.

Такимъ образомъ побѣдоносный походъ его въ глубь неизвѣданныхъ въ то время степей Средней Азіи и взятіе Ташкента былъ плодомъ не только геройской отваги, но послѣдствіемъ долгаго и основательнаго изученія края.

Въ концѣ 59 года онъ былъ назначенъ въ распоряженіе генерала Евдокимова, командующаго войсками лѣваго крыла Кавказской арміи, нынѣ Терской области. Участвуя въ покореніи Кавказа Михаилъ Григорьевичъ, обратилъ на себя вниманіе маститаго фельдмаршала, кн. Барятинскаго и сблизился съ весьма извѣстнымъ въ свое время военнымъ писателемъ, Р. А. Фадѣевымъ, сохранивъ впослѣдствіи наилучшія отношенія съ этими выдающимися въ исторіи Кавказа личностями.

Въ 1864—1865 г., во главѣ небольшого отряда въ 2.000ч., прославившагося боями при Узунъ-Агачѣ, Пишпекѣ, Ауліета, Чимкентѣ, Акмечети, Туркестанѣ, Иканѣ, Акбулатѣ и Сары-Тюбе, Михаилъ Григорьевичъ, подступивъ къ Ташкенту собирался взять штурмомъ стотысячный городъ, защищаемый 63 орудіями и обороняемый 30 тыс. человѣкъ гарнизона.

Въ это же самое время, въ Петербургскихъ во-

енныхъ канцеляріяхъ главнаго штаба писались обширные проекты, предполагавшейся въ будущемъ году большой экспедиціи съ осадными орудіями и многочисленной артиллеріей. Михаилъ Григорьевичъ наканунѣ взятія Ташкента, получилъ отъ военнаго министра приказъ съ запрещеніемъ: „отваживаться на штурмъ въ виду недостаточности находящихся въ его распоряженіи силъ".

Положивъ приказъ въ карманъ, онъ съ горстью людей и на мѣдныя деньги покорилъ къ подножію Россіи одну изъ богатѣйшихъ нашихъ окраинъ, упрочивъ наше положеніе въ Средней Азіи „согласно силѣ и могуществу Россіи". Расходы же на всю эту экспедицію не превысили 250.000 руб.

Назначенный военнымъ губернаторомъ и живя въ наскоро сложенной солдатами землянкѣ, онъ воспользовался мѣстнымъ самоуправленіемъ и, работая не покладая рукъ, управлялъ краемъ при помощи всего шести гражданскихъ чиновниковъ и четырехъ переводчиковъ.

Послѣ взятія Ташкента можно было ожидать по естественнному ходу вещей, что передъ нимъ широко распахнутся двери политической и военной дѣятельности въ связи со всѣми лично для него благопріятными послѣдствіями. Но не простили ему Ташкента люди стоящіе у власти и по происками своихъ враговъ и завистниковъ онъ былъ удаленъ съ своего поста, очутившись черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ отставкѣ, на 430 р. годовой пенсіи.

Тогда сознавая, что Ташкентъ имѣлъ роковое значеніе въ его судьбѣ, Михаилъ Григорьевичъ, имѣя за собой славное боевое прошлое, громкую извѣстность, съ Георгіемъ на шеѣ, принялся усердно зубрить IX-й томъ свода законовъ и блестяще выдержалъ въ Москвѣ гласное испытаніе на нотаріуса. Широкая популярность, которою онъ въ то время пользовался, обезпечивала ему успѣхъ его предпріятія вмѣстѣ съ имущественнымъ его положеніемъ. Но это кольнуло самолюбіе власти и его заставили отказаться отъ нотаріата.

Домикъ ЧЕРНЯЕВА въ Ташкентѣ.

Затѣмъ потянулись для него долгіе годы томительнаго бездѣйствія и тяжкихъ нравственныхъ страданій и такимъ образомъ прошло цѣлыхъ 9 лѣтъ.

Въ 1874 г. онъ сталъ редактировать большую, политическую газету „Русскій міръ", принявшую горячее участіе въ зарождавшемся возстаніи южныхъ славянъ противъ турецкаго ига.

Вскорѣ послѣ взятія Ташкента онъ женился на Антонинѣ Александровнѣ фонъ Вульфертъ*) и уѣзжая въ Сербію покидалъ семью и удачно начатое имъ дѣло.

По совѣту друзей своихъ онъ поѣхалъ на Яссы, а не обычнымъ путемъ черезъ Бендеры и, взявъ лошадей, пересѣкъ границу черезъ Кувай, небольшую таможенную станцію третьяго разряда, изъ опасенія, что его можетъ на пути настичь по телеграфу запрещеніе выѣзда изъ Россіи.

При такихъ обстоятельствахъ, предвидя всевозможныя и продолжительныя затрудненія, онъ ѣхалъ на войну, получивъ отъ предсѣдателя Московскаго Славянскаго Комитета, И. С. Аксакова всего пять тысячъ рублей, такъ какъ комитетъ въ ту минуту не могъ снабдить его большей суммой.

Ставъ во главѣ сербскихъ дружинъ передовымъ борцомъ великой идеи освобожденія Славянъ, онъ увлекъ за собою русскій народъ и въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ сдерживалъ натискъ многочисленнаго, почти лучшаго въ Европѣ турецкаго войска, вооруженнаго по послѣднему образцу военной техники.

Въ концѣ войны Румыны не пропустили черезъ свою границу свинца и сербскимъ войскамъ, состоявшимъ по большей части просто изъ селяковъ, нечѣмъ было стрѣлять. Михаилъ Григорьевичъ обратился за заступничествомъ къ кн. Горчакову,

*) Братъ ея, Густавъ Александровичъ получилъ Георгія за штурмъ Ташкента, былъ убѣжденнымъ славянофиломъ и страдальцемъ за славянъ, будучи тяжело раненъ подъ Виддиномъ.

но нашъ пресловутый дипломатъ не обратилъ никакого вниманія на это обстоятельство.

Маленькая Сербія напрягала свои послѣднія усилія, когда наконецъ Россія вступилась за угнетенное Славянство, потребовавъ отъ Турціи перемирія. Каково было душевное состояніе Михаила Григорьевича во время этой непосильной борьбы, при угрожающемъ политическомъ положеніи Англіи и Австріи, можно судить изъ того, что впослѣдствіи мысленно переживая это прошлое, онъ неизмѣнно говорилъ: „когда я вспоминаю эту Сербскую войну у меня теперь просто волосы подымаются дыбомъ“ *).

Покинувъ Сербію въ сознаніи, что дѣло защиты Славянства перешло подъ могущественное покровительство Россіи, онъ поѣхалъ въ Прагу, гдѣ его появленіе навело настоящую панику на Австро-Венгерское правительство.

Противъ гостинницы, въ которой онъ остановился, была поставлена артиллерія, а всѣ входы и выходы охранялись часовыми. Опасаясь Черняева, какъ представителя славянской солидарности, австрійское правительство потребовало, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ предѣловъ имперіи. Эскадронъ кавалеріи сопровождалъ его карету окольными путями до вокзала, чтобы избѣжать толпы народа, ожидавшаго его появленія, а полицейскіе чиновники сопутствовали ему до самой границы. **)

Цѣлые полгода послѣ объявленія перемирія между Сербіей и Турціей онъ принужденъ былъ ски-

*) Въ послѣднемъ сраженіи при Дюнишѣ—турокъ было 104 тыс. при 250 крупповскихъ орудіяхъ и осадномъ паркѣ, сербскихъ силъ 28 тыс., при 20 орудіяхъ.

**) Въ Іюнѣ 1877 года прибыла въ Москву депутація отъ Чешскаго народа, поднесшая М. Г. въ „Славянскомъ базарѣ“ въ присутствіи И. С. Аксакова, А. А. Пороховщикова и другихъ членовъ Славянскаго Комитета, драгоцѣнную саблю, рукоятка которой изображаетъ змѣю, держащую въ пасти голову турка. Михаилъ Григорьевичъ обратившись къ депутаціи, высказалъ ей, что „принимаетъ этотъ драгоцѣнный даръ съ душевною отрадою, какъ видимый даръ окрѣпшей въ чехахъ сознаніи Славянской солидарности“.

таться на чужбинѣ и объѣхавъ всю среднюю Европу, побывалъ въ Англіи, гдѣ оппозиція съ Гладстономъ во главѣ выразила ему горячее сочувствіе и чествовала его банкетомъ.

Только въ Апрѣлѣ, 1877 г. онъ получилъ разрѣшеніе вернуться на родину съ приказаніемъ явиться въ Кишиневъ, не переѣзжая границы ни въ какомъ иномъ мѣстѣ, подъ угрозой быть арестованнымъ.

Пріѣхавъ въ Кишиневъ черезъ три дня послѣ объявленія войны, Михаилъ Григорьевичъ былъ посланъ на Кавказъ, не смотря на то, что Великій Кн. Николай Николаевичъ дважды обращался къ Государю съ просьбой назначить его начальникомъ своего штаба.

Удаленіе на Кавказъ изъ Славянскихъ земель, гдѣ Михаилъ Григорьевичъ пріобрѣлъ всеобщую популярность и довѣріе, гдѣ онъ неоднократно помѣрился съ противникомъ, было для него тяжелымъ ударомъ.

Сдѣлано это было подъ вліяніемъ его недоброжелателей, которымъ противъ воли своей уступилъ Государь и при дѣятельномъ участіи австрійскаго военнаго агента, хлопотавшаго объ удаленіи Черняева отъ Славянъ.

На Кавказѣ онъ никакого назначенія не получилъ и со скорбью въ душѣ принужденъ былъ въ продолженіи всей войны, сложа руки быть свидѣтелемъ всѣхъ нашихъ неудачъ и ошибокъ.

Тотчасъ же послѣ вступленія на престолъ Александра III, Михаилъ Григорьевичъ по личному выбору и желанію Государя былъ назначенъ Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, получивъ Высочайшее указаніе дѣйствовать въ управленіи краемъ такъ, „чтобы эта окраина была бы не бременемъ для Россіи, а послужила ей на пользу“. Счастливый довѣріемъ Государя, онъ дѣятельно принялся за исполненіе Его предначертаній. Менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ своего назначенія, онъ былъ внезапно отозванъ изъ за несогласія съ военнымъ ми-

нистромъ, возникшаго по поводу осложненія на нашей границѣ съ Авганцами.

Едва успѣвшія было развернуться на этой обширной аренѣ дѣятельности, его силы были снова парализованы. Въ послѣдній разъ отрѣшался онъ отъ активнаго участія въ дѣлахъ государственныхъ и тяжелымъ гнетомъ легло ему на душу это вторичное отозваніе изъ Туркестана, сдѣланное въ рѣзкой и оскорбительной для него формѣ по происками личныхъ недоброжелателей.

Назначенный членомъ военнаго совѣта и получивъ отъ Государя разрѣшеніе жить гдѣ ему будетъ угодно, онъ основался съ семьею своей въ Москвѣ. Чтобы нѣсколько разсѣяться и отдохнуть душою отъ только что пережитыхъ имъ бурь и волненій, онъ отправился въ далекое странствованіе, объѣхалъ моремъ Азію, посѣтилъ Японію, предсказавъ ей роль восточной Англіи и вернулся обратно черезъ Сибирь.

По окончаніи своего длиннаго путешествія, онъ не могъ оставаться безучастнымъ зрителемъ нашей внутренней и внѣшней политики и потому въ печати стали постоянно появляться его статьи по самымъ разнообразнымъ вопросамъ.

Горячо принимая участіе въ судьбѣ нашихъ Средне-Азіятскихъ владѣній, онъ напечаталъ въ мартѣ 1886 г. въ „Новомъ Времени“ пространную статью, гдѣ указывалъ на неудачный выборъ направленія вновь строющейся тогда Закаспійской ж. д. и на другіе ея недочеты. Проведенная нынѣ линія Оренбургъ—Ташкентъ вполнѣ подтверждаетъ правильность его воззрѣній, тѣмъ не менѣе 7-го Апрѣля за эту статью онъ былъ отчисленъ въ запасъ и этимъ лишился болѣе половины своего содержанія.

Озабоченный судьбою жены и своего многочисленнаго, подрастающаго семейства онъ обратился къ Государю съ просьбой Всемилостивѣйше воззрѣть на его тяжелое матеріальное положеніе, обѣщая „не прикасаться болѣе къ печатному слову ни въ оправданіе ни въ объясненіе своихъ дѣйствій, какъ въ

прошедшемъ, такъ и въ недолгомъ, остающемся ему, будущемъ".

Снизойдя къ просьбѣ Михаила Григорьевича, Государь повелѣлъ снова назначить его въ военный совѣтъ, членомъ котораго онъ оставался до своей кончины, послѣдовавшей 4-го Августа 1898 г.

Таковъ краткій перечень событій изъ жизни М. Г. Черняева, полной трудовъ, борьбы, тревогъ и нравственныхъ страданій, которыхъ хватило бы на двадцать жизней.

II.

Руководящею чертою Михаила Григорьевича на всѣхъ поприщахъ его дѣятельности политической, военной, административной и публицистической было глубокое сознаніе своего долга передъ Престоломъ и Отечествомъ, во имя которыхъ онъ всегда дѣйствовалъ съ беззавѣтнымъ самоотверженіемъ.

Въ сознаніи этого долга онъ черпалъ то высокое мужество, которое служило ему опорой высказывать свои мнѣнія съ тою „прямодушной вѣрноподданической откровенностью, съ которой князь Яковъ Долгоруковъ говорилъ передъ Петромъ I, Ростопчинъ передъ Павломъ, Карамзинъ передъ Александромъ I".

Его политическіе воззрѣнія и вообще всѣ его сужденія отличались всегда ясностью и широтою взгляда, проникновеніемъ народной души, глубокимъ здравымъ смысломъ и обширной опытностью и бывалостью.

Поэтому, напрасно нѣкоторые изъ его самыхъ искреннихъ поклонниковъ приписываютъ его дѣйствія безотчетному и безсознательному вдохновенію, безъ участія его личной воли. Человѣкъ склада Николаевской эпохи, онъ обладалъ несокрушимой энергіей и рѣдкой силой ума и воли. Покореніе Ташкента, кромѣ его личной храбрости и талантовъ военачальника, слѣдуетъ приписать долговременному и тщательному изученію края и характера его населенія.

„Будучи отъ природы сдержанъ, застѣнчивъ до столбняка и въ обществѣ и передъ высшими", писалъ онъ въ письмѣ къ ***, „я какъ бы копилъ нравственныя силы для того, чтобы вылить ихъ въ форму Ташкентской эпопеи и масса оцѣнила это исключительное напряженіе духовныхъ силъ и сдѣлала меня своимъ героемъ. Эпизода, равнаго завоеванію Ташкента со временъ покоренія Мексики Кортесомъ до нашихъ дней не было, принимая конечно средства, бывшія въ распоряженіи. Покореніе Сибири Ермакомъ представляется намъ грандіознымъ ради того, что между этимъ событіемъ и нами протекло три столѣтія. Такъ будетъ и съ Ташкентомъ, а теперь, при жизни нужда и униженіе въ теченіи цѣлыхъ двадцати пяти лѣтъ".

Безъ всякой поддержки, предоставленный своимъ силамъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста онъ бодро вступилъ въ жизнь. Со времени взятія Ташкента онъ убѣдился, что ему предстоитъ борьба не только съ естественными, по ходу событій, препятствіями, но что на пути его встала непреодолимая преграда въ лицѣ нѣкоторыхъ представителей нашего военнаго бюрократизма.

Непризнанный и отстраненный отъ всякой дѣятельности, нервный и впечатлительный онъ жестоко страдалъ отъ этого несправедливаго къ нему отношенія, не падая однако духомъ и вѣчно нося въ душѣ своей надежду на лучшее будущее. Чуткій душою и сердцемъ Михаилъ Григорьевичъ сердечно радовался и цѣнилъ каждое проявленіе общественнаго и личнаго къ нему сочувствія, собиралъ и тщательно хранилъ ихъ вещественныя выраженія, никого не обходя своей искренней благодарностью, на какой бы скромной ступени общественной лѣстницы ни стояло лицо, къ нему обратившееся.

Въ своемъ обхожденіи онъ отличался тою, всѣхъ поражавшею скромностью, которая составляла одно изъ самыхъ привлекательныхъ его природныхъ качествъ, но тѣмъ не менѣе онъ зналъ себѣ цѣну и сознавалъ значеніе своихъ заслугъ передъ отечествомъ.

Онъ былъ искренно любимъ и войскомъ и своими подчиненными, никогда не прибѣгая къ искусственнымъ пріемамъ для пріобрѣтенія популярности, единственнымъ источникомъ которой были высокія качества его ума и сердца. Простой въ обхожденіи, сердечный и въ высшей степени деликатный онъ былъ всегда и всѣмъ доступенъ. Испытавъ въ своей жизни много горя и нужды, онъ былъ чрезвычайно отзывчивъ къ страданію ближняго и всѣми силами всегда старался каждому оказать посильную помощь.

Щедрою рукою, изъ своихъ скромныхъ средствъ онъ помогалъ часто безъ разбору обращавшимся къ нему за помощью и отказывалъ только тогда, когда самъ не имѣлъ ничего за душою

Съ врожденнымъ чувствомъ изящнаго, но скромный и нетребовательный въ своихъ привычкахъ, онъ всю жизнь мечталъ о такомъ матеріальномъ положеніи, которое соотвѣтствовало бы той извѣстности, которою онъ пользовался и тѣмъ заслугамъ передъ государствомъ, которое было ему обязано покоренiемъ одной изъ богатѣйшихъ нашихъ окраинъ.

Однако, несмотря на крайнюю скромность своихъ привычекъ, онъ отличался широкою щедростью и умѣлъ и любилъ окружать себя представительностью, соотвѣтствующую обстоятельствамъ, не прибѣгая никогда къ излишней пышности.

Независимый и самостоятельный, характера смѣлаго и рѣшительнаго онъ шелъ къ цѣли всегда прямой дорогой, не умѣя и не желая ни заискивать, ни прибѣгать къ искусственнымъ пріемамъ и обходнымъ путямъ для достиженія своихъ цѣлей. Убѣдившись въ правотѣ своего дѣла и въ правильности своихъ воззрѣній онъ наивно думалъ, что именно эта правота и истина составляютъ наилучшій залогъ успѣха, чему до нѣкоторой степени и слѣдуетъ приписать часть его служебныхъ неудачъ

Его сужденія относительно оцѣнки дѣятелей на различныхъ поприщахъ государственной и общественной службѣ были всегда вѣрны и основательны, часто идя въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ.

Строгій къ самому себѣ, онъ снисходительно относился къ людямъ и ихъ недостаткамъ, часто не замѣчая ихъ и прощая многое ради хорошихъ ихъ качествъ. Онъ вѣрилъ въ людей, смотря на нихъ сквозь ясную призму своей чистой души, былъ довѣрчивъ какъ дитя и всякій разъ глубоко страдалъ, убѣдившись въ своемъ заблужденіи. Живя какъ то весь въ самомъ себѣ, не сходясь ни съ кѣмъ особенно близко, онъ необыкновенно довѣрчиво подходилъ къ людямъ, охотно и откровенно высказывая свои завѣтныя мысли и взгляды. Горячо споря и настойчиво отстаивая свои убѣжденія, онъ очень любилъ собесѣдниковъ, охотно разсказывая изъ своей богатой и разнообразной событіями жизни. Говорилъ онъ прекрасно, образно, необычайно живо, увлекаясь самъ и увлекая своихъ слушателей.

Прекрасно владѣя перомъ, Михаилъ Григорьевичъ къ сожалѣнію не оставилъ потомству своей автобіографіи, чувствуя къ долгому, усидчивому письменному труду почти непреодолимое отвращеніе.

Всегда спокойный на видъ, особенно во время опасности онъ былъ чрезвычайно вспыльчивъ и горячъ и подъ впечатлѣніемъ минуты и своего живого воображенія легко поддавался чувству гнѣва, которое также быстро и утихало. Если же ему приходилось убѣдиться, что его вспышка была не основательна, онъ не зналъ чѣмъ и какъ загладить свою вину.

Застѣнчивый, скромный, необыкновенно деликатный, онъ былъ всегда и рѣшительно со всѣми одинаково, привѣтливъ и ласковъ.

Окончивъ съ отличіемъ высшее военное образованіе, онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и начитаннѣйшихъ людей своего времени. „Ядро Россійской исторіи“ было его первымъ чтеніемъ, возбудившемъ его любознательность и интересъ къ исторіи, которую онъ съ этихъ поръ, то есть съ двѣнадцатилѣтняго возраста съ неослабнымъ интересомъ изучалъ въ теченіи всей своей жизни.

Серьезныя историческія сочиненія, политическіе трактаты, народныя пословицы и поговорки, наконецъ, историческіе романы, однимъ словомъ все, въ чемъ заключается прошлое народа, его духъ и вѣрованіи возбуждало въ немъ живѣйшій интересъ. Благодаря этому, онъ зналъ исторію прекрасно и этому знанію придавалъ первостепенное значеніе, утверждая, что безъ знанія прошлаго народа нельзя править имъ въ настоящемъ. Но онъ не довольствовался однимъ теоритическимъ, книжнымъ изученіемъ своего отечества, онъ изучалъ его въ живой дѣйствительности, объѣхавъ его изъ края въ край.

Посѣтивъ Англію и всѣ государства средней Европы, знатокъ средней Азіи и Балканскаго полуострова, онъ моремъ объѣхалъ Азію, осмотрѣлъ Японію и во время своего обратнаго путешествія съ дальняго востока изучилъ и Сибирь, проѣхавъ ее на лошадяхъ. Всѣ его сужденія поэтому были основаны на наблюденіи живой дѣйствительности, на знаніи жизни и отличались всегда здравымъ смысломъ, которому онъ придавалъ всегда и во всемъ первостепенное значеніе.

III.

Несмотря на свою необычайную доброту и сердечную мягкость, Михаилъ Григорьевичъ былъ военнымъ съ головы до ногъ. Онъ любилъ боевую жизнь, ея тревоги и опасность, чувствовалъ природное влеченіе къ войнѣ и считалъ военную славу наиболѣе заманчивой. Объясненіе этому кажущемуся противорѣчію мы найдемъ въ словахъ его, обращенныхъ къ Н. М. Карамзину, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея его художественной дѣятельности, „Я спрашиваю себя, говорилъ Михаилъ Григорьевичъ, что общаго между искусствомъ, возвышающимъ душу и облагораживающимъ его и искусствомъ ведущимъ за собою разореніе, горе, трауръ? Но вникая въ глубь вопроса, я утѣшаю себя мыслію, что военное искусство основано на такомъ качествѣ человѣка, ко-

торое возвышаетъ его надъ самимъ собой и требуетъ отъ него такого же напряженія души, какъ и самое творчество. Качество это—самоотверженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ военномъ дѣлѣ не одна только сокрушающая сила, но въ немъ есть и зародышъ силы созидательной. Вспомните Среднюю Азію, погруженную въ вѣковой сонъ, со всѣми аттрибутами варварства и взгляните на нее теперь съ ея стремленіями впередъ и впередъ. Не та же ли самая картина представляется намъ по обѣимъ сторонамъ Балканъ, послѣ нашего нашествія на Турцію? Такъ, выжженная огнемъ степь даетъ весною цвѣтущія пажити. Не думайте, что я проповѣдую войну, какъ средство къ прогрессу, нѣтъ, я далекъ отъ этой мысли, но зная жизнь потому что ее оканчиваю, я полагаю, что война, хотя есть и неизбѣжное зло, но ведетъ за собою благія послѣдствія и что орудіе войны, войско, основанное на высокомъ чувствѣ самоотверженія имѣетъ такое же неоспоримое право на всеобщее уваженіе какъ и остальныя сословія".

Михаилъ Григорьевичъ никогда не собиралъ военныхъ совѣтовъ, рѣшая все единолично самъ и бралъ всегда на себя всю отвѣтственность. Тѣ изъ своихъ плановъ, которые по его мнѣнію должны были быть сохранены въ тайнѣ, онъ сообщалъ второму лицу, только тогда, когда считалъ, что обстоятельства требовали довести ихъ до всеобщаго свѣдѣнія, придерживаясь того мнѣнія, что извѣстное двумъ лицамъ вскорѣ станетъ общимъ достояніемъ. На этомъ основаніи онъ съ насмѣшкой относился къ общедоступнымъ тайнамъ военныхъ канцелярій и къ тѣмъ предписаніямъ, въ заголовкѣ которыхъ писарь ставитъ предписаніе—„секретно".

Наканунѣ, заранѣе рѣшеннаго имъ штурма Ташкента, онъ пригласилъ въ свою ставку начальниковъ отдѣльныхъ частей своего маленькаго отряда единственно для того, чтобы прислушаться къ ихъ настроенію, при объявленіи имъ о предполагавшемся штурмѣ. Настроеніе было хорошее и на этомъ осно-

ваніи, на слѣдующій день имъ и былъ назначенъ штурмъ Ташкента.

Прежде, чѣмъ дать сраженіе или идти на приступъ, Михаилъ Григорьевичъ всегда всесторонне обдумывалъ положеніе и для обезпеченія успѣха принималъ мѣры по большей части недоступныя другому, менѣе опытному и проницательному оку.

Но когда дѣло завязывалось, когда лилась кровь и гремѣли орудія онъ всегда слѣдовалъ своему неизмѣнному правилу побѣдить или умереть, не щадя себя и руководя сраженіемъ подъ огнемъ непріятеля и утверждая, что внѣ сферы огня руководить боемъ нельзя.

Когда Михаилъ Григорьевичъ велъ свой отрядъ на штурмъ цитадели города Чимкента подъ выстрѣлами непріятеля, почти у самыхъ стѣнъ онъ наткнулся на неожиданное препятствіе, глубокій ровъ, наполненный водою.

Быстро оглядѣвъ мѣстность, онъ замѣтилъ на нѣкоторомъ отъ себя разстояніи деревянный водопроводъ, въ видѣ длиннаго ящика, перекинутаго черезъ ровъ. Времени подъ выстрѣлами терять было нельзя ни минуты и потому, бросившись къ водопроводу, выхвативъ револьверъ и шашку Михаилъ Григорьевичъ перебѣжалъ ровъ по водостоку, солдаты видя это, уже не колеблясь послѣдовали за нимъ.

Благополучно пробѣжавъ черезъ низкій сводъ, пробитый въ стѣнѣ, Михаилъ Григорьевичъ и его нѣсколько спутниковъ очутились внутри цитадели. Гарнизонъ крѣпости былъ такъ ошеломленъ этимъ внезапнымъ появленіемъ, что не оказалъ никакого сопротивленія, а часть его разбилась на смерть, бросаясь въ паническомъ ужасѣ со стѣнъ цитадели.

Хотя взятіе Ташкента записано на страницахъ нашей исторіи какъ проявленіе рѣдкой, почти безпримѣрной отваги, но и здѣсь Михаилъ Григорьевичъ дѣйствовалъ не очертя голову, а подготовивъ по мѣрѣ возможности успѣхъ своего предпріятія, заведя сношенія въ городѣ и составивъ себѣ партію, желавшую русскаго владычества.

Демонстративнымъ движеніемъ своего отряда вокругъ стѣнъ Ташкента, онъ ввелъ непріятеля въ обманъ и заставилъ его растянуть свои силы вдоль всей 24-хъ верстной стѣны. Въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ оборона была слаба и штурмъ вполнѣ удался. Стоя у Камеланскихъ воротъ и разославъ всѣ имѣющіеся у него небольшіе резервы для подкрѣпленія отдѣльнымъ отрядамъ, сражавшимся въ различныхъ частяхъ города, онъ остался самъ съ нѣсколькими казаками и лазаретной прислугой, занятой перевязкой раненыхъ.

Ночью же, когда весь отрядъ спалъ, утомившись до нельзя, богатырскимъ сномъ, Михаилъ Григорьевичъ, окруживъ Камеланскія ворота со стороны города густой цѣпью стрѣлковъ, придумалъ отдѣлить свой станъ отъ непріятеля огненной завѣсой, приказавъ зажечь сакли и дома полукругомъ отъ воротъ и тѣмъ спасъ отъ неминуемаго истребленія весь отрядъ.

Тѣ же самые примѣры беззавѣтной отваги и предусмотрительности выказалъ онъ во время Сербско-Турецкой войны. Для примѣра приведу слѣдующій, мало извѣстный эпизодъ. Считая позицію при Алексинцѣ весьма важной, Михаилъ Григорьевичъ рѣшилъ укрѣпить и не уступать туркамъ Шуматовецъ. Обозрѣвъ мѣстность, онъ приказалъ укрѣпить эту крѣпостцу, но сербскіе инженеры вяло приступили къ дѣлу, тогда онъ послалъ туда русскихъ офицеровъ, съ приказаніемъ работать непрестанно день и ночь. Однако, несмотря на это, работы во время закончены не были, валъ былъ всего сажени въ полторы и при немъ небольшой ровъ.

Пріѣхавъ въ послѣдній разъ въ Шуматовецъ наканунѣ приступа, Михаилъ Григорьевичъ велѣлъ срѣзать, находившіяся вокругъ крѣпости виноградныя лозы, но только не совсѣмъ, а на три четверти аршина отъ земли. Кромѣ того, у рва онъ приказалъ сдѣлать засѣку, то есть деревья, прикрѣпленныя къ землѣ повалить и связать вмѣстѣ.

М. Г. Черняевъ въ 1876 г.

Эта остроумная мѣра въ значительной степени послужила къ спасенію Шуматовца и всѣхъ въ немъ находившихся. Въ самой крѣпостцѣ находился баталіонъ второго разряда, то есть крестьяне, взятые прямо отъ сохи. На лѣво, впереди, Михаилъ Григорьевичъ поставилъ бригаду, а одинъ баталіонъ былъ имъ расположенъ въ арріергардѣ.

Бывшій при отрядѣ докторъ, настойчиво убѣждалъ Михаила Григорьевича, въ виду неизбѣжной и грозной опасности уѣхать.

Утромъ, едва только стало свѣтать, турки двинулись на Шуматовецъ въ составѣ цѣлой дивизіи, подъ начальствомъ Гузуфъ Паши. Какъ только они разставили цѣпь и стали стрѣлять, бригада не выдержала и побѣжала, баталіонъ въ арріергардѣ тоже.

Тогда Михаилъ Григорьевичъ, слѣдуя своему девизу побѣдить или умереть рѣшился на отчаянное средство. Онъ приказалъ заложить ворота въ крѣпости, чтобы сдѣлать отступленіе невозможнымъ. Въ это самое время турки стали наступать на засѣвшихъ въ крѣпости цѣлой массой. Къ счастью они не могли двинуть свою артиллерію, потому что этому помѣшали лѣсъ и горы, а кавалерія ихъ спотыкалась, въ устроенной ей Михаиломъ Григорьевичемъ западнѣ, въ виноградникахъ.

Первый приступъ удалось отбить, второй также. Невозможность отступить придавала отваги отбивавшимся въ крѣпости. При третьемъ приступѣ турки подошли уже совсѣмъ близко и бой былъ почти рукопашный. Комендантъ крѣпости былъ убитъ и упалъ на Михаила Григорьевича, собственноручно наводившаго пушки. Турки стали уже разрушать засѣку и сбѣжали въ ровъ, но вдругъ не выдержали и побѣжали. Потери ихъ въ этомъ дѣлѣ были огромны и все поле вокругъ было усѣяно красными фесками. Здѣсь снова рѣшимость побѣдить или умереть, при помощи искусной предусмотрительности одержали побѣду надъ безконечно по численности сильнѣйшимъ непріятелемъ.

Часто во время своей боевой жизни, поставлен-

Внимательный и заботливый ко всѣмъ нуждамъ войска, онъ не прибѣгалъ никогда къ подражательнымъ, quasi Суворовскимъ пріемамъ, утверждая, что искусственно, никакимъ фиглярствомъ возбудить довѣрія въ массахъ нельзя. Заботливой рукою старался онъ устранить по мѣрѣ возможности всѣ лишнія тяготы во время походовъ. Передъ выступленіемъ своего отряда въ знойныя степи Средней Азіи имъ была придумана особая линейка для перевозки раненыхъ, имъ же былъ введенъ особый головной уборъ, защищавшій шею и затылокъ отъ лучей горячаго солнца.

Благодаря его неустанной заботливости, не смотря на трудности долговременныхъ походовъ по знойнымъ степямъ у него никогда ни отсталыхъ, ни больныхъ въ отрядѣ не было. По его распоряженію солдаты ничего не несли на себѣ, кромѣ ружья и патроновъ. Все остальное везлось на верблюдахъ и этою мѣрою значительно сохранялось и здоровье солдата и его силы. При остановкахъ часовые подпускали разгоряченныхъ переходомъ солдатъ къ водѣ только послѣ часоваго отдыха.

За это постоянное о нихъ попеченіе солдаты прозвали своего 37 лѣтняго начальника дѣдушкой.

Тщательно оберегая здоровье людей, онъ никогда напрасно не пожертвовалъ ни однимъ человѣкомъ, но считалъ долгомъ чести и товарищества, не щадя своихъ силъ, идти на выручку, находящейся въ затруднительномъ положеніи части. На этомъ основаніи онъ отдалъ подъ судъ въ 1865 г. поручика Сукорко за то, что „онъ изъ одного постыднаго малодушія своевременно не подалъ помощи уральской сотнѣ есаула Сѣрова, окруженной Кокандцами подъ мѣстечкомъ Иканомъ“ *).

*) „Однако въ Оренбургѣ взглянули на это дѣло иначе, и Сукорко былъ представленъ къ наградѣ“, пишетъ въ Истор. Вѣстн. за Дек. 1904 г. Г-нъ Я. Полоферновъ. „Но это окончательно возмутило Черняева и имъ былъ поданъ командующему войсками Оренбургскаго округа слѣдующій рапортъ: „Соглашаясь съ мнѣніемъ Вашего Превосходительства, что офицеръ этотъ не подавшій помощи отряду есаула Сѣрова и постыдно отступившій передъ непріятелемъ можетъ и не подлежать отвѣтствен-

Подъ руководствомъ такого военачальника и такого, такъ сказать воспитанія, въ рукахъ Михаила Григорьевича войско становилось тою духовно сплоченною силою, воодушевленною тѣмъ геройскимъ духомъ и отвагою при которой оно производило истинныя чудеса храбрости. Обладая тайною воодушевленія массъ онъ одерживалъ побѣды съ горстью храбрецовъ противъ безконечно сильнѣйшаго непріятеля.

„Мой идеалъ войска добровольцы", писалъ Михаилъ Григорьевичъ И. С. Аксакову, защищая ихъ противъ несправедливыхъ сыпавшихся на нихъ нареканій. „Отношенія прямыя, ровныя, не напыщенныя, искреннія. Дрались какъ львы. Ни одного случая неповиновенія или неудовольствія относительно меня во все время до выѣзда моего изъ Бѣлграда не было. Приказанія исполнялись точно, безпрекословно съ самоотверженіемъ. Добровольцы были въ Сербіи тою же Кортесовскою дружиною, съ которой я взялъ стотысячный Ташкентъ. За короткое время войны изъ нихъ выдвинулись замѣчательные боевые люди: Меженіновъ, Андреевъ, Депрерадовичъ, Небольсинъ, по стойкости и исполнительности Малиновскій, по предпріимчивости Хлудовъ, Хорватъ, Кузминскій и др. *). Сколько бы времени ни прошло я встрѣчусь съ каждымъ изъ добровольцевъ, съ искреннимъ удовольствіемъ. Если и были отдѣльные неоправдываемые случаи, то всѣ они произошли уже по прекращеніи военныхъ дѣйствій".

ности по закону я принимая съ другой стороны во вниманіе, что законы чести не всегда могутъ быть подводимы подъ статьи дѣйствующихъ законовъ свода военныхъ постановленій, полагаю, что оправданіе поручика Сукорко никогда не смоетъ съ него того пятна, которымъ заклеймилъ онъ себя постыднымъ дѣломъ передъ Иканомъ. Что касается поручика Сукорко, то не считаю себя въ правѣ держать во ввѣренныхъ мнѣ войскахъ безукоризненно исполняющихъ свой долгъ. такого офицера, который безучастно оставляетъ на жертву своихъ товарищей, имѣя полную возможность спасти ихъ,—прошу покорнѣйше о переводѣ поручика Сукорко изъ Туркестанской области, которая не существовала бы если бы всѣ дѣйствовали подобнымъ образомъ".

*) Доказательство насколько необходимъ глазъ талантливаго военачальника для того чтобы замѣтить и выдвинуть талантливыхъ подчиненныхъ.

Далѣе Михаилъ Григорьевичъ пишетъ, что Сербы сдѣлали столько, сколько можно требовать отъ крестьянина, которому вмѣсто лопаты дали ружье. „Доказательствомъ могутъ служить бывшія у меня три роты стоячаго войска, изъ которыхъ я сдѣлалъ три батальона, вливъ въ ряды милиціонеровъ. Несмотря на то, что обученныхъ солдатъ была только одна четвертая часть, батальоны эти дрались превосходно. Сербская артиллерія была относительно стойкости безукоризнена, хотя была составлена при самыхъ ограниченныхъ кадрахъ изъ милиціонеровъ второго класса".

„Сербскій народъ необыкновенно послушенъ и выносливъ и изъ него можно образовать хорошее войско. Мнѣ неоднократно случалось въ сраженіи собирать опрокинутую часть и возвращать въ огонь и повторять это по нѣсколько разъ съ одною и тою же частью. Имъ недоставало болѣе сообразной съ цѣлью организаціи и главное командованія. Одинъ офицеръ приходился болѣе чѣмъ на тысячу человѣкъ, тогда какъ опытъ показалъ необходимость офицера на каждыя пятьдесятъ человѣкъ".

Утверждая, что кромѣ военной техники въ буквальномъ смыслѣ слова и военной психологіи другихъ военныхъ наукъ нѣтъ, Михаилъ Григорьевичъ былъ надѣленъ природнымъ даромъ стратега *), благодаря которому онъ, при обозрѣніи позиціи, безошибочно умѣлъ использовать всѣ благопріятныя условія данной мѣстности при расположеніи войскъ и подъ его начальствомъ были немыслимы столь часто дѣлаемые заурядными военачальниками ошибки и недочеты.

Во время послѣдней Турецкой войны, при первомъ же бѣгломъ осмотрѣ нашихъ позицій, при Александрополѣ, на Кавказѣ онъ тотчасъ же усмотрѣлъ всѣ наши слабыя стороны и недосмотры. Такъ

*) Онъ разсказывалъ намъ, что во время своихъ частыхъ путешествій на лошадяхъ онъ имѣлъ привычку воображать себѣ сраженія на мѣстностяхъ, обратившихъ на себя его вниманіе и мысленно придумывалъ наилучшій способъ расположенія войскъ.

какъ турки считались врагомъ не серьезнымъ, а позиціи наши сильными, то послѣднія укрѣплены не были, въ крѣпости гарнизонъ отсутствовалъ, пикеты на ночь не выставлялись. На передовыхъ позиціяхъ онъ былъ пораженъ видомъ двухъ лагерей, на ровномъ мѣстѣ съ промежуткомъ въ шесть, восемь верстъ, изъ которыхъ одинъ былъ расположенъ фронтомъ къ непріятельской укрѣпленной позиціи, а другой правымъ своимъ флангомъ. Каждый лагерь примыкалъ къ отдѣльной горѣ, не занятой нашими войсками. Указавъ на необходимость укрѣпить эти возвышенности, онъ предсказалъ, что съ занятіемъ каждой изъ этихъ горъ держаться въ лагеряхъ будетъ немыслимо.

11 Августа онъ объѣхалъ позиціи, а 13-го турки, переколовъ три роты дежурнаго батальона, то есть около 400 человѣкъ, заняли одну изъ возвышенностей и поставили на нее двѣнадцать орудій.

Вызванный въ Кишиневъ изъ Сербіи, во время перемирія, въ Декабрѣ 1876 г. онъ настойчиво указывалъ Вел. Кн. Николаю Николаевичу на недостаточность тѣхъ силъ, съ которыми предполагалось начать нашу войну съ Турціей. Неудачи наши во время первой половины этой кампаніи къ несчастью вполнѣ подтвердили всю справедливость высказанныхъ имъ мнѣній. Михаилъ Григорьевичъ настойчиво придерживался того мнѣнія, „что можно спорить, нужна ли война или нѣтъ, но разъ она рѣшена нужно думать ни о чемъ другомъ какъ о побѣдѣ, потому что побѣда всегда дешевле въ 1000, въ 10000 разъ пораженія. Кто думаетъ иначе или не вѣритъ возможности достигнуть цѣли войной или не понимаетъ военнаго дѣла“.

Съ двѣнадцатилѣтняго возраста Михаилъ Григорьевичъ посвятилъ себя военному дѣлу. 22 лѣтъ отъ роду онъ уже принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Придунайскихъ княжествахъ и съ тѣхъ поръ участвовалъ до Турецкой войны 1877 г. во всѣхъ рѣшительно кампаніяхъ во время царствованія Александра II. Въ Сербіи ему вручены

были главныя силы княжества въ борьбѣ его съ Турками. На основаніи этого рѣдкаго и долговременнаго опыта всѣ его мнѣнія о военномъ дѣлѣ вообще и о всѣхъ деталяхъ его въ частности пріобрѣтаютъ особенный вѣсъ и значеніе.

Михаилъ Григорьевичъ считалъ, что наилучшимъ типомъ военно-учебныхъ заведеній были корпуса Николаевскаго времени, гдѣ жизнь по его словамъ составляла сколокъ съ жизни солдата и гдѣ съ поступленія до производства въ офицеры товарищи не разставались, что развивало глубокое чувство солидарности столь необходимое въ войскахъ.

Въ словахъ обращенныхъ Михаиломъ Григорьевичемъ воспитанникамъ Константиновскаго училища *) во время празднованія одной изъ его годовщинъ, онъ высказалъ свой взглядъ на воспитаніе вообще и военное воспитаніе въ частности.

„Въ наше отдаленное время, говорилъ Михаилъ Григорьевичъ, почти исключительное вниманіе обращалось на развитіе тѣхъ душевныхъ качествъ, безъ которыхъ нѣтъ воина въ полномъ смыслѣ этого слова, какъ бы многочисленны не были пріобрѣтенныя имъ знанія. Самоотверженіе, сознаніе своего долга, стремленіе къ добру и правдѣ требовалось прежде знанія, потому что только эти качества одухотворяютъ всякое знаніе и ведутъ къ творчеству, безъ котораго всякое знаніе есть капиталъ мертвый. Держите же крѣпко, молодые друзья, въ рукахъ вашихъ знамя вашихъ отцовъ и дѣдовъ по воспитанію, на которомъ было начертано и впредь ничего начертано быть не можетъ кромѣ слѣдующаго девиза: все кромѣ чести въ жертву Царю и Родинѣ. Подъ сѣнью этого знамени вы пройдете твердо жизненный путь и заслужите уваженіе и благодарность соотечественниковъ“.

Съ отличіемъ пройдя всю умственную муштру высшаго военно-учебнаго заведенія, изучивъ теорію

*) Бывшій Дворянскій полкъ, гдѣ воспитывался М. Г. впослѣдствіи преобразованный въ Константиновское училище.

военнаго искусства въ академіи генеральнаго штаба, Михаилъ Григорьевичъ столкнувшись съ боевой дѣйствительностью на поляхъ Молдавіи и Валахіи во время кампаніи 53 г. убѣдился насколько теорія расходится съ практикой. Не колеблясь онъ вскорѣ отбросилъ весь этотъ, по его выраженію, ненужный хламъ и впослѣдствіи слову, академическій, придавалъ значеніе нарицательное, обозначая этимъ терминомъ теорію, противорѣчащую и расходящуюся съ практикой.

Извѣрившись въ военной наукѣ, Михаилъ Григорьевичъ утверждалъ, что „въ Россіи науки нѣтъ, потому что нѣтъ самостоятельной русской мысли. „То, чему учатъ у насъ въ школахъ, гимназіяхъ, университетахъ, не есть наука, а познанія ни къ чему не нужныя и затемняющія разсудокъ. Стремленія наши къ самостоятельности ограничиваются оговорками, ужимками, разведеніемъ европейщины теплой водицей. Въ Европѣ, гдѣ есть самостоятельная мысль наука идетъ рука объ руку съ жизнью, помогаетъ идти послѣдней своимъ путемъ. У насъ наука идетъ во всемъ наперекоръ жизни. Русскій ученый самый вредный человѣкъ для своихъ соотечественниковъ. Самые полезные общественные дѣятели были изъ людей не прошедшихъ всю умственную муштру".

Военная академія, по мнѣнію Михаила Григорьевича, отжила свой вѣкъ и потому слѣдуетъ сохранить геодезическое ея отдѣленіе преобразовавъ ее въ высшее Военно-учебное учрежденіе.

Она была полезна въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда общій уровень образованія среди офицеровъ, стоялъ гораздо ниже чѣмъ теперь. Въ то время она подготовляла офицеровъ, умѣвшихъ составить описаніе боя, написать бумагу въ высшую инстанцію и производить геодезическіе снимки.

Придавая первенствующее значеніе умѣнью воодушевлять и дѣйствовать на массы онъ не одобрялъ даваемое нынѣ повсюду преимущество въ войскахъ офицерамъ генеральнаго штаба, получившимъ большее умственное развитіе сравнительно съ строевыми офицерами, но уступающимъ этимъ послѣднимъ въ

умѣньѣ управлять солдатомъ.

Въ воспитаніи арміи онъ считалъ необходимымъ „соблюденіе умственнаго и нравственнаго равновѣсія и потому порицалъ одностороннее стремленіе нынѣшнихъ военныхъ педагоговъ къ умственному развитію солдата подъ предлогомъ усложнившагося оружія и разсыпнаго дѣйствія, предоставляющаго каждаго самому себѣ. Какъ бы сложно оружіе ни было, говоритъ далѣе Михаилъ Григорьевичъ, имъ можетъ также скоро научиться владѣть каждый дикарь, какъ и развитой человѣкъ. Доказательствомъ этому могутъ служить туркмены, овладѣвшіе подъ Геокъ-Тепе берданками и отлично употребившіе ихъ, никогда не видавъ ихъ до этого".

Также не одобрялъ онъ всеобщаго увлеченія и стремленія къ тому, чтобы армія служила проводникомъ грамотности въ народѣ, считая что она „должна служить не цивилизаторскимъ тенденціямъ, по существу ей скорѣе противнымъ, а побѣдѣ надъ внѣшнимъ врагомъ своей родины. Кромѣ военной техники въ буквальномъ смыслѣ слова и военной психологіи другихъ военныхъ наукъ не существуетъ утверждалъ Михаилъ Григорьевичъ. Военная же психологія есть наука и аксіома, которую каждый изучать можетъ, но овладѣваетъ ею только талантъ".

„Успѣхъ на войнѣ зависитъ отъ двухъ условій, таланта военачальника и духа войска. Талантъ военачальника заключается въ пониманіи своего народа и умѣньѣ пользоваться его качествами. То и другое не можетъ быть пріобрѣтено ни въ какихъ академіяхъ".

„Каждый народъ имѣетъ свои особенныя качества и недостатки, поэтому не можетъ быть общихъ правилъ для одержанія побѣды, или другими словами, не можетъ быть всеобщей тактики, какъ не можетъ быть всемірнаго типа солдата, хотя бы онъ былъ одинаково дисциплинированъ, обученъ и вооруженъ. Солдатъ выходитъ изъ народа, а потому не понимая народа, трудно понять и солдата".

„Изучить же солдата могутъ только тѣ, кто жили

съ нимъ одною жизнью, непосредственно имъ командовали, изучали его въ ротѣ, а не въ строю и на ученьѣ".

„На парадахъ всѣ войска одинаковы и папскія по виду и стройности движеній могутъ произвести на учебномъ полѣ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ закаленные въ бояхъ батальоны".

Солдатъ есть главное орудіе войны и кто не знаетъ солдата не можетъ съ успѣхомъ распорядиться имъ. Доказательствомъ можетъ служить наша академія генеральнаго штаба, давшая съ своего основанія въ 1832 г. по сіе время только два военныхъ имени, Пассека на Кавказѣ и Скобелева на Дунаѣ. Между тѣмъ фронтъ за это время выставилъ рядъ блестящихъ именъ, живущихъ до сихъ поръ въ памяти войска".

Духовному началу въ военномъ дѣлѣ онъ придавалъ первенствующее значеніе, утверждая, что цифра войскъ и геометрическая фигура ихъ расположенія на театрѣ войны и въ бою не имѣетъ того рѣшающаго значенія, какое нынѣ полагается.

При взятіи Ташкента онъ на дѣлѣ доказалъ справедливость своего утвержденія, взявъ стотысячный укрѣпленный городъ, защищаемый 30 т. гарнизона при 63 орудіяхъ, имѣя въ своемъ распоряженіи всего двѣ тысячи человѣкъ, вооруженныхъ гладкоствольными ружьями и 12 пушками, бракованными послѣ 1812 года.

„Сраженіе между какими бы многочисленными массами ни происходило есть единоборство обоихъ главнокомандующихъ. У кого изъ нихъ душа больше того войско и побѣдитъ".

„Главнокомандующій же, не имѣющій опредѣленнаго плана, готовъ нести бремя въ десять разъ больше чѣмъ нужно лишь бы избѣжать генеральнаго сраженія".

Вопреки модному изрѣченію, что нѣмцы побѣдили французовъ при помощи школьнаго учителя онъ приписывалъ ихъ побѣды „непосредственно вождямъ ихъ арміи и духу нѣмецкаго народа высоко

настроеннаго благодаря успѣхамъ двухъ предъидущихъ войнъ".

Придавая первенствующее значеніе нравственной сплоченности арміи, девизъ которой долженъ быть на жизнь и на смерть „слушаюсь", онъ утверждалъ, что духъ войска зависитъ отъ степени рѣшимости военачальника побѣдить или умереть.

Находясь всегда самъ впереди, беззавѣтно подвергая себя опасности онъ считалъ что издали, внѣ сферы огня руководить сраженіемъ положительно нельзя.

Значительнымъ стимуломъ для поднятія духа войска онъ считалъ усовершенствованное оружіе и потому всегда настаивалъ на неотложной необходимости не отставая отъ другихъ державъ слѣдить за послѣднимъ словомъ военной техники, такъ какъ побѣда всегда въ тысячу разъ дешевле пораженія. Усовершенствованное же оружіе возвышаетъ духъ войска и такимъ образомъ двоякимъ способомъ содѣйствуетъ побѣдѣ.

Нѣкоторую часть своихъ блестящихъ успѣховъ въ Средней Азіи онъ приписывалъ превосходству русскаго оружія надъ оружіемъ азіатовъ, настолько возвышавшаго духъ нашего маленькаго отряда, что онъ постоянно побѣждалъ несравненно сильнѣйшаго непріятеля *).

Неудачи же наши во время Крымской кампаніи и войны съ Турціей 1877 г. онъ основывалъ на отсталости нашей военной техники, всегда понижающе дѣйствующей на духъ войска.

„Всякая новизна въ вооруженіи, неизвѣстная противнику, поражая его неожиданностью, есть вѣрнѣйшій залогъ побѣды".

Рѣшающее значеніе въ будущихъ войнахъ, онъ предсказывалъ магазинкѣ, взрывчатому составу и воздушнымъ шарамъ въ качествѣ метательныхъ

*) Слѣдуетъ замѣтить, что превосходство это было весьма относительно; такъ ружья были гладкоствольные, а пушки бракованы послѣ войны 12 года, въ Ташкентъ же было 63 орудій противъ 12 нашихъ.

снарядовъ, а не для рекогносцировокъ, что въ настоящее время въ значительной степени и оправдалось.

„Цензъ, умственное усиленное развитіе, военные округа и отсутствіе высшаго постояннаго командованія, онъ считалъ прямымъ слѣдствіемъ отрицанія нравственнаго элемента въ арміи".

На основаніи вышеприведенныхъ взглядовъ Михаилъ Григорьевичъ, утверждалъ, что, введенныя гр. Милютинымъ реформы положительно вредны, въ особенности дѣленіе Россіи на военные округи и введеніе воинской повинности.

„Эта мѣра была введена во Франціи, во время реставраціи, по проекту маршала Сенъ Сира съ цѣлью уничтожить въ арміи духъ преданности къ ея бывшему геніальному вождю, заключенному на островѣ Св. Елены. Народу призывъ рекрутовъ ежегодно обходится очень дорого, а главное при этой системѣ армія является настолько не сплоченною нравственно, что мы каждую кампанію будемъ начинать цѣлымъ рядомъ жестокихъ пораженій".

„Для борьбы съ рутиной слѣдуетъ до тѣхъ поръ повторять „Carthago delenda est" пока туманъ не разсѣется. Когда въ германскомъ рейхстагѣ благополучно прошелъ законопроектъ объ увеличеніи численности арміи и сокращенія срока службы, у насъ въ Россіи слѣдовало отвѣтить на него увеличеніемъ годовъ службы, такъ какъ только при существованіи хорошихъ кадровъ въ войскахъ будетъ жить тотъ духъ единства и товарищества, который составляетъ могущественный рычагъ для одержанія побѣды. При настоящемъ постоянномъ измѣненіи въ составѣ войскъ необходимо по возможности долѣе удерживать на службѣ офицеровъ, то есть наиболѣе постоянный элементъ арміи".

Въ виду этого Михаилъ Григорьевичъ постоянно и настойчиво указывалъ на необходимость настолько увеличить ихъ содержаніе, чтобы они не были принуждены оставлять военную службу, для другихъ профессій болѣе обезпечивающихъ ихъ личное и

семейное положеніе.

„Армія должна быть надежнымъ въ рукахъ полководца орудіемъ, писалъ онъ 17-го Апрѣля 1868 г. въ Русскомъ мірѣ, „это достигается предварительными условіями ея устройства и ея воспитанія".

Въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, Михаилъ Григорьевичъ считалъ десятилѣтній срокъ необходимымъ для выполненія всей намѣченной имъ программы преобразованій, а до полнаго осуществленія задуманныхъ имъ реформъ, по его мнѣнію слѣдовало по мѣрѣ силъ и возможности избѣгать вооруженнаго столкновенія съ сосѣдями, такъ какъ при настоящемъ положеніи военнаго дѣла въ Россіи пораженія неизбѣжны, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ предстоящихъ намъ кампаній.

IV.

Дважды, хотя на самые короткіе сроки, онъ былъ призванъ къ административной дѣятельности въ Средней Азіи. Здѣсь какъ и всегда онъ выказалъ ясность и широту взгляда, глубокій здравый смыслъ и истинное проникновеніе духа, покореннаго имъ народа.

Врагъ канцелярщины и бюрократизма, онъ работалъ на этомъ поприщѣ въ полномъ смыслѣ слова не покладая рукъ, съ истинной бережливостью соблюдая интересы государственной казны.

Назначенный военнымъ губернаторомъ Туркестантской области 16-го Февраля 1865 г., онъ былъ уже отчисленъ съ занимаемой имъ должности 4-го Августа, того же года. Конечно въ теченіи этого, можно сказать, мимолетнаго управленія, онъ не успѣлъ много сдѣлать для гражданскаго устроенія, но тѣмъ не менѣе имъ былъ ясно намѣченъ тотъ путь, по которому для пользы Россіи, для блага и процвѣтанія страны слѣдовало идти его замѣстителямъ.

Считаясь съ нравами, мѣстными условіями, обычаями и нуждами туземнаго населенія онъ сохра-

нилъ самоуправленіе *) упрочивъ этою мѣрой естественное развитіе и ростъ этого богатѣйшаго края.

Только что замирившимся милліоннымъ его населеніемъ онъ управлялъ при помощи всего шести чиновниковъ и четырехъ переводчиковъ, причемъ всѣ расходы по его управленію не превысили пятидесяти тысячъ рублей. Несмотря на это за кратковременное свое управленіе онъ успѣлъ собрать всѣ подати, устроить пути сообщенія между Вѣрнымъ и Ташкентомъ, учредить постоянное почтовое сообщеніе и настолько установить полную безопасность, что всѣ ѣздили безъ конвоя, что немыслимо въ настоящее время на Кавказѣ.

Основой столь быстраго умиротворенія края и полной внутренней безопасности было именно управленіе согласное характеру и духу азіата, пониманіе его нуждъ и практическое ихъ удовлетвореніе.

При такомъ положеніи дѣла двухъ съ половиною баталіоновъ и 8½ сотенъ казаковъ было достаточно для охраненія спокойствія необъятной степи отъ Оренбурга до Сыръ-Дарьи. Для внѣшней же безопасности и охраны 20 т. всадниковъ были всегда на готовѣ дать отпоръ непріятельскому нападенію.

Такая система и примѣненіе ея на практикѣ, создала Михаилу Григорьевичу среди туземнаго насѣленія ту популярность, которая росла не по днямъ, а по часамъ.

Сынъ Алимъ-Кула, убитаго въ сраженіи подъ Ташкентомъ, предводителя азіатскихъ скопищъ поднесъ Михаилу Григорьевичу шашку отца своего.

Старѣйшины и жители Ташкента поднесли ему старинный щитъ при адресѣ, въ которомъ называютъ его „не покорителемъ, а истиннымъ избавителемъ отъ азіатскихъ деспотовъ. Вы кроткимъ отеческимъ управленіемъ, говорили они далѣе, „дали намъ понять, что ежели и есть на этомъ свѣтѣ счастіе, то счастіе это заключается въ томъ, чтобы быть подданными Великаго Русскаго Царя и имѣть надъ собою такого на-

*) Въ Ташкентѣ онъ оставилъ туземную полицію, облеченную въ мѣстный живописный костюмъ, и порядокъ въ городѣ былъ образцовый.

чальника, какъ Вы, достойнѣйшій Михаилъ Григорьевичъ. Сказанное нами не лесть, а святая правда, которую говорятъ Вамъ 100 т. Ташкентцевъ, испытывающихъ нынѣ истинное благополучіе подъ вашимъ мудрымъ правленіемъ. Въ такое короткое время Вы успѣли внести значительныя улучшенія въ нашемъ быту. Къ Вамъ каждый изъ насъ имѣетъ доступъ во всякое время и Вы всегда съ кротостью и терпѣніемъ выслушиваете наши жалобы, по которымъ каждый изъ насъ безъ задержки получаетъ удовлетвореніе *). Не будучи Ташкентцемъ нельзя понять и оцѣнить того безкорыстнаго къ Вамъ уваженія и любви, какой Вы пользуетесь между нами".

Самъ покоритель Ташкента не оставался въ этомъ отношеніи въ долгу у населенія, чувствуя самую искреннюю симпатію и къ наивному обитателю степей Киргизу и къ умному, почтенному политичному Сарту.

„Легендарная, по мнѣнію туземцевъ, отвага ген. Черняева," писалъ въ Свѣтѣ „Туркестанецъ", человѣческое его отношеніе къ нимъ и, нужно прибавить искреннее, не напускное, почему онъ и оставался вѣрнымъ своимъ принципамъ до конца,—сразу упрочило за Михаиломъ Григорьевичемъ ту популярность, то свѣтлое имя, которое вотъ прошло уже 17 лѣтъ не померкло среди благодарныхъ обитателей Средней Азіи, а вмѣстѣ съ нимъ закрѣпило тамъ русское имя".

„17 лѣтъ тому назадъ, если не ошибаюсь, 10 марта, тянулась нескончаемая вереница пестрыхъ халатовъ на Чемкентскую дорогу. Уныло опущенныя на грудь сѣдобородыя головы, въ бѣлыхъ, зеленыхъ и красныхъ чалмахъ живо свидѣтельствовали, что не для веселой тризны собрались эти хорошіе люди. Въ гробовомъ молчаніи остановились они у построенной арки, гдѣ между другими надписями виднѣлось: выѣхалъ 10 марта 1866 года, возвратился— оставлено мѣсто".

*) При введеніи нашего сложнаго судопроизводства населеніе было лишено этой скорости рѣшеній.

„Въ нѣкоторомъ отдаленіи собралась кучка ветерановъ-солдатъ, которые на вопросъ о срокѣ службы, обыкновенно отвѣчали „Черняевскій“, утирая корявымъ кулакомъ скатывающуюся слезу, они хмуро смотрѣли на дорогу, ведущую отъ города. Подъѣхала коляска. Офицерство бросилось къ ней, вынуло съ блестѣвшими слезами на глазахъ любимаго своего друга, генерала, дѣлившаго съ ними труды боевой степной жизни и нерѣдко скудную свою хлѣбъ-соль и въ томительной тишинѣ, понесли его на рукахъ къ столу, гдѣ приготовлена была прощальная чарка“.

„Что то щемящее сдавливало грудь, горло. На Михаила Григорьевича было жутко смотрѣть. Въ № 117 „Свѣтъ“ по поводу назначенія въ настоящее время (1882 г.) генерала Черняева было сказано слѣдующее: генералъ Черняевъ много видалъ и много знаетъ. Мы прибавимъ: и много перечувствовалъ“.

„Наконецъ, послѣ жгуче тоскливаго часа, поднялся старѣйшій изъ всѣхъ туземцевъ, сѣдой какъ лунь Кази-Калянъ и глухимъ, надорваннымъ голосомъ, обращаясь къ Михаилу Григорьевичу сказалъ: „Генералъ, мы пришли съ тобою проститься, а женъ и дѣтей своихъ оставили дома и приказали имъ молиться, чтобы Богъ возвратилъ тебя къ намъ“.

Въ 1883 году онъ снова возвратился въ край, найдя громадныя перемѣны. При учрежденіи генералъ-губернаторства стоимость гражданской администраціи дошла до милліона рублей, количество войска было настолько увеличено, что стало въ матерьяльномъ отношеніи обременительнымъ для края. Населеніе было принято считать за tabula rasa и всѣ плоды европейской цивилизаціи и просвѣщенія до классической гимназіи включительно стали вводиться среди азіатскихъ народовъ.

Естественный ростъ края остановился и эта богатѣйшая окраина наша вмѣсто доходовъ, стала приносить государству ущербъ.

Назначенный въ 1882 году генералъ-губернато-

Будучи отъ природы сдержаннымъ, застѣнчивымъ до столбняка и въ обществѣ передъ высшими я какъ бы копилъ нравственныя силы для того чтобы вылить ихъ въ форму ташкентской эпопеи и мало оцѣнили это исключительное напряженiе духовныхъ силъ

М. Черняевъ

ромъ Туркестантскаго края Михаилъ Григорьевичъ съ искреннимъ рвеніемъ принялся за исполненіе державной воли Государя Александра III, высказавшаго ему передъ отъѣздомъ свое желаніе, чтобы „эта окраина была бы не бременемъ для Россіи, а служила ей на пользу".

Тяжелое наслѣдіе досталось Михаилу Григорьевичу, особенно затрудненное продолжительной болѣзнью своего предшественника.

Приходилось упрощать громадную и сложную бюрократическую машину, и для сокращенія штатовъ, скрѣпя сердце, увольнять лишнихъ людей. Все это, конечно, породило много недовольства и тѣмъ болѣе было тяжело Михаилу Григорьевичу, что онъ по сердечности своей натуры всегда былъ готовъ помочь ближнему въ бѣдѣ.

Однако и на этотъ разъ не смотря на свое кратковременное пребываніе (отъ 25 мая 1882 г. — 21 февраля 1884 г.) въ краѣ посвятивъ значительную часть времени на объѣздъ его, онъ успѣлъ сократить расходы государственнаго казначейства на сумму болѣе чѣмъ на полмилліона рублей. Достигъ онъ этого, упразднивъ ненужную Аральскую флотилію, сокративъ часть войска соотвѣтственнымъ его преобразованіемъ и измѣненіемъ системы его продовольствія.

Вблизи города Ходжента онъ прорылъ каналъ изъ Сыръ-Дарьи на протяженіи 15 верстъ, оросивъ этою мѣрою 35.000 десятинъ земли. Другой каналъ былъ проведенъ имъ возлѣ Перовска, на протяженіи 25 верстъ, способный оросить 100.000 десятинъ. Такія ирригаціонныя работы въ степяхъ Средней Азіи имѣютъ громадное значеніе, обращая безводныя пустыни въ плодородныя пространства, поднимая производительность края и слѣдовательно его доходность.

Для того чтобы остановить ростъ цѣны за вьючную перевозку товаровъ изъ Средней Азіи въ Россію и обратно, стѣсняющую торговлю Михаилъ Григорьевичъ, такъ сказать, открылъ новый, кратчайшій путь и удостоился за это Высочайшей благо-

дарности. Во время этой его поѣздки по новому пути имъ была также доказана на опытѣ судоходность залива Мертвый Култукъ дотолѣ упорно отрицаемая учеными топографами.

Имъ былъ намѣченъ цѣлый рядъ преобразованій въ управленіи и устройствѣ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній и одновременно онъ собирался уже было приступить къ осуществленію грандіознаго и давно занимавшаго его проекта поворотить Аму-Дарью въ Каспійское море. Наконецъ онъ имѣлъ въ виду такъ поставить наше положеніе въ Средней Азіи, чтобы держать постоянно дамокловъ мечъ надъ англійскими владѣніями въ Индіи.

Англичане конечно тотчасъ же почуяли эту неблагопріятную для нихъ атмосферу и сдѣлали все возможное, чтобы удалить такого человѣка, какимъ былъ Михаилъ Григорьевичъ.

Они ловко подвели мину при помощи своего буффера, Авганцевъ, разсчитавъ опасеніемъ возможности столкновенія съ Англіей загипнотизировать нашу военную бюрократію и на этой почвѣ пріобрѣли себѣ въ ней невольнаго союзника для удаленія Михаила Григорьевича.

Англичане возбудили Авганцевъ на непріязненныя дѣйствія противъ нашихъ Бухарцевъ, которымъ Михаилъ Григорьевичъ считалъ необходимымъ оказать поддержку. Изъ за этого возникло у него разногласіе съ военнымъ министромъ, однако настойчивость Михаила Григорьевича побѣдила и имъ было получено разрѣшеніе выдать Бухарцамъ нѣсколько сотъ ружей и двинуть демонстративно русскій отрядъ на авганскую границу.

Тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ все таки взяла верхъ наша военная бюрократія, сыгравъ этимъ въ руку Англіи, разсчетъ которой оказался вѣренъ. Михаилъ Григорьевичъ былъ выброшенъ за бортъ и на этотъ разъ уже окончательно *).

*) При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что послѣ удаленія Михаила Григорьевича съ поста генералъ-губернатора, Авганцы тотчасъ же прекратили свои враждебные дѣйствія противъ Бухарцевъ.

V.

Прождавши напрасно болѣе трехъ лѣтъ послѣ покоренія Ташкента соотвѣтствующаго назначенія, Михаилъ Григорьевичъ пришелъ къ тому угнетавшему его убѣжденію, что на поприщѣ государственной дѣятельности ему не дадутъ ходу и потому трижды пытался служить интересамъ родины, сдѣлавшись редакторомъ, съ цѣлью этимъ путемъ проводить свои политическіе взгляды и убѣжденія.

Въ 1868 г., по случаю намѣренія тогдашняго военнаго министра, гр. Милютина прекратить изданіе „Инвалида", Михаилъ Григорьевичъ всегда горячо принимавшій къ сердцу интересы войска, обратился къ гр. Милютину съ просьбой о назначеніи его редакторомъ этого военнаго органа, энергично ратуя за его сохраненіе, такъ какъ въ немъ „какъ въ зеркалѣ отражается вся исторія нашей славной арміи, вся ея жизнь, вся ея слава, ея неудачи и на страницахъ „Инвалида" она читаетъ волю своего Державнаго Вождя, Его милости и похвалы". Онъ представилъ свою программу, считая существовавшую не соотвѣтствующей истиннымъ потребностямъ арміи и предложилъ настолько уменьшить ея подписную стоимость, чтобы она не была обременительна скромному офицерскому карману. Однако просьба его исполнена не была и редакторство „Русскаго Инвалида" было передано другому лицу.

Въ 1876 г., когда возгорѣлось Герцоговинское возстаніе Михаилъ Григорьевичъ редактировалъ большую, политическую газету „Русскій Міръ", взявшую подъ свою защиту изнемогавшихъ подъ турецкимъ игомъ Славянъ и проповѣдавшую освободительную роль Россіи. Газета пріобрѣтая все болѣе и болѣе подписчиковъ, становилась уже на твердую почву въ матеріальномъ отношеніи. Однако не смотря на этотъ успѣхъ, онъ покинулъ редакторство „Русскаго Міра", ставъ въ Сербіи, на полѣ брани во главѣ защитниковъ угнетенныхъ Славянъ. Газета же, пере-

данная имъ въ другія руки, успѣха не имѣла и вскорѣ должна была прекратить свое существованіе.

Наконецъ, третья попытка Михаила Григорьевича на этомъ поприщѣ относится ко времени смерти Каткова, когда онъ просилъ передать ему редакторство „Московскихъ Вѣдомостей", но и эта попытка успѣха не имѣла.

Такимъ образомъ лишенный надежды руководить самостоятельно печатнымъ органомъ и принимая живѣйшее участіе во всѣхъ вопросахъ нашей внѣшней и внутренней политики Михаилъ Григорьевичъ, отлично владѣя перомъ сталъ высказывать свои взгляды на самые разнообразные вопросы русской жизни въ статьяхъ, помѣщаемыхъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Судьба Туркестана, этого любимаго его дѣтища всегда возбуждала въ немъ живѣйшее участіе и потому, когда былъ рѣшенъ проектъ проведенія линіи жел. дор. черезъ Мервскій оазисъ и Бухару, Михаилъ Григорьевичъ въ пространной статьѣ, напечатанной въ „Новомъ Времени" указывалъ на полную безполезность этого направленія желѣзно-дорожнаго пути въ стратегическомъ и торговомъ отношеніи.

За это онъ былъ отчисленъ въ запасъ изъ членовъ Военнаго Совѣта, лишившись половины своего содержанія и долженъ былъ впредь отказаться отъ утѣшенія печатно высказывать свои мысли. Такимъ образомъ нѣмая могила какъ бы пріяла его въ свои объятія еще при жизни, при полномъ расцвѣтѣ его умственныхъ силъ.

VI.

Будучи въ самыхъ искреннихъ, дружественныхъ отношеніяхъ со всѣми выдающимися представителями славянофильства, признавая тождественно съ ними краеугольными камнями нашей государственности Православіе, Самодержавіе и Народность и въ 76 г. пожертвовавъ всѣмъ на защиту славянской идеи, онъ

самъ не причислялъ себя ни какому лагерю нашей общественной мысли *).

Реформы царствованія Александра II не вызвали въ немъ того восторженнаго поклоненія, которымъ увлекалось общество. Освобожденіе крестьянъ онъ считалъ вопросомъ назрѣвшимъ и назрѣвшимъ еще со временъ предъидущихъ царствованій, постоянно порицая поспѣшную необдуманность проведенія этой реформы.

Вопросъ же экономическаго благосостоянія крестьянъ по его мнѣнію далеко не былъ разрѣшенъ земельнымъ надѣломъ, что вполнѣ подтвердили періодическія голодовки и настоящее печальное положеніе нашего крестьянства. Не раздѣлялъ онъ также всеобщаго въ то время увлеченія судебной реформой нынѣ тоже оправдавшееся, приводя изреченіе митрополита Филарета который указавъ на икону Спасителя сказалъ: „и Его тоже судили гласнымъ судомъ“ **).

Сторонникъ строгой отвѣтственности передъ закономъ, онъ энергично порицалъ то ложное увлеченіе гуманностью, при которой преступникамъ въ тюрьмахъ и подъ мечомъ карающаго закона живется лучше нежели честнымъ людямъ на волѣ.

Всему умственному и нравственному складу Михаила Григорьевича прямо таки претило то quasi либеральное направленіе шестидесятыхъ годовъ, когда по словамъ поэта Щербины:

Былъ въ модѣ трубочистъ,
А генералы гнули выю,
Когда стремился гимназистъ
Преобразовывать Россію,
Когда чуть выскочивъ изъ школъ
Въ судахъ мальчишки возсѣдали,
Когда фразистый произволъ
Либерализмомъ величали.

*) Къ концу своей жизни онъ сталъ склоняться къ мысли что трудно единоличному уму проникнуть во всѣ нужды и задачи такого необъятнаго государства какъ Россія.

**) Т. е. одна гласность не составляетъ суда праведнаго.

„Въ то время", писалъ Михаилъ Григорьевичъ въ письмѣ своемъ къ ****, „у насъ въ Россіи господствовала полная разнузданность ума и сердца и совершенное отсутствіе этики въ самой жизни. Этотъ потокъ, смывавшій всю духовную сторону человѣка, велъ прямо къ его оживотѣлости. Необходимо было противоядіе и это противоядіе былъ классицизмъ".

„Къ несчастію люди, руководившіе просвѣщеніемъ въ Россіи не были на высотѣ своей задачи. Вышло что то необыкновенно уродливое, безъ всякаго содержанія внутренняго. Хотя классицизмъ въ эту тупоумную эпоху не могъ поднять духовную сторону, но по крайней мѣрѣ онъ спасъ ее отъ паденія. Вотъ по моему мнѣнію, такъ заканчиваетъ Михаилъ Григорьевичъ, относительная польза классическаго образованія, за которую нельзя не помянуть добрымъ словомъ память Каткова и Леонтьева".

Въ большую также заслугу ставилъ онъ Каткову отрезвленіе общественной мысли въ польскомъ вопросѣ въ то время, когда даже среди носящихъ военный мундиръ находились люди готовые, забывъ долгъ присяги, отказаться отъ участія въ усмиреніи бандъ польскихъ повстанцевъ.

Допустивъ расчленить живое тѣло польскаго народа Екатерина Великая сдѣлала жестокую и неисправимую историческую ошибку. Въ настоящее же время, когда назрѣло рѣшеніе славянскаго вопроса вообще и польскаго въ частности это энергичное и талантливое племя по мнѣнію Михаила Григорьевича, должно рѣшить, примкнетъ ли оно къ Россіи, Пруссіи или Австріи въ предстоящей борьбѣ.

Возмущаясь всѣмъ существомъ своимъ противъ отрицательныхъ вѣяній шестидесятыхъ годовъ, противъ „либераловъ, этихъ недоумковъ, еще не пережитой нами пустозвонной эпохи", онъ порицалъ жестокость правительственныхъ репрессій относительно увлекавшейся молодежи и ея корифеевъ.

„Всегда съ упрекомъ смотрѣть и пишетъ онъ въ вышеприведенномъ письмѣ, на тѣ жестокія мѣры, которыя правительство сочло нужнымъ принять про-

тиву Чернышевскаго, вся вина котораго въ томъ, что у него воображеніе брало верхъ надъ разсудкомъ. Но считать Чернышевскаго великимъ учителемъ, принесшимъ своею жизнью пользу человѣчеству могутъ только мальчишки; это болѣе чѣмъ ошибочно, это забавно".

„Романъ его „Что дѣлать" не имѣетъ за собою даже оригинальности —это мысли Фурье, Сенъ-Симона и tutti quanti. Изложенъ онъ грязненько и потому нравится толпѣ невысокаго сорта".

„Къ этому я могу еще прибавить, что въ свое время идеями, заимствованными изъ чужихъ книжекъ, Чернышевскій увлекъ много молодежи въ Петропавловскую крѣпость, а оттуда на висѣлицу и передъ его раскрытой могилой можно сказать только слово прощенія за всѣ погубленныя имъ молодыя жизни".

Таково было отношеніе Михаила Григорьевича къ шестидесятымъ годамъ и симпатіи его всецѣло принадлежали тѣмъ положительнымъ началамъ русской жизни, которыя опираются на истинное знаніе своего народа, на исконныя преданія нашего славнаго историческаго прошлаго.

Его влекло ко всему тому, что носило на себѣ печать яркаго таланта и народности, силы воли, преданности идеѣ и долгу.

Онъ преклонялся передъ величавой личностью Государя, Николая Павловича, передъ геніемъ Пушкина, передъ вдохновенными бытописателями русской жизни Достоевскимъ и Толстымъ, считая Тургенева поэтомъ нашего безвольнаго поколѣнія шестидесятыхъ годовъ, эпохи, стремившейся талантъ пригнуть къ посредственности, къ среднему человѣку.

Личности, личной волѣ и иниціативѣ онъ придавалъ передъ толпой и предъ наисовершеннѣйшимъ въ принципѣ и теоріи учрежденіемъ первенствующее значеніе.

Личность всегда, по его мнѣнію, бываетъ и руководительницею и выразительницею всякаго общественнаго движенія, а толпа только слѣдуетъ за

тѣмъ, кто умѣетъ угадать и предчувствовать истинное настроеніе времени.

Искренно признавая, что Православіе составляетъ одинъ изъ великихъ устоевъ нашей государственной и народной жизни, онъ всегда и всюду стоялъ на стражѣ его интересовъ, отличаясь въ то же время самой широкой вѣротерпимостью.

Когда князь, Фердинандъ Болгарскій присоединилъ сына своего къ лону Православной церкви, Михаилъ Григорьевичъ первый написалъ ему письмо и горячо привѣтствовалъ его съ этимъ великимъ историческимъ подвигомъ.

Тотчасъ послѣ взятія Ташкента онъ озаботился о закладкѣ городского собора, при своемъ имѣньѣ Могилевской губ., Тубышкахъ учредилъ самостоятельный приходъ и на свои скромныя средства построилъ колокольню и дома для причта и для церковно-приходскаго училища.

Но, когда священникъ села Тубышекъ задумалъ снести находящуюся по сосѣдству католическую часовенку, пришедшую въ ветхость вслѣдствіе запрещенія ее реставрировать Михаилъ Григорьевичъ просилъ не трогать часовенки.

Уѣзжая, въ 1883 г. въ Ташкентъ, онъ принялъ горячее участіе въ судьбѣ уральскихъ казаковъ, переселенныхъ въ степь за свою приверженность къ старообрядчеству. *)

Въ это же самое время, онъ позаботился о нуждахъ тамошнаго католическаго населенія, устроивъ въ Ташкентѣ назначеніе католическаго священника.

Во время коронаціи Государя Александра III онъ подалъ ему мысль пожертвовать на мусульманскія мечети тѣ сорокъ тысячъ рублей, которыя бухарскій эмиръ поднесъ Государю по случаю Его вѣнчанія на царство.

Такимъ образомъ отношеніе Михаила Григорье-

*) Одинъ старообрядецъ, прося М. Г. быть воспріемникомъ его дочери, писалъ ему: „Правда, что за великій грѣхъ считается у старовѣровъ духовно породниться съ православнымъ, но Ваше святое, честное имя покрываетъ все".

вича къ вопросамъ вѣры и совѣсти и въ жизни и въ политикѣ было проникнуто тою вѣротерпимостью, которая основана на искреннемъ уваженіи къ чужимъ вѣрованіямъ.

VI.

Только та политика по мнѣнію Михаила Григорьевича можетъ быть благотворна для государства, которая опирается на народныя симпатіи, а не идетъ имъ на перекоръ.

Поэтому, кромѣ войска онъ считалъ гарантіей внѣшняго могущества Россіи, дипломатію, дѣйствующую на основаніи пониманія истинныхъ интересовъ Русскаго народа.

Въ полной несостоятельности нашей дипломатіи ему пришлось убѣдиться еще въ молодости, когда во главѣ ея стоялъ кн. Горчаковъ, одинъ изъ представителей русской аристократіи, прославленный среди современниковъ. Въ 1864 г., въ качествѣ начальника Сыръ-Дарьинской линіи, Михаилъ Григорьевичъ, послѣ цѣлаго ряда павшихъ предъ нимъ крѣпостей, овладѣлъ наконецъ городомъ Ауліета, важнымъ и конечнымъ пунктомъ, предположенныхъ на этотъ годъ военныхъ дѣйствій.

„Занятый нами городъ и крѣпость", писалъ молодой полковникъ престарѣлому отцу своему, „довольно обширны, населеніе состоитъ приблизительно около 5 т. душъ, преимущественно торговаго сословія. Пунктъ этотъ важенъ для насъ и въ коммерческомъ и въ военномъ отношеніяхъ, потому что лежитъ на пересѣченіи путей изъ Кокана и Ташкента. Съ овладѣніемъ Ауліета мы пріобрѣли весь Зачуйсай, край съ населеніемъ отъ 250 т. до 300 т. душъ. Торговля наша получитъ теперь правильный ходъ, вслѣдствіе безопаснаго движенія каравановъ чрезъ кочевья Дикокаменныхъ киргизовъ, принявшихъ наше подданство".

Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ представился канцлеру, кн. Горчакову, изложивъ ему въ продолжительной бесѣдѣ весь ходъ экспедиціи, часто упоминалъ объ Ауліета, какъ объ важномъ стратегическомъ и торговомъ пунктѣ, предполагая, что въ то время, когда русскія войска отодвигали въ глубь Азіи наши границы, руководителю нашей политики теоретически была вполнѣ извѣстна географія края и его важнѣйшіе пункты.

Каково же было изумленіе Михаила Григорьевича, когда встрѣтившись съ гр. Н. П. Игнатьевымъ, этотъ послѣдній передалъ ему свой разговоръ съ кн. Горчаковымъ, спросившемъ его „ditez moi je vous prie quel est ce trou d'Aoulieta, dont Tcherniaeff m'a tout le temps parlé?„

Въ оцѣнкѣ дипломатическихъ способностей кн. Горчакова, Михаилъ Григорьевичъ вполнѣ сходился съ кн. Бисмаркомъ.*) утверждая что онъ былъ просто салонный господинъ, умѣвшій говорить удачные bon-mots.

Во время Сербско-Турецкой войны, когда всѣ патроны были разстрѣляны и сербское войско находилось въ отчаянномъ положеніи, Михаилу Григорьевичу пришлось лично на себѣ испытать дальновидность политическихъ взглядовъ кн. Горчакова, не обратившаго никакого вниманія на его просьбу о заступничествѣ относительно провоза свинца, который Румыны не пропускали черезъ свою границу.

„Историческая судьба Русскаго народа, писалъ Михаилъ Григорьевичъ. обрекла его на борьбу съ мусульманствомъ и въ этой борьбѣ выработалась

*) „Политика кн. Горчакова' пишетъ Бисмаркъ, не политика Александра II, но онъ популяренъ въ Россіи не смотря на свою слабость и дряхлость и какъ политическій дѣятель онъ былъ всегда дуракомъ. Въ послѣдніе четыре года всѣ его дѣйствія были внушены личными соображеніями. Въ своей политикѣ относительно Австріи и *Румыніи* онъ также не достигъ большихъ результатовъ. Въ Бухарестѣ онъ провелъ шесть мѣсяцевъ и что же онъ тамъ дѣлалъ? Бѣгалъ за женщинами. Вотъ дѣла, которыми онъ больше всего занимался. (Истор. Вѣстн. Іюль 1899 г.).

вся его мощь. Турція не есть государство національное, оно зиждется на религіозной почвѣ, на мусульманствѣ. Султанъ есть наслѣдникъ пророка, основавшаго религію, а не государство".

„Народы, населяющіе Турцію состоятъ изъ христіянъ, сохранившихъ вѣру предковъ и изъ христіанъ силою оружія, обращенныхъ въ мусульманство. Собственно турецкаго племени не много. Поэтому Турціи и присвоено названіе Оттоманской, а а не Турецкой имперіи".

„Требовать отъ мусульманства реформъ въ христіанскомъ духѣ равносильно требованію обращенія въ христіанство, которое можно уподобить толченію воды въ ступѣ".

„Опытъ доказалъ это, но дипломатія не внимала прошлому".

„Со временъ Петра I послѣдняя война наша была восьмою противъ Турціи и разрушила ее безповоротно, оставивъ ей въ Европѣ столько владѣній, что султанъ съ своего балкона можетъ свободно обозрѣвать ихъ до самыхъ границъ. Если же мы перешагнемъ черезъ Босфоръ въ Малую Азію, то картина представится еще интереснѣе, еще оригинальнѣе".

„Христіанское населеніе расположено тамъ гнѣздами среди мусульманъ, которые по большей части уступаютъ ему въ числѣ. Затѣмъ Тунисъ, Египетъ, Сирія и восточная часть малой Азіи находятся въ рукахъ Европейцевъ. Триполи и Курды почти независимы. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, что изъ всей этой амальгамы нельзя создать ничего цѣлаго, самостоятельнаго, безъ обращенія христіанъ въ мусульманство или мусульманъ въ христіанство. Чью же сторону, такъ заканчиваетъ Михаилъ Григорьевичъ свою записку, хочетъ держать дипломатія чтобы сохранять неприкосновенность Оттоманской имперіи".

Опираясь на авторитетъ исторіи онъ утверждалъ, что только та политика будетъ благотворна для Россіи, которая согласуется съ народными сим-

патіями и для подтвержденія своего мнѣнія приводилъ примѣры прошлаго. „Когда Императоръ Павелъ I послалъ наши войска на Альпы, противъ французовъ, чтобы спасать престолы, русская армія возвратилась съ убѣжденіемъ, что французы народъ славный, а англичане и нѣмцы, которые были нашими союзниками, народъ не надежный".

„Вслѣдъ за тѣмъ Павелъ I заключилъ союзъ съ французами, смерть Императора помѣшала союзу. Политика Александра I снова была направлена противъ французовъ, приведшая къ цѣлому ряду войнъ съ Франціей, закончившихся Вѣнскимъ конгрессомъ, который едва не завершился войною спасенныхъ нѣмцевъ съ Россіей. Наконецъ въ 48 г., въ угоду Австріи, мы подавили возстаніе противъ нея венгровъ, а въ 53 году въ благодарность Австрія потребовала очищенія отъ нашихъ войскъ Молдавіи и Валахіи во время нашей войны съ Турціей".

Всѣ неудачи нашей дипломатіи онъ приписывалъ тому „что она вѣруетъ въ себя какъ въ самостоятельную силу. призванную рѣшать безаппеляціонно судьбы царствъ и народовъ, на томъ основаніи, что по словамъ одного изъ ея представителей, она не признаетъ народы, а признаетъ одно правительство".

Въ противоположность этому взгляду, опираясь на глубокое пониманіе истинныхъ народныхъ интересовъ и симпатій Михаилъ Григорьевичъ утверждалъ, что въ Европѣ нашими искренними союзниками могутъ быть только Славяне и Франція.

Продолжавшіяся, въ теченіи двухъ столѣтій усилія нашего правительства поддерживать всѣми силами дружбу съ Германіей, онъ считалъ вполнѣ безплодною и, въ силу взаимнаго положенія обоихъ государствъ и ихъ интересовъ, называлъ миѳической, опровергаемой самой исторіей.

Искреннее отношеніе съ Германіей онъ считалъ окончательно невозможнымъ „съ той минуты, какъ состоялось соглашеніе Германіи съ Австро-Венгріей, лишившее послѣднюю политической самостоятельно-

сти и обратившее ее въ орудіе германскаго господства надъ всѣмъ Православнымъ Востокомъ".

Это указывалось имъ еще тогда, когда Императоръ Вильгельмъ не совершалъ своего пышнаго паломничества въ Палестину, не дружилъ съ Турціей и не провелъ еще багдадской желѣзной дороги.

Рѣшеніе назрѣвающаго міроваго вопроса онъ видѣлъ въ вооруженномъ столкновеніи германскаго міра съ Россіей, великой славянской державой.

„Въ этой міровой трагедіи, которая должна разыграться на берегахъ Вислы и Одера съ одной стороны и Рейна съ другой естественными нашими союзниками являются Франція и славянскія племена, освобожденныя нами и ждущія отъ насъ окончательнаго освобожденія. Теперь они всѣ почти въ лагерѣ нашихъ противниковъ по нашей собственной винѣ. Отъ нашего умѣнья, искусства и ловкости зависитъ возвратить ихъ въ нашъ станъ. Но для этого необходимо имѣть съ ними непосредственныя сношенія, избѣгая всякаго посредничества".

„Задача трудная, но осуществимая, тѣмъ болѣе, что для насъ не можетъ быть безразлично на чьей сторонѣ окажутся весьма почтенныя силы Черногоріи, Болгаріи, Сербіи и Греціи".

Вслѣдствіе непониманія истиннаго положенія вещей на Балканскомъ полуостровѣ, мы поставлены тамъ въ совершенно фальшивое положеніе, а конституціонный образъ правленія, установленный нами въ Сербіи и Болгаріи, только что освободившихся отъ тяжелаго гнета турецкаго ига, привело ихъ къ взаимной враждѣ и постояннымъ внутреннимъ усобицамъ, тяжело на нихъ отзывающихся. Болгарія, получивъ конституцію болѣе либеральную нежели въ Бельгіи, чѣмъ въ свое время хвасталъ ея составитель, дошла до Стамбуловщины, Сербія тоже страдаетъ отъ вражды и раздоровъ различныхъ политиканствующихъ партій.

Выдающимся, серьезнымъ и достойнымъ глубочайшаго уваженія политическимъ дѣятелемъ въ Сербіи, Михаилъ Григорьевичъ считалъ митропо-

лита Михаила, любившаго Россію, неизмѣнно стоявшаго за нее и пострадавшаго за свои убѣжденія *).

Михаилъ Григорьевичъ **) горячо привѣтствовалъ нашъ союзъ съ Франціей въ силу своихъ политическихъ убѣжденій, чувствуя одновременно самую искреннюю симпатію къ этой талантливой, рыцарской и передовой націи, до сихъ поръ представляющей собою какъ бы всемірную лабораторію, перерабатывающую великія міровыя идеи.

Считая Англію нашимъ исконнымъ врагомъ, стоявшимъ всегда во главѣ всѣхъ бывшихъ противу насъ коалицій, онъ воздавалъ ей должное, какъ великой націи, умѣющей цѣнить и награждать тѣхъ своихъ дѣятелей, которые оказали ей государственныя услуги *).

Въ Средней Азіи, по его мнѣнію, мы поставлены въ такое же фальшивое положеніе какъ въ Софіи и Бѣлградѣ. „Выйти изъ него можно только оттѣснивъ англичанъ отъ Аму-Дарьи до горъ и отъ Герата".

Въ бытность его генералъ губернаторомъ Туркестана, въ 1882 г. занятіе Герата обошлось бы намъ сравнительно очень дешево и легко. Но благопріятный моментъ былъ упущенъ, а въ настоящее время Гератъ обращенъ англичанами въ первостепенную крѣпость.

Такъ какъ граница наша въ Азіи равняется 11.000 верстамъ протяженія, то положеніе наше въ

---

*) Тотчасъ послѣ кончины митрополита Михаила въ 1898 г. Мих. Гр. собирался поднять вопросъ въ Славянскомъ Благ. Обществѣ о сооруженіи памятника на могилѣ почившаго святителя, но послѣдовавшая 4-го Авг. того же года кончина Мих. Гр. прекратила его намѣреніе въ самомъ зачаткѣ.

**) Отецъ его во время Наполеоновскихъ войнъ, стоя съ полкомъ своимъ въ одномъ изъ городовъ сѣверной Франціи—Лекенуа, женился на дочери мера, Есеири Лекюйе.

*) Почти одновременно съ завоеваніемъ Ташкента была предпринята Англіей экспедиція для наказанія абиссинцевъ за задержаніе нѣсколькихъ англійскихъ подданныхъ. Экспедиція обошлась кажется въ восемъ милліоновъ фунтовъ, за благополучное окончаніе которой начальнику экспедиціи, адмиралу Непиру дано было титулъ лорда и другія почетныя награды и назначена была громадная пенсія.

Средней Азіи онъ считалъ требующимъ большаго и пристальнаго вниманія, не только по отношенію къ Туркестану.

Въ виду того, что за нашимъ соперничествомъ съ Англіей слѣдитъ все милліардное населеніе Азіи, всегда готовое стать на сторону побѣдителя онъ считалъ необходимымъ создать въ Средней Азіи такую власть, которая соотвѣтствовала бы значенію вице-короля въ Индіи.

Для этого слѣдуетъ съ цѣлью объединенія власти присоединить въ административномъ отношеніи Закаспійскую область къ Туркестану и уничтожить чрезполосицу упраздненіемъ бухарскаго владычества.

Мирное присоединеніе Бухары вполнѣ возможно, такъ какъ и эмиръ и его подданные, въ виду сложившихся обстоятельствъ, давно ожидаютъ этого.

„Событія, угрожающіе намъ съ Запада, требуютъ также особенно внимательнаго отношенія къ нашему положенію въ Средней Азіи, откуда можетъ быть уязвима Англія, такъ какъ малѣйшая наша неудача въ Средней Азіи, во время Европейской войны, освободитъ у нее много силъ для помощи нашимъ противникамъ и сдѣлаетъ ее еще настойчивѣе".

Всегда неуклонно придерживался онъ того мнѣнія, что не на дальній, а на ближній востокъ должно быть направлено преимущественное вниманіе Россіи. Въ 1884 г. проѣхавъ вдоль всей Сибири онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что составившееся у насъ мнѣніе о неисчерпаемыхъ богатствахъ Сибири весьма преувеличено и на Пріамурскій край и Дальній Востокъ слѣдуетъ смотрѣть только какъ на запасъ для будущихъ поколѣній, когда всѣ земли въ Европейской Россіи, на Кавказѣ и въ Средней Азіи будутъ вполнѣ и раціонально использованы.

Извѣстіе о занятіи нами Квандунскаго полуострова произвели на Михаила Григорьевича, вопреки всеобщему ликованію, самое тягостное впечатлѣніе. Онъ видѣлъ въ этомъ актѣ нашей политики уклоненіе отъ историческаго, еще со временъ Олега стремленія нашего къ Константинополю, къ проливамъ,

къ благодатному югу.

Константинополь, по своему географическому положенію занимаетъ мѣсто единственное во всемъ земномъ шарѣ.

Въ 1877 году мы упустили изъ рукъ своихъ это сокровище,—обладаніе которымъ возродило и осчастливило бы всю Россію, вызвало бы всѣ ея зиждительныя силы на плодотворную работу, подняло бы нашъ богатый югъ, Кавказъ, Крымъ, Среднюю Азію.

При этомъ естественномъ теченіи Русской исторіи въ овладѣніи Константинополемъ, къ которому увы, теперь протягиваетъ руку Германія, положительно не мыслимо было уродливое явленіе нигилизма, завершившаго свое существованіе злодѣяніемъ перваго Марта.

Въ то время, когда русскія княжества были слабы, наши предки подъ напоромъ болѣе сильныхъ племенъ принуждены были постепенно отступать на сѣверъ. Но матеріальное благоденствіе возможно только подъ теплымъ небомъ, подъ благодатными лучами горячаго солнца, а потому всѣ наши попытки поднять нашъ сѣверъ, устроить мурманскіе берега и тому подобное всегда останутся безплодными.

Окрѣпнувъ, мы должны стремиться къ югу, должны исполнить свою историческую задачу водрузить крестъ на Св. Софіи и окончательно освободить всѣхъ, изнывающихъ подъ иноплеменнымъ игомъ нашихъ славянскихъ братьевъ, ждущихъ отъ насъ освобожденія.

Глубокій психологъ народнаго духа, знатокъ исторіи онъ обладалъ тѣмъ даромъ предвидѣнія, при помощи котораго онъ предсказывалъ за много лѣтъ ходъ историческихъ событій, предсказавъ и нынѣшнее внутреннее наше разложеніе. Выше приведенные взгляды свои на политическое положеніе Европы, Славянъ и Турціи онъ основывалъ на всестороннемъ изученіи нашего историческаго прошлаго и на этомъ основаніи пришелъ къ тому выводу, что Петербургскій, дидактическій періодъ русской исторіи въ на-

стоящее время закончилъ свое существованіе. Къ Кіеву, къ этому свѣтлому и мягкому періоду нашей исторіи всегда невольно влекло Михаила Григорьевича и въ перенесеніи столицы въ Кіевъ онъ видѣлъ истинное обновленіе Россіи. Въ этомъ онъ вполнѣ сходился съ мнѣніемъ кн. Барятинскаго, котораго считалъ однимъ изъ самыхъ талантливѣйшихъ государственныхъ людей своего времени.

„Съ эпохи призванія Варяговъ", писалъ Михаилъ Григорьевичъ, „у насъ было пять столицъ: Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, Москва и Петербургъ. Это кочеваніе замедлило наше развитіе, но сохранило намъ энергію молодаго племени, способнаго выработать свою самостоятельную культуру и выполнить свою историческую задачу. Петербургскій періодъ есть періодъ воспитательный. Правительство само училось въ Европѣ и старалось это цѣликомъ передать народу. Отношеніе его къ народу было отношеніе учителя къ ученикамъ. Эта педагогическая роль Петербурга въ теченіи полутораста лѣтъ до такой степени всосалась въ кровь и плоть его обитателей отъ мала до велика, что глубоко проникла въ болотную почву, пропитала стѣны его зданій, заразила воздухъ. Поэтому какими бы умными людьми ни были составлены реформы, онѣ всегда будутъ проникнуты школьнымъ духомъ, грѣшащимъ противъ дѣйствительности и какими бы вольностями правительство ни надѣляло бы народъ, оно не перестанетъ къ нему относиться какъ къ малолѣтнему и незамѣтно для себя будетъ разрушать то, къ чему стремится".

„Съ перенесеніемъ же Престола въ Кіевъ, остзейскій, польскій вопросъ падутъ сами собою, вліяніе наше на ходъ дѣлъ въ Турціи и Персіи удесятерится, Кавказъ сдѣлается русскимъ и наши владѣнія въ Средней Азіи получатъ должное развитіе и упрочатся за нами".

„Въ экономическомъ отношеніи богатства Кавказа, Дона, Крыма и всего юга поправятъ наши финансы и дадутъ средства устроиться на новомъ

мѣстѣ. Но главная наша выгода будетъ моральная, ибо выступятъ такія силы, которыя отжившій и всегда чуждый Россіи Петербургъ вызвать не можетъ".

VII.

Извѣрившись въ духовныя силы Петербурга, онъ не терпѣлъ ни его канцелярщины его формализма, но по странному противорѣчію, въ силу привычки предпочиталъ его для мѣста жительства всѣмъ другимъ городамъ и вѣсямъ Россіи *).

Малолѣтнимъ и одинокимъ ребенкомъ прибылъ онъ въ нашу столицу, нося въ душѣ своей завѣты глубокой преданности Царю и Родинѣ, переданные ему отцемъ его. Въ теченіи всего своего покрытаго терніями жизненнаго пути онъ ни на іоту не отступился отъ своихъ убѣжденій, высоко неся знамя, девизомъ котораго было „все кромѣ чести въ жертву Царю и Родинѣ".

Онъ жилъ и дышалъ любовью къ Россіи и весь былъ поглощенъ ея прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ, всѣ другіе интересы отходили у него на второй планъ. Безъ всякой фразы и рисовки, онъ съ увлеченіемъ всегда готовъ былъ отдать всего себя ея служенію и не имѣя ничего за душей, никогда не смотрѣлъ на службу, какъ на средство къ существованію.

У кормила правленія, гдѣ въ то время все было проникнуто канцелярщиной, рутиной, узкостью взглядовъ и непониманіемъ историческихъ задачъ Россіи, рѣшительно не допустимъ былъ такой человѣкъ, какимъ былъ Михаилъ Григорьевичъ, что и послужило источникомъ того глубокаго трагизма, которымъ полна была вся его жизнь.

За свою приверженность славянской идеѣ, получившей съ тѣхъ поръ полное право гражданства, онъ

*) Пріѣхавъ въ Петербургъ 12 лѣтнимъ мальчикомъ, въ то время, когда Владимірскую церковъ окружалъ еще лѣсъ, онъ послѣ взятія Ташкента съ 1865 г. за исключеніемъ кратковременныхъ отлучекъ всю жизнь провелъ въ Петербургѣ и какъ старожилъ города зналъ исторію почти каждаго дома, каждаго выдающагося зданія.

былъ представленъ средостѣніемъ, стоявшимъ у власти чуть ли не революціонеромъ. Одновременно либералы безпощадно осыпали его бранью, во всѣхъ своихъ печатныхъ органахъ въ то время, когда онъ подставлялъ свою грудъ на поляхъ Сербіи подъ турецкіе выстрѣлы. Но народъ русскій совмѣстно съ интеллигенціей не порвавшей съ нимъ духовной связи оцѣнилъ его заслугу и жертву передъ Славянствомъ и передъ Россіей и сдѣлалъ его своимъ героемъ.

Несмотря на присоединеніе къ Россіи на мѣдныя деньги одной изъ богатѣйшихъ нашихъ окраинъ съ упорствомъ и постоянствомъ достойнымъ лучшей цѣли онъ былъ зачисленъ въ число заурядныхъ рядовыхъ офицеровъ.

Кромѣ нравственнаго униженія и матерьяльной нужды отъ подобнаго къ нему отношенія, онъ глубоко страдалъ отъ этого принудительнаго бездѣйствія, не зная къ чему приложить весь богатый запасъ таившихся въ немъ силъ.

Онъ страдалъ, подобно Прометею, прикованному къ скалѣ, подобно нашему богатырю Святогору, заживо положенному въ гробъ.

Подобно Святогору его угнетали и давили его собственныя силы, сдавленныя и стѣсненныя и не находящія себѣ простора. Съ отчаяніемъ видѣлъ онъ какъ безплодно проходили годъ за годомъ, какъ съ годами уходили его лучшія силы и такъ до назначенія его въ Туркестанъ въ 82 г. протекло 16 лѣтъ, то есть почти половина періода разумной дѣятельности человѣка.

Отставленный въ 1884 году съ поста генералъ-губернатора Туркестана онъ сознавалъ со скорбью въ душѣ, что пѣснь его окончательно спѣта въ то время, когда онъ чувствовалъ въ себѣ еще столько силъ и энергіи, что, имъ могъ бы позавидовать вступающій на жизненное поприще юноша.

Въ послѣдній періодъ своей жизни, онъ нашелъ нѣкоторое удовлетвореніе этой потребности живой дѣятельности въ живой любви облагодѣтельствованія крестьянъ, и въ устроеніи стараго пепелища

своихъ предковъ, гдѣ все носитъ на себѣ отпечатокъ его заботъ.

Купивъ отъ прежняго владѣльца свое родовое имѣньице Тубышки, гдѣ онъ впервые позналъ ласки матери и дружбу отца, совсѣмъ раззоренное, онъ со свойственной ему во всякомъ дѣлѣ энергіей, сталъ его устраивать.

Онъ усердно проводилъ дороги, сажалъ деревья, строилъ и входилъ во всѣ мелочи несложнаго хозяйства, радуясь поѣсть гречневой каши изъ гречихи, собранной съ собственныхъ полей. Но широкая его натура никакъ не могла примѣниться къ маленькому масштабу небольшого имѣнья. Но и здѣсь, какъ и повсюду Михаилъ Григорьевичъ нашелъ возможность принести посильную пользу ближнему.

Небольшая церковь, построенная отцомъ его была приписана къ сосѣднему приходу въ эпоху сокращенія послѣднихъ, а отъ домовъ причта не осталось и слѣда. Первая забота Михаила Григорьевича при пріобрѣтеніи Тубышекъ была направлена на возстановленіе самостоятельнаго прихода, на удовлетвореніе духовной жажды мѣстныхъ крестьянъ.

Въ продолженіи шести лѣтъ онъ неустанно хлопоталъ объ этомъ дѣлѣ, пока не достигъ благопріятнаго конца. Снова выстроилъ онъ на свои скромныя средства дома для причта и выписалъ изъ Сербіи, хранившуюся въ монастырѣ св. Романа, посланную ему Москвою во время войны 1876 г. походную церковь. Сюда же поставилъ онъ также отправленную ему въ Сербію обществомъ Московскихъ хоругвеносцевъ великолѣпную хоругвь, копію съ той хоругви, которою благословила Дмитрія Донского Троицко-Сергіевская лавра на борьбу съ невѣрными. Здѣсь же хранится крестообразная икона, благословеніе Михаилу Григорьевичу Троицко-Сергіевской лавры и образъ Св. Симеона и Саввы Сербскихъ, благословеніе Сербскаго Митрополита Михаила*).

*) Послѣ кончины Михаила Григорьевича, бывшими его товарищами по Дворянскому полку была прислана прекрасная икона Св. Арх. Михаила, въ рѣзномъ кіотѣ.

Церковь въ селѣ Тубышкахъ, возлѣ которой похороненъ М. Г. Черняевъ.

Памятуя, что не однимъ хлѣбомъ будетъ живъ человѣкъ и считая, что благолѣпная церковная обстановка благодѣтельно дѣйствуетъ, на толпу онъ всегда съ неусыпнымъ и трогательнымъ вниманіемъ относился къ нуждамъ небольшого храма села Тубышекъ, собственноручно вписывая въ церковную книгу, каждый пожертвованный имъ предметъ.

Стоявшій на двухъ столбахъ деревянный навѣсъ, подъ которымъ висѣли колокола, онъ замѣнилъ высокой каменной колокольней, на вершинѣ которой помѣстилъ съ цивилизаторской цѣлью большіе башенные часы. Колокольня эта стоитъ теперь какъ бы на стражѣ его могилы, далеко въ окрестностяхъ видѣнъ ея золотой крестъ и благовѣстъ ея колоколовъ разносится надъ синевой окрестныхъ лѣсовъ и мѣрно и однообразно отбиваютъ ежечасно свой монотонный звонъ ея башенные часы.

Прямо противъ колокольни, на нѣкоторомъ отъ нея разстояніи онъ построилъ большой деревянный домъ для церковно-приходскаго училища, украсивъ обширный классъ его портретами царствующаго дома Романовыхъ, прекраснаго изданія Бороздина. Предъ училищемъ расположена большая площадь, на которой онъ установилъ всевозможныя гимнастическія приспособленія для крестьянскихъ дѣтей.

Зная по собственному опыту, какое значеніе имѣетъ возможность получить своевременную ссуду, онъ положилъ основаніе мѣстному вспомогательному мірскому крестьянскому запасному капиталу.

Съ цѣлью улучшить крестьянскія жилища, онъ поставилъ въ селѣ Тубышкахъ образцовую избу, которая дѣйствительно вскорѣ стала типомъ новѣйшихъ крестьянскихъ построекъ. Довѣрчиво шли крестьяне къ Михаилу Григорьевичу со всѣми своими нуждами, съ своими распрями, обращаясь къ нему даже за врачебными совѣтами. И всѣмъ и каждому помогалъ онъ по мѣрѣ возможности. Дѣйствительно душу живу вдохнулъ онъ въ этотъ глухой уголокъ С.-З. края, дѣлая добро ради самаго добра и не требуя себѣ даже мысленно никакой благодарности.

Храмъ въ селѣ Тубышкахъ на могилѣ М. Г. Черняева.

расширенный дочерью его Антониной Мих. Черняевой
и освященный въ годовщину его кончины.

Доброе сѣмя его заботъ и просвѣтительныхъ стремленій *) не пропали даромъ, упавъ на благопріятную и благодарную почву.

Посвящая большую часть своихъ лѣтнихъ досуговъ Тубышкамъ, Михаилъ Григорьевичъ зимы проводилъ въ Петербургѣ и печально и однообразно тянулись для него годъ за годомъ. Былыя вспышки отчаянія и гнѣва постепенно замѣнялись въ немъ покорностью судьбѣ и неумолимому року.

Не смотря на это, онъ съ юношескимъ увлеченіемъ слѣдилъ до конца дней своихъ за политикой, за внутренней и внѣшней судбой Россіи. Длинные досуги свои онъ посвящалъ чтенію историческихъ сочиненій и романовъ, то есть, опять таки прошлому горячо любимой имъ родины.

Проведя жизнь въ неравной борьбѣ, рѣдко побѣдитель, большею частью побѣжденный, онъ оканчивалъ свои дни оскорбленнымъ и обдѣленнымъ въ сознаніи, что дальше идти уже некуда.

Спокойно съ истинно христіанской покорностью смотрѣлъ онъ на все прошлое хорошее и тяжелое, какъ бы съ того свѣта. Только заботы о семьѣ, о ея будущности и физическія страданія, послѣдствія контузіи при Севастополѣ, напоминали ему, что онъ еще жилецъ сего міра.

Великіе и вѣчно не разрѣшимые для человѣческаго ума вопросы особенно интересовали его за послѣднее время его жизни.

Привыкнувъ съ самаго юношескаго возраста, во время безчисленныхъ сраженій прямо смотрѣть въ глаза смерти, онъ постоянно говорилъ о своей кончинѣ съ истинно философскимъ спокойствіемъ.

Въ Іюнѣ 1898 г. онъ вызвалъ въ Тубышки изъ Смоленска каменьщиковъ съ цѣлью устроить себѣ возлѣ церкви свое послѣднее жилище и сидя на скамеечкѣ подъ большой липой самъ руководилъ работами.

---

*) Въ настоящее время языкъ молодого поколѣнія благодаря школѣ почти не рознится съ великорусскимъ, тогда какъ прежде онъ былъ почти непонятенъ непривычному уху.

М. Г. Черняевъ въ 1898 г.

Въ половинѣ Августа онъ собирался ѣхать въ Москву, на открытіе памятника Государю Александру II, питая въ душѣ лучъ надежды у подножія изображенія Царя Освободителя получить нѣкоторое удовлетвореніе за свою прошлую дѣятельность. Но надеждамъ этимъ не суждено было сбыться. Въ ночь на 4-е Августа благороднѣйшее и изстрадавшееся сердце внезапно перестало биться*).

Онъ завѣщалъ похоронить себя „безъ всякихъ почестей отъ войска, котораго онъ сдѣлался пасынкомъ съ самаго взятія Ташкента, безъ всякихъ отличій за гробомъ и на гробѣ умаляющихъ значеніе смерти".

Волею судьбы на похоронахъ его не было представителей оффиціальной Россіи, упорно отрицавшей его великія заслуги передъ Престоломъ и Отечествомъ и онъ былъ опущенъ въ могилу въ присутствіи родныхъ и части той народной толпы, которая давно сдѣлала его своимъ героемъ.

Въ Могилевской губерніи находятся могилы двухъ историческихъ дѣятелей, двухъ различныхъ эпохъ нашей исторіи. Въ Гомелѣ, въ своемъ роскошномъ, пожалованномъ ему Государемъ Николаемъ Павловичемъ имѣніи, покоится вѣчнымъ сномъ князь Варшавскій, графъ Паскевичъ Эриванскій. Въ скромныхъ Тубышкахъ почилъ отъ дѣлъ своихъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ.

Неизгладимыми и глубокими бороздами отразилась его дѣятельность на двухъ противоположныхъ концахъ нашего обширнаго отечества и далеко впередъ двинулъ онъ судьбы Россіи, въ Средней Азіи, гдѣ онъ дѣйствовалъ отъ имени правительства и на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ онъ самостоятельно явился представителемъ и защитникомъ славянской идеи.

„Но премудраго человѣка", говоритъ нашъ баснописецъ Крыловъ**), „весьма трудно замѣтить прежденежели пройдетъ лѣтъ триста послѣ его смерти.

*) По опредѣленію врача онъ скончался отъ разрыва сердца.
**) См. полн. собр. соч. И. А. Крылова.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Адресъ Ташкентцевъ при поднесеніи щита.

Душевноуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

Пятый уже мѣсяцъ, какъ ВЫ по повелѣнію Великаго Бѣлаго Царя, покоривъ насъ, управляете нами и управляете такъ, какъ никогда и никто нами не управлялъ. ВЫ не покоритель нашъ, но истинный избавитель отъ нашихъ прежнихъ деспотовъ, отъ прихоти которыхъ зависѣло не только наше благосостояніе, но и наша жизнь. ВЫ, кроткимъ, отеческимъ своимъ управленіемъ дали намъ понять, что ежели и есть на этомъ свѣтѣ счастіе, то счастіе это заключается въ томъ, чтобы быть подданными Великаго Русскаго Царя и имѣть надъ собою такого начальника, какъ ВЫ, достойнѣйшій Михаилъ Григорьевичъ. Сказанное нами не лесть, а святая правда, которую говорятъ ВАМЪ представители болѣе 100 т. Ташкентцевъ, испытывающихъ нынѣ истинное благополучіе подъ ВАШИМЪ мудрымъ управленіемъ. ВЫ въ такое короткое время, неусыпными заботами умѣли ввести значительныя улучшенія въ нашемъ быту, гдѣ совѣтами, а гдѣ и матеріальными пособіями. Къ ВАМЪ каждый изъ насъ имѣетъ доступъ во всякое время и ВЫ всегда съ кротостью и терпѣніемъ выслушиваете наши жалобы, по которымъ каждый изъ насъ безъ задержки получаетъ удовлетвореніе.

Изложить на бумагѣ всѣ ВАШИ заботы по управленію нами и ту нашу любовь, которою проникнуты къ ВАМЪ сердца Ташкентцевъ, недоступно нашему слабому перу и, наконецъ, никто не будучи Ташкентцемъ, не въ состояніи понять и оцѣнить того безкорыстнаго къ ВАМЪ уваженія и любви, какой ВЫ пользуетесь между нами.

И такъ, что же мы въ знакъ нашего истиннаго уваженія и любви можемъ предложить? ибо ВАШИ заслуги, цѣннѣе всякаго подарка. Но мы надѣемся, что какъ отецъ отъ дѣтей, такъ и ВЫ не откажитесь отъ благодарнаго Ташкента принять въ сей день, т. е. день ВАШЕГО Ангела щитъ, который да будетъ ВАМЪ щитомъ противу враговъ Россіи и ВАШИХЪ собственныхъ. Подарокъ не цѣнный, но не въ цѣнѣ заключается достоинство его, а въ томъ, что онъ подносится отъ сотни тысячъ Ташкентцевъ, искренно и душевно ВАСЪ любящихъ и молящихъ Всевышняго о дарованіи ВАМЪ на многія лѣта добраго здоровья и долгаго управленія нами.

Его милости Михаилу Григорьевичу Черняеву

Генералъ-Губернатору.

Почтеннѣйшему и многоуважаемому, милостивому и сострадательному Генералъ-Губернатору, его милости шлемъ поклоны безъ числа. Затѣмъ рѣчь наша такова: слава Богу въ то время, какъ ВЫ у насъ были всѣ мы благополучно, съ спокойнымъ сердцемъ молились за Его Величество Государя Императора. У всѣхъ у насъ, Туркестантскихъ жителей, нѣтъ теперь другаго желанія, какъ ВАСЪ видѣть. Ѣздили мы изъ Туркестана въ Чимкентъ и въ Ташкентъ, видѣли, что и тамъ всѣ большіе и малые только о томъ и молятъ Господа Бога, чтобы Его Величество, Государь Императоръ соблаговолилъ прислать ВАСЪ къ намъ. Тогда, говорятъ, наслаждались бы мы тишиною и благоденствіемъ до окончанія міра, отправляя обязанности передъ Великимъ Государемъ и вознося молитвы за него ко Всевышнему. А Романовскимъ генераломъ городъ весьма недоволенъ: дурнымъ людямъ отдался и никому ни милости, ни справедливости не оказываетъ. ВЫ, надежда наша на то что ВЫ къ намъ пріѣдете, а онъ съ находящимися при немъ людьми уйдетъ отъ насъ. Тогда городъ

нашъ по прежнему будетъ благоденствовать и наслаждаться покоемъ. День и ночь просимъ у Всевышняго, чтобы сохранилъ ВАСЪ въ безопасности и ВЫ пріѣхали бы къ намъ благополучно. ВЫ знаете сколько въ сердцѣ у насъ любви къ ВАМЪ.

Писалъ и печатью своею скрѣпилъ Асгаръ Ходжа, Ишановъ сынъ.

Мѣсяца Джумъ-ди перваго, въ 6 день 1283 г. (17 Октября 1866 г.)

Милостивый Государь Михаилъ Григорьевичъ!

Извѣстившись, что Ваше Превосходительство изволило оставить Оренбургскій край съ тѣмъ, чтобы сюда уже не возвращаться, члены Уфимскаго Городового Собранія, желая выразить передъ ВАМИ по возможности свое уваженіе къ той благотворной и самоотверженной дѣятельности ВАШЕЙ, которая имѣла послѣдствіемъ присоединеніе къ Россіи обширныхъ и богатыхъ природою областей, внесеніе нашей цивилизаціи въ дикія среднеазіатскія владѣнія и открытіе новыхъ, весьма значительныхъ рынковъ для отечественной торговли, имѣютъ честь покорнѣйше просить ВАСЪ принять званіе почетнаго члена Собранія.

Члены Собранія питаютъ надежду, что настоящее предложеніе ихъ будетъ принято ВАМИ благосклонно, такъ какъ въ рукахъ ихъ нѣтъ другихъ средствъ, чтобы доказать всю степень той признательности, на которую. Ваше Превосходительство, пріобрѣли полное право со стороны каждаго Русскаго, вполнѣ преданнаго интересамъ своей великой родины и умѣющаго цѣнить по достоинству дѣятелей, содѣйствующихъ ея возвеличенію и преуспѣянію на различныхъ поприщахъ Государственной жизни.

Членъ Собранія и старшина Аркадій Тимоѳеевъ. Всего 74 подписи.

г. Уфа, Мая 10 дня, 1866 года.

Акростихъ
Его Превосходительству Начальнику Ново-Кокандской линіи Господину Генералъ-Маіору и кавалеру.

Что за Орелъ у насъ крылатый,
Его послалъ намъ Самъ Творецъ,
Родной отецъ и всѣхъ вожатый
На брань съ врагами молодецъ.
Якорь самый намъ надежный,
Его нельзя преодолѣть
Во всѣхъ войскахъ отецъ онъ нѣжный,
Ура ему на много лѣтъ!

Ложниковъ, рядовой 1 роты, линейнаго № 8 батальона на Западной Сибири.

Ауліе-Ата 25 Декабря 1864 г.

Высокочтимый Всею Россіею, Михаилъ Григорьевичъ!

УПРАВЛЯЮЩЕЕ судьбами народовъ Провидѣніе сдѣлало ВАСЪ своимъ избранникомъ при современномъ рѣшеніи многовѣковой, исторической тяжбы многострадальнаго южнаго Славянства съ Турціей.

Право правите ВЫ слово и дѣло Божіей правды.

Въ справедливомъ изумленіи передъ величіемъ ВАШЕГО историческаго подвига, вдали отъ ВАСЪ, но мыслію и сердцемъ вмѣстѣ съ ВАМИ переживая каждую минуту текущихъ историческихъ дней, вся Россія живетъ одними съ ВАМИ чувствами, вся готова принять участіе въ ВАШЕМЪ подвигѣ и, пока не насталъ часъ этого участія, вся она всечасно и всенародно молитъ Всемогущаго Подателя всяческихъ, да почіетъ надъ ВАМИ Его всесодѣвающая сила. Личные свидѣтели и носители такого всенароднаго къ ВАМЪ чувства, нижеподписавшіеся, не могли отказать себѣ въ удовлетвореніи душевной потребности— передать ВАМЪ весьма слабое, но видимое выраже-

ніе этого чувства. Вмѣстѣ съ походнымъ храмомъ, который препровождается къ ВАМЪ Московскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Комитетомъ, слѣдуетъ къ ВАМЪ, кромѣ двухъ церковныхъ, третья хоругвь *). Она молитвенно освящена въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ и представляетъ подобіе той хоругви, которую благословилъ на историческій подвигъ св. Сергій Радонежскій великаго князя Димитрія Донскаго.

Даже какъ видимое выраженіе того къ ВАМЪ чувства, которымъ охвачена вся Россія, безсильно наше приношеніе. Но, великій современный подвижникъ за южное Славянство, удостойте принять его въ томъ значеніи, которое придаетъ ему освященіе Свято-Троицкою Сергіевой Лаврою.

Искренніе, глубокіе и благодарные почитатели Ваши: Павелъ Акимовъ Овчинниковъ, Алексѣй Николаевъ Дьячковъ Алексѣй Дмитріевъ Лопашовъ, Ѳома Тороповъ. Всего 81 подпись.

Михаилу Григорьевичу Черняеву
и
Русскимъ Его Сподвижникамъ.

ЧЕСТЬ и слава ВАМЪ, подвизающимся за Русскій народъ въ святомъ дѣлѣ освобожденія нашихъ братій Славянъ отъ ненавистнаго мусульманскаго ига!

ВЫ вѣрно поняли чувства, желанія и обязанности Русскаго православнаго человѣка, отправившись въ Сербію на брань святую. ВЫ исполняете то, что долженъ—желалъ бы исполнить — каждый Русскій. Благодаримъ ВАСЪ отъ глубины души нашей. Мы убѣждены, что Царь, войска и весь народъ Русскій охотно бы совершили этотъ долгъ христіанскій. Но разныя препятствія и соображенія ихъ отъ того удерживаютъ. ВЫ превозмогли первыя и не стѣснились послѣдними. Слава и глубокая благодарность ВАМЪ, дражайшіе соотечественники. Исторія на всегда

*) Хоругвь эта находится нынѣ въ приходской церкви села Тубышекъ, могилевской губ. при родовомъ имѣніи М. Г. Черняева.

сохранить ВАШИ славныя имена. а мы и потомство наше видимъ и будемъ видѣть въ ВАСЪ людей. пожертвовавшихъ собою для совершенія того. что лежало на обязанности русскаго народа. ВЫ очищаете наши души: ВЫ поднимаете и укрѣпляете нашъ духъ; Вы не однимъ словомъ. а самымъ дѣломъ заявили предлежащую Россіи задачу. Еще разъ благодаримъ ВАСЪ и увѣрены. что ВЫ не останетесь одни и безъ помощи.

Землевладѣльцы А. Кошелевъ. А. Шиловскій. П. Шиловская. Управляющій Василій Фаворовъ. Всего 116 подписей.

Михаилу Григорьевичу Черняеву отъ Москвичей.

Да благословитъ Богъ ВАШИ благія. самоотверженныя усилія!

ПОКОРЕНІЕМЪ Ташкента завершивъ подвиги сокрушителей царствъ Казанскаго. Астраханскаго. Сибирскаго и Крымскаго. ВЫ воплотили въ себѣ историческую задачу Русскаго народа. Теперь возстали ВЫ на борьбу съ послѣднимъ въ Европѣ оплотомъ ислама. продолжая міровую службу Славянскаго племени. Петръ и Екатерина благославляютъ ВАСЪ. Сердца 100.000.000 ВАШИХЪ братьевъ съ трепетомъ обращены къ ВАМЪ, и отъ Балтійскаго до Тихаго. отъ Бѣлаго до Эгейскаго моря. въ роды и роды Русская слава ВАШЕГО имени будетъ вѣнчаться ВАШЕЮ Славянскою славою.

Учитель русск. яз. Ѳедоръ Гиляровъ. Учит. древн. яз. Александръ Гиляровъ. Николай Чаевъ (писатель). Бывшій оф. 1 гренадер. див. Н. Анке. Всего 265 подписей.

Москва. 1876 г

М. Г. Черняеву.

Борецъ за правду и за свѣтъ,
Свирѣпой Азіи смиритель,
Россія шлетъ Тебѣ привѣтъ,
Свободы доблестный воитель!
Народа Русскаго сердца
Къ Тебѣ летятъ на поле брани,
Моля Всевышняго Творца
Блюсти Тебя въ всесильной длани.
Когда за вѣру на исламъ
Герои двинулись съ Дуная,
А мы кадили ихъ врагамъ,
Святой нашъ долгъ позабывая,
И брошенъ нами Славянинъ
Съ усмѣшкой хладно-горделивой—
Ты искупить пошелъ одинъ
Стыдъ родины себялюбивой.
Но Русь опомнилась отъ сна,
Въ насъ сердца гнѣвомъ закипѣло;
Встаетъ великая страна
Съ Тобою на святое дѣло.
И—если предъ Господній тронъ
Дойдутъ славянскія молитвы—
Съ Тобою всюду будетъ Онъ
Поборникомъ въ разгарѣ битвы!

Валерій Лѣсковскій.

8-го августа 1876.

Господину Михаилу Григорьевичу Генералу Черняеву.

Благородный Герой!

МАЛО есть людей, которые работаютъ изъ убѣжденія, которые борятся за идею. Нравы и характеры создаетъ время. Народъ, общество должны знать эти высокіе характеры, ибо отъ нихъ зависитъ всякое преуспѣяніе.

Народъ, который не цѣнитъ характеровъ, не долженъ и существовать. Общество, въ которомъ страсти преобладаютъ надъ добродѣтелями, невѣжество надъ знаніемъ, испорченность надъ нравственностью, долженъ пропасть.

Съ этой точки зрѣнія нижеподписавшіеся не могутъ быть равнодушными и не отозваться ВАШЕЙ благородной душѣ, ВАШЕМУ начинанію, ВАШЕМУ дѣлу, ВАШЕЙ отвагѣ.

Господинъ! Мы знаемъ ВАШЕ прошлое, знаемъ ВАШУ жизнь. Совершенныя ВАМИ до сего времени дѣла болѣе, чѣмъ достаточно, свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ нихъ ВАМИ руководили высокія начала, что ВЫ боролись за существованіе и преуспѣніе общества, боролись за человѣчество. Но теперешняя ВАША дѣятельность дѣлаетъ ВАШУ исторію еще болѣе свѣтлой, ВАШЕ дѣло еще болѣе значительнымъ. При самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ самыя опасныя минуты, ВЫ примчались изъ отдаленнѣйшей страны, изъ братской Россіи, на помощь намъ. Во время политическихъ затрудненій, когда вся цивилизованная Европа молчитъ, когда весь свѣтъ закрываетъ глаза на наши муки и неволю, ВЫ бросились въ святую борьбу за освобожденіе, Вы явились вождемъ.

Это святая борьба! Это не борьба партій, не спекулятивная; но борьба за идею человѣчности, за существованіе, за освобожденіе. Предъ этой идеей долженъ преклониться весь образованный міръ.

Господинъ! Облегченный довѣріемъ Его Свѣтлости нашего Князя, продолжайте геройски путь, по которому ВЫ пошли; онъ труденъ, но величественъ; опасенъ, но славенъ. Мы привѣтствуемъ ВАСЪ на этомъ пути, мы ВАСЪ благодаримъ. За эту идею будетъ бороться до послѣдней капли крови весь Сербскій народъ. ВАШЕ имя будетъ хвалимо, пока будутъ существовать Сербы. ВАШИ дѣла будутъ прославляемы по всѣмъ краямъ Сербства и всего образованнаго свѣта.

Кнежевичъ. Илія Стояновичъ. Вуйо Васичъ. Петръ Стефановичъ. Петръ Катичъ. Члены комитета скупщины.

Въ Бѣлградѣ. 15 августа 1876 г.

Милостивый Государь Михаилъ Григорьевичъ.

Городъ Вязьма бьетъ ВАМЪ челомъ своею коврижкою. Мы молимъ Всевышняго сохранить дорогую жизнь ВАШУ для Россіи и всего Славянскаго міра. Мы прибѣгаемъ къ Нему съ мольбою о дарованіи ВАМЪ силы побороть варваровъ, подъ невыносимымъ игомъ которыхъ страдаютъ цѣлыя столѣтія наши единокровные братья. Глубоко отзывается въ сердцахъ нашихъ постоянный вопль нашихъ братьевъ, безнадежно взывающихъ о помощи къ Европѣ, которая злорадно и умышленно, не только допускаетъ, но и поощряетъ поголовное избіеніе беззащитныхъ стариковъ, слабыхъ женщинъ и невинныхъ дѣтей за то только, что они намъ братья, и по вѣрѣ, и по крови. Богъ да благословитъ ВАСЪ, Своего избранника, на святое и великое дѣло.

Генералъ-лейтенантъ Григорій Павловичъ Левицкій. Почетный мировой судья Василій Кардо-Сысоевъ. Надворный совѣтникъ Павелъ Алексѣевъ Кашкаровъ. Почетный мировой судья Сергѣй Храповицкій. Всего 112 подписей.

Г. Вязьма, 26 Августа 1876 г.

Ваше Превосходительство Милостивѣйшій Государь Михаилъ Григорьевичъ!

Самопожертвованіе ВАШЕ на защиту Православія и Славянства, помимо своего историческаго значенія, составляетъ и гордость, и славу каждаго истинно русскаго. Съ благоговѣніемъ преклоняясь предъ такимъ высокимъ подвигомъ, мы, граждане Твери, усерднѣйше просимъ ВАШЕ Превосходительство принять эту шашку вмѣстѣ съ нашимъ сердечнымъ пожеланіемъ, да препояшетъ ВАСЪ Господь силою Своею свыше на побѣду и одоленіе новаго Голіафа, и да сохранитъ ВАСЪ невредимымъ, по молитвамъ Тверскихъ угодниковъ,—св. благовѣрнаго великаго князя Михаила и святителей Арсенія и Варсонофія.

Арсеній Святогоровъ. Романъ Мериновъ. Ѳедоръ Петровъ Королевъ. Николай Максимовъ Куровъ. Всего 114 подписей.

Г. Тверь. 1876 года, августа 29 дня.

Ваше Высокопревосходительство, Милостивѣйшій Государь Михаилъ Григорьевичъ.

Посылаемъ въ распоряженіе ВАШЕ 20 человѣкъ-добровольцевъ, храбрыхъ Донскихъ казаковъ. подъ руководствомъ генералъ-маіора Ивана Еремѣевича Маноцкова, снаряженныхъ на средства казаковъ Донскаго Торговаго Общества. Имѣемъ честь покорнѣйше просить ВАСЪ причислить ихъ къ славной ВАШЕЙ арміи.

Съ Иваномъ Еремѣевичемъ Маноцкимъ посылаемъ ВАШЕМУ Высокопревосходительству мечъ, съ которымъ нѣкогда побѣдоносно сражался на полѣ брани Донской казакъ—бывшій Войсковый Наказный Атаманъ—умершій генералъ отъ кавалеріи Власовъ.—Покорнѣйше просимъ мечъ сей принять на память

глубокаго уваженія къ ВАМЪ Донскаго Торговаго Общества.

Мы усердно молить будемъ Всевышнаго о сохраненіи ВАШЕЙ и командующей ВАМИ арміи драгоцѣнной жизни и здоровья и о дарованіи побѣды надъ врагомъ.

Примите, Ваше Высокопревосходительство, увѣреніе въ глубокомъ уваженіи.
Отъ довѣренныхъ общества Донскихъ торговыхъ казаковъ.

Г. Новочеркасскъ. 4 сентября 1876 года.

Михаилъ Григорьевичъ.

Съ первою военною Донскою дружиною, отправляющеюся на помощь братьямъ-Сербамъ, воспитанники Новочеркасской гимназіи шлютъ и свой восторженный привѣтъ ВАМЪ, доблестный витязь, воевода новыхъ, Православно-Славянскихъ крестоносцевъ. Примите благосклонно скромное посланіе наше: это нашъ искренній голосъ, который мы хотимъ слить съ величавымъ, патріотическимъ гуломъ, стоящимъ надъ всею широкою, святою Русью и вызваннымъ ВАШИМЪ, генералъ, починомъ самоотверженнаго служенія правому дѣлу нашихъ единовѣрныхъ соплеменниковъ. Готфриды Бульонскіе, Ричарды съ львинымъ сердцемъ, Фридрихи рыжебородые когда-то водили противъ Турокъ Западныя Крестоносныя ополченія для освобожденія безмолвной святыни, Гроба Господня, изъ нечистыхъ рукъ дикихъ исповѣдниковъ корана; ихъ и всю Европу воодушевляла одна святая вѣра, Русскій народъ не участвовалъ въ этомъ быломъ, великомъ, христіанскомъ движеніи. За то теперь, ВЫ, стоите въ главѣ новой, можно уже сказать, Сербскорусской крестоносной рати, бьющейся съ Турками же за освобожденіе не одной безмолвной святыни, а за свободу нѣсколькихъ милліоновъ христіанскаго народа, всѣ святыни котораго поруганы и самъ онъ сотни лѣтъ влачитъ тяжелыя цѣпи нестер-

пимаго рабства: васъ, борцовъ, и всю великую Русь, благодѣтельницу, воодушевляетъ двойное чувство: святая, религіозная ревность и глубокое состраданіе къ бѣдствующей райѣ-Сиротинѣ, горькой, обездоленной.

Не освободила католическая Европа Гроба Господня, скоро охладѣлъ ея священный порывъ, двигавшій первыми крестоносными массами. Не тѣмъ кончите вы. православные крестоносцы-славяне,—вы расторгнете рабскія цѣпи злополучныхъ соплеменниковъ, вы возстановите поруганныя святыни, не остыли святые порывы вашей умножающейся рати, вашимъ воинственнымъ кликамъ вторитъ неумолкаемый гулъ русскій...

Онъ живъ, Верховный Промыслитель,
И судъ Его не оскудѣлъ.
И слово—Царь освободитель
За русскій выступитъ предѣлъ...

Какъ выраженіе нашего христіанскаго чувства и какъ залогъ побѣдъ Креста и Евангелія надъ кораномъ и полумѣсяцемъ, просимъ ВАСЪ, доблестный сынъ Русскаго народа, принять отъ насъ наше сердечное приношеніе крестоносному народу—Св. Евангеліе и Крестъ и передать эти святые, побѣдные символы, по ВАШЕМУ усмотрѣнію, въ какой нибудь разоренный храмъ Божій. Будетъ нѣкогда день, когда и въ поруганномъ, величественномъ храмѣ св. Софіи поставится алтарь Богу Вышнему и положится на Престолъ такое же св. Евангеліе вмѣсто нечестиваго корана...

Воспитанники Донской Новочеркасской гимназіи.

Сентября 5-го дня 1876 года.

Милостивый Государь, Михаилъ Григорьевичъ.

ВАША личность дорога всякому Русскому сердцу. ВЫ призваны Богомъ для освобожденія Славянъ отъ гнетущаго ихъ турецкаго ига. ВЫ олицетворяете исконное стремленіе Русскихъ людей и протянули руку помощи нашимъ несчастнымъ братьямъ; долгъ нашъ молиться за ВАСЪ и просить ВАМЪ всѣхъ благъ отъ Господа. Такъ какъ въ природѣ есть много необъяснимаго для насъ, то отвергать безусловно нельзя того, что мы не понимаемъ. Братъ мой всю Севастопольскую кампанію сдѣлалъ съ заговоромъ въ ладонкѣ на шеѣ—и остался невредимъ, посылаю его ВАМЪ, и прошу, не читавши, его зашить въ ладонку или платье и не снимать во время всей войны.

Преданная вамъ N. N.

Милостивый Государь, Михаилъ Григорьевичъ.

Принимая живое участіе въ нынѣшнемъ положеніи православныхъ Сербовъ и личномъ ВАШЕГО Превосходительства, я снарядилъ на свой счетъ десять Донскихъ казаковъ и отправилъ ихъ сегодня къ ВАМЪ съ Донскимъ генераломъ, Иваномъ Іереміевичемъ Маноцковымъ, а вмѣстѣ послалъ съ нимъ икону Донскія Божія Матери.

Сообщая объ этомъ ВАШЕМУ Превосходительству, покорнѣйше прошу ВАСЪ милостивый государь, удостойте сдѣлать помянутыхъ казаковъ ВАШИМЪ конвоемъ, а св. икону благоволите принять въ благословеніе отъ меня, съ которымъ я соединяю искреннее желаніе, да хранитъ ВАСЪ Богъ, молитвами Пречистыя Своея Матери, отъ всякихъ золъ и напастей, и поможетъ ВАМЪ успѣшно совершить предпринятое ВАМИ великое дѣло—къ славѣ Божіей, къ пользѣ нашихъ братьевъ Славянъ и къ собственной ВАШЕЙ чести.

М[illegible] [illegible] и [illegible] сынъ России и за [illegible] сердце ВАШЕ и [illegible] за Господа, ибо Онъ побѣдитъ враги ВАШИ и [illegible] —Аминь.

Призывая благословеніе Божіе на ВАСЪ и предводимое ВАМИ воинство, а вмѣстѣ и на [illegible] страну, въ которой ВЫ дѣйствуете, съ истинно глубокимъ уваженіемъ, искреннимъ доброжелательствомъ и душевною преданностію, имѣю честь быть.

Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга и усердный молитвенникъ Павелъ, архіепископъ Донской и Новочеркасскій.

1 сентября 1876 года.

Ваше Превосходительство Милостивый Государь Михаилъ Григорьевичъ.

Старые Туркестанцы, имѣвшіе счастіе служить подъ начальствомъ ВАШИМЪ, движимые глубокимъ сочувствіемъ къ святому дѣлу братьевъ Славянъ и оказавъ имъ посильную денежную помощь, пили за здоровье славнаго Предводителя ихъ народной арміи, желая дальнѣйшихъ боевыхъ успѣховъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и глубочайшей преданностію, имѣемъ честь быть:
П. Курсевскій. Врачъ Никитинъ. Полковникъ А. Шкавскій.

[illegible] Туркестанскаго края 18 сентября 1876 г.

Михаилъ Григорьевичъ!

Смѣлость принятія ТОБОЮ на СЕБЯ рѣшенія задачи, созданной столѣтіями, подготовка этого рѣшенія, состоящая въ самоотреченіи на всевозможныя лишенія и даже мученическую смерть,—немного себѣ имѣютъ примѣровъ въ исторіи. ТВОЕ безко-

рыстное стремленіе къ цѣли не облегчило начало дѣла и заставило вступить въ борьбу съ тѣми преградами, которыя выставили ТЕБѢ иноземцы и формальности. Все, что простыхъ смертныхъ смѣшиваетъ съ прахомъ, ТОБОЮ богатырски попрано, опрокинуто, разбросано! Такая сила воли, такой мощный духъ неустрашимости, такой рѣшительный характеръ—говоритъ, что ТЫ не простой смертный. ТВОЕ чуткое ухо ясно и отчетливо слышитъ за всѣхъ насъ небесный гласъ, гремящій надъ головою ТВОЕГО и нашего врага: „Кровь брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли на небо“—откуда и истекъ ТВОЙ девизъ: „Ляжемъ костьми, мертвые-бо срама не имутъ“. ТВОИ дѣянія настоящихъ дней, чѣмъ бы не кончились,—создали ТЕБѢ памятникъ нерукотворный, высоты необъятной, къ которому не заростетъ народная тропа. О ТЕБѢ передадутъ изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ потомства въ потомство: „память вѣчная, будетъ праведникъ, отъ слуха зла не убоится“. И въ настоящую минуту ТЫ дорогъ каждому чисто-русскому сердцу. ТВОЕ имя „Черняевъ“ блеститъ высоко на сводѣ русской націи; оно облетѣло всѣхъ и вездѣ. Всякій при звукѣ его спрашиваетъ: „что онъ еще тамъ дерется съ варварами?..“ и заключаетъ: „пошли ему, Господи, побѣду и одолѣніе надъ супостатомъ и врагомъ“. Присоединяемся и мы, нижеподписавшіеся, къ этой теплой, всенародной молитвѣ: пошли ТЕБѢ, Господи, здравіе, долгоденствіе, во всемъ благое поспѣшеніе, на врага побѣду и одолѣніе, да благословитъ Онъ оружіе ТВОЕ на защиту невинно-страдающей братіи, на водвореніе мира, тишины и благоденствія. Прими отъ насъ, нашъ дорогой другъ, другъ человѣчества, истины и любви, Русскій стратегъ-богатырь, наши искреннія ТЕБѢ пожеланія.

Ярославскій почетный гражданинъ Николай Николаевичъ Соболевъ. Архимандритъ Николай. Каѳедральный протоіерей Іоаннъ Архангельскій. Ярославскаго архіерейскаго дома экономъ, іеромонахъ Павелъ. Всего 88 подписей.

Михаилу Григорьевичу Черняеву.

Ты, Господи, дай силъ въ бореньи со врагами
Геройскому вождю Балканскихъ Христіанъ,
Да защититъ Онъ Крестъ надъ Сербскими полями
И вопли прекратитъ страдающихъ Славянъ.
Весь христіанскій міръ теперь къ ТЕБѢ взываетъ,
Черняевъ, нашъ Танкретъ, безсмертный нашъ Герой,
Какъ крестоносца, Русь ТЕБЯ благословляетъ
И шлетъ своихъ сыновъ къ ТЕБѢ на ратный бой.
И борятся, какъ львы, герои молодые
За дѣло правое, въ защиту Христіанъ,
И русскихъ ратниковъ успѣхи боевые
Отъ варваровъ спасутъ измученныхъ Славянъ.

Ваше Высокопревосходительство,
Достоуважаемый Нашъ Русскій герой
Михаилъ Григорьевичъ!

Сожалѣю, что обстоятельства мои лишаютъ меня счастія лично явиться передъ свѣтлыя очи нашего обожаемаго героя, котораго никогда не забудетъ благодарная Россія, а потому прошу ВАШЕ Превосходительство принять отъ меня, хотя неизвѣстнаго ВАМЪ, но глубоко уважающаго ВАСЪ, при семъ прилагаемую шашку.

Смѣю надѣяться, что высокопросвѣщенный умъ ВАШЪ и ангельское сердце извинятъ меня, что не лично могу явиться передъ ВАМИ, чтобы вручить высылаемую шашку, а высылаю ее ВАМЪ по почтѣ.

Да сохранитъ ВАСЪ Господь Богъ, а также и нашихъ героевъ добровольцевъ, проливающихъ свою невинную кровь за „честное дѣло и свободу!“

Поручая себя вниманію Вашего Высокопревосходительства, имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугою Елисаветградскій мѣщанинъ Яковъ Новокрещеновъ.

1876 г. Октября 13, г. Елисаветгр.

Ваше Высокопревосходительство,
Возлюбленный о господѣ Михаилъ Григорьевичъ.

Поздравляю ВАСЪ, моего родного, и со всѣми ВАШИМИ собратіями, которые охраняютъ христіанскую вѣру и воюютъ по собратіямъ нашимъ славянамъ. Я бы полетѣлъ къ ВАМЪ при прежнемъ моемъ здоровьи, какъ г-нъ Хлудовъ, но я весь годъ пробылъ въ болѣзни, только вотъ дня три стала проходить моя болѣзнь. Поминаю и молюся во блаженномъ упокоеніи раба Божія, воина Николая Николаевича Раевскаго и каждый день молюсь и прошу Господа, чтобы быть ВАМЪ здоровымъ, и поздравляю ВАСЪ со днемъ Ангела, если ВЫ Архистратига Михаила 8-го ноября, и Ему молюсь, дабы онъ, поборникъ адскихъ силъ, пособилъ ВАМЪ побороть эту тьму магометанскую.

За симъ остаюсь всегда искренно помнящій и каждый день поминающій грѣшный Аѳанасій Мальковъ.

Проживающій въ г. Бійскѣ, Томской губ., торгую и слава Богу, трудомъ добываю себѣ насущный кусокъ хлѣба.

Р. Если можно Васъ просить какой войнѣ оборотъ будетъ—меня увѣдомить.

16 октября 1876 г. Г. Бійскъ.

Ваше Превосходительство, господинъ генералъ.

Русское братское сердце всегда билось за славянское дѣло. Свидѣтелями этого были наши и ВАШИ отцы. Этому свидѣтели и мы, гораздо въ большей мѣрѣ, что и когда либо можно было вообразить. Отъ Кронштадта до Владивостока, отъ Калиша до Берингова пролива потрясены сердца нашихъ единовѣрныхъ и одноплеменныхъ братьевъ-русскихъ и самый бѣдный изъ нихъ несетъ свою копѣйку и свой алтынъ для освобожденія своихъ братьевъ, стонущихъ подъ варварскимъ игомъ.

Несчастіе нашихъ братьевъ воодушевило насъ взяться за оружіе, чтобы избавить ихъ. Это наше одушевленіе зажгло на святой Руси великую идею связаннаго братскою любовію свободнаго, независимаго славянства. И ВЫ, Господинъ Генералъ, съ тысячами ВАШИХЪ и нашихъ братьевъ поспѣшили къ намъ, чтобы проливать кровь и ею оросить эту великую мысль великаго народа, чтобы она надежнѣе возникала, лучше развивалась и цвѣла. ВАШИ подвиги цѣнимъ мы, и потомки наши будутъ благодарны ВАМЪ за нихъ.

Но когда всѣ на жертвенникъ отечества, за свободу славянъ, на алтарь взаимнаго братства приносятъ по мѣрѣ силъ своихъ, то и я прошу ВАСЪ, Господинъ Генералъ, принять отъ меня этотъ маленькій подарокъ-саблю, въ голубыхъ бархатныхъ ножнахъ, съ пятью позолоченными обоймами—на память отъ меня; подарите ее тому храброму брату Русскому, который, по ВАШЕМУ суду и усмотрѣнію, болѣе другихъ отличался на полѣ битвы.

Пусть онъ вспомнитъ, когда, если дастъ Богъ, по счастливомъ окончаніи дѣла, будетъ прогуливаться по тихому Дону, холодной Невѣ и валовитой Волгѣ, что онъ принесъ съ бою знакъ братства, благодарности и неразрывной племенной сербской любви къ нему, сѣверному брату, знакъ отличія за свои геройскіе подвиги, знакъ памяти братьевъ, которые умѣютъ цѣнить и уважать заслугу и искренность.

Прошу Васъ, Господинъ Генералъ, мое скромное пожеланіе исполнить съ врожденною Вамъ добросовѣстностью, и примите выраженіе моего глубочайшаго почтенія Вашъ истинный почитатель Георгій Ачимовичъ, купецъ.

Октября 25 дня 1876 г. въ Бѣлградѣ.

Главнокомандующему Тимокско-Моравскимъ войскомъ
генералу Михаилу Григорьевичу Черняеву
Глубокоуважаемый и возлюбленный вождь нашъ!

Когда Сербія и Черногорія, руководимыя возвышенною мыслью искупленія Югославянства и всѣхъ христіанскихъ на Востокѣ страдающихъ братьевъ, развили свое знамя, тогда и ТВОЕ славянское сердце было потрясено и, отказавшись отъ спокойной и счастливой жизни, ТЫ приспѣлъ съ далекаго сѣвера посвятить священной борьбѣ свой въ битвахъ славно искушенный мечъ.

И мы ТЕБЯ приняли съ братскою любовію, съ христіанскимъ воодушевленіемъ передали въ ТВОИ храбрыя руки знамя Югославянства. Поборникъ справедливѣйшаго и благороднѣйшаго дѣла, ТЫ высоко поднялъ это знамя всему міру на показъ. Борьба была слишкомъ неодинакова: съ небольшимъ числомъ молодаго войска, составленнаго изъ земледѣльцевъ и горожанъ, ТЫ вступилъ въ борьбу съ гораздо лучше вооруженнымъ, испытаннымъ въ битвахъ и гораздо болѣе многочисленнымъ войскомъ, которое магометанскій міръ собралъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ.

Но ТЫ всетаки славно выдержалъ эту исполинскую борьбу въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ и былъ чаще побѣдителемъ, чѣмъ побѣжденнымъ; ТЫ былъ на Югѣ нашего отечества твердой стѣной, о которую мусульманская сила непрестанно разбивалась и которую она хотя нѣсколько и подвинула, но повалить ее не могла. Югославянское знамя все было залито кровью, но не взято; оно еще вѣется въ воздухѣ, какъ знакъ ТВОЕЙ славы, нашей чести и неугасимой Славянской надежды. Пусть говорятъ что хотятъ наши злые противники, но подъ его знамя двинулись всѣ восточные народы, которыхъ привѣтствуетъ и которымъ желаетъ побѣды вся честная и свободоумная Европа.

Это, Сербскій вождь, заслуга ТВОЯ и ТВОИХЪ борцовъ, въ которыхъ ТЫ собственнымъ примѣромъ утвердилъ храбрость, стойкость и высшее самопожертвованіе.

Но такъ какъ ТЫ насъ во время перемирія оставляешь, то мы, труженики на нивѣ сербскаго просвѣщенія, считаемъ своимъ первымъ долгомъ, въ этомъ случаѣ, выразить ТЕБѢ, свою глубокую признательность отъ лица представителей науки и одушевленныхъ любовью къ родинѣ душъ всего сербства. Вѣчная благодарность тебѣ, за твою славянскую любовь, хвала ТЕБѢ за всѣ ТВОИ труды, которые ТЫ мужественно подъялъ за насъ, спасибо ТЕБѢ за всѣ радости и печали, которыя ТЫ братски съ нами дѣлилъ.

ТЫ оставляешь насъ, но ТВОЕ имя останется чтимо въ устахъ нашихъ и память о тебѣ не изгладится въ душахъ нашихъ.

Желаемъ ТЕБѢ счастливаго пути, въ который ТЕБЯ провожаютъ благословенія Сербовъ и на которомъ ТЕБЯ догонитъ Божіе благословеніе.

Когда ТЫ вернешься въ свое счастливое и могущественное отечество, будь, умоляемъ ТЕБЯ, свидѣтелемъ, предъ нашими сѣверными братьями, о нашей горячей любви и благодарности за столь великую помощь, которую они намъ, по безпримѣрному своему велукодушію оказали. ТЫ принадлежишь и ихъ, и нашей исторіи; ТЫ узелъ, которымъ сѣверные и южные братья связаны теперь на всѣ времена.

Скажи имъ, что Сербы твердо вѣрятъ, что ихъ братская помощь и далѣе не оскудѣетъ, пока начатое великое дѣло югославянскаго искупленія не будетъ окончено, во славу ихъ и на наше счастье.

Архимандритъ Несторъ проф. богословія, Савва Стрепсовичъ, начальникъ минист. нар. просвѣщенія, Милованъ Глашичъ, членъ бюро печати и 46 подписей.

30 октября 1876 г въ Бѣлградѣ.

Главнокомандующему Тимокско Моравской арміи, генералу Михаилу Григорьевичу Черняеву

Доблестный генералъ, Благородный герой!

Болѣе всѣхъ другихъ концовъ просвѣщенной Европы человѣческою несправедливостію угнетена была восточная часть—Балканскій полуостровъ.

У нѣкогда независимыхъ христіанскихъ государствъ на Балканѣ не только уничтожена была ихъ государственная и національная самостоятельность, но даже у оставшагося тамъ отъ истребленія населенія отнята была всякая возможность человѣческаго существованія.

Турки, азіатское племя магометанской вѣры, нѣсколько столѣтій тому назадъ, завоевали эту часть Европы и на своемъ религіозномъ изувѣрствѣ, проповѣдовавшемъ людское неравенство, на своей звѣрской природѣ и своемъ презрѣніи къ наукѣ и труду основали они Оттоманское царство и господство надъ христіанами, которое есть ничто иное, какъ узаконенное убійство, насильничество, грабежъ и безчестіе. И у завоеванныхъ христіанъ ничего не осталось, что бы щадила магометанская вѣра и магометанская справедливость. Жизнь, свобода, честь, собственность,—все это было только добычею турецкаго произвола.

И сербскій народъ, принадлежа къ числу этихъ мучениковъ, Восточной Европы, имѣя нѣкогда свое царство и свою правду въ Душанѣ и его законникѣ, онъ, бѣдный, долженъ былъ послѣ того пять вѣковъ быть турецкимъ рабомъ, рабомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Послѣ столькихъ вѣковъ ужаснѣйшихъ страданій, Божія правда явилась и онъ отвоевалъ себѣ въ одной части бывшаго своего государства свободу, въ нынѣшнемъ княжествѣ Сербіи; но остальныя его части и на дальнѣйшее время остались въ звѣрскихъ челюстяхъ его угнетателей.

И эта часть мучениковъ вопіяла о своемъ избавленіи, прося помощи у образованной Европы, протягивала свои мученическія руки къ своимъ избавленнымъ братьямъ въ Сербіи, заклинала Бога и людей избавить ее. Но помощи ни откуда не было, а въ нихъ душа уже едва держалась, еще одно давленіе и вмѣсто живыхъ человѣческихъ созданій—остались бы однѣ блѣдные трупы мучениковъ.

Въ такую минуту, когда вскипаютъ всѣ людскія и братскія чувства, когда человѣкъ, призываемый свыше, Божіимъ велѣніемъ, къ избавленію другаго, ему дорогого созданія Божія, забываетъ всю грозящую ему самому опасность,въ такую-то минуту и наша, Сербія, на призывъ своего Государя, какъ на голосъ трубы ангела, вѣстника небесной правды, вступила въ борьбу, съ твердою рѣшимостію или помочь своимъ братьямъ, или вмѣстѣ съ ними выпить чашу желчи и неволи, чтобы хотя передъ Богомъ и потомствомъ выполнить свой братскій долгъ и омыть свою честь.

И въ ТВОИХЪ персяхъ забилось братское сердце и была потрясена благородная душа тѣми же самыми ощущеніями, и ТЫ не могъ оставаться только зрителемъ, а явился среди насъ раздѣлять братски съ нами труды. И какъ звѣзда денница предвѣщаетъ собою зарю, такъ и твой приходъ въ Сербію былъ вѣстникомъ того великодушнаго самопожертвованія и братскаго участія, которыми вся святая Русь была преисполнена въ эти священные дни. По ТВОЕМУ примѣру и другіе сыновья могущественной Руси поспѣшили на помощь страдающимъ своимъ братьямъ. Въ рядахъ новыхъ крестоносцевъ множество русскихъ своею кровію запечатлѣли братскій союзъ своего родства и по крови, и по убѣжденіямъ. Какъ ТЫ, благородный герой, защищая человѣческую честь и христіанскую невинность, смѣло глядѣлъ въ глаза смерти, имѣя одно въ умѣ и сердцѣ защиту святыни и невинности, такъ и ТВОИ доблестные сподвижники отважно стремились туда, куда ТЫ ихъ велъ, прео
препятствія, которыя только хр
жертвованіе могло преодолѣть

Да будетъ же вѣчная слава ТЕБѢ, доблестный витязь, за ТВОЕ самопожертвованіе и за ТВОИ неизмѣримые труды, которые ТЫ понесъ на полѣ святой борьбы, а въ ТВОЕМЪ лицѣ да будетъ вѣчная слава и хвала и сподвижникамъ ТВОИМЪ!

Хвала ТЕБѢ, неустрашимый герой! Хвала ТЕБѢ, благородный борецъ! Хвала ТЕБѢ и вѣчная признательность и отъ насъ, и отъ милліоновъ тѣхъ христіанскихъ мучениковъ, братьевъ нашихъ, ради которыхъ ТЫ добровольно подъялъ ихъ крестъ и положилъ на СВОИ рамена, чтобы облегчить имъ бремя котораго они не могли уже долѣе нести, и уменьшилъ мученія, которыя прикончили бы ихъ.

Господь, заступникъ сирыхъ и убогихъ, да укрѣпитъ богатырскую мощь ТВОЮ на довершеніе святаго дѣла и благословитъ подвижника СВОЕГО, трудившагося за ЕГО правду.

Слава Тебѣ! отъ имени всѣхъ Бѣлградскихъ гражданъ Дмитрій Поповичъ, голова и предсѣдатель Бѣлградской общины

27 октября 1876 г. Бѣлградъ.

Къ портрету М. Г. Черняева.

Есть въ исторіи народовъ
Чудныя страницы,
Гдѣ дѣла родныхъ героевъ
Славятъ лѣтописцы.
Такъ и нынѣ есть у русскихъ
Витязь—доброволецъ,
Покоритель ордъ киргизскихъ,
Храбрый полководецъ.
Онъ славянство защищая,
Грудью не словами.
Первый, Русь всю увлекая,
Велъ на бой съ врагами!--
Славься—же Черняевъ Турскій,
Удалецъ Ты, милый!
Не забудетъ Тебя русскій
Нашъ народъ правдивый!

Дм. Лобановъ.

Ваше Высокопревосходительство.

Чувство глубокаго уваженія къ достоинствамъ Мужа, который себя такъ прославилъ, вдохновило меня составить этотъ маршъ, который я имѣю честь при семъ ВАМЪ поднести; насколько мнѣ мои слабыя силы позволили. я выражалъ имъ одушевляющія меня чувства.

Нижайше прошу ВАШЕ Высокопревосходительство съ врожденной ВАМЪ добротой благоволите принять это скромное выраженіе моего высокаго къ ВАМЪ почтенія.

Извините мою смѣлость и дозвольте мнѣ имѣть честь назваться Вашего Высокопревосходительства покорнымъ слугою, Драгутинъ Чижекъ, капельмейстеръ Сербско-Королевскаго войска.

Октября 1876 г. Бѣлградъ.

Милостивый Государь Михаилъ Григорьевичъ!

Жители и граждане города Зарайска и уѣзда, свидѣтельствуя ВАШЕМУ Превосходительству глубочайшее почтеніе, поздравляютъ ВАСЪ со днемъ ВАШЕГО ангела и покорнѣйше просятъ принять въ даръ икону Архистратига Силъ Небесныхъ, Михаила Архангела; образъ, съ котораго снята эта копія, хранится двѣсти лѣтъ, переходя изъ рода въ родъ, въ одномъ изъ семействъ нашего города. Освященная вѣками идея представляетъ ВАШЕГО Небеснаго покровителя на конѣ, окруженнаго четырьмя стихіями: огнемъ, водой, землей и воздухомъ; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ святое евангеліе, проповѣдуя истину и святую вѣру, и кадило изображаетъ молитву русскаго народа, а въ правой рукѣ мечъ въ видѣ радуги— символъ надежды; изъ меча сверкаетъ молнія, поражающая нечестіе и крамолу; труба возвѣщаетъ славу и побѣду надъ врагами. Съ лѣвой стороны въ обла-

кахъ Спаситель, а съ правой крестъ въ сіяніи, окруженный облаками, съ надписью: „Симъ знаменіемъ побѣдиши“.

Да сохранитъ ВАСЪ Ангелъ хранитель и да поможетъ ВАМЪ Господь Богъ окончить со славою принятый ВАМИ на себя великій подвигъ. чего отъ всего сердца и отъ всей души желаютъ ВАШЕМУ Превосходительству жители и граждане города Зарайска и уѣзда.

На подлинномъ подписали:

Уѣздный предводитель дворянства князь Оболенскій.

Городской голова Николай Ѳедоровичъ Курносовъ.

Уѣздный воинскій начальникъ полковникъ Александръ Аполлоновичъ Марина.

Ваше Превосходительство!

Жизнь ВАША навсегда останется дорогою для всѣхъ насъ; ВЫ не жалѣли себя для спасенія братьевъ славянъ; сколько было пролито ВАМИ слезъ въ прошлые тяжелые дни по своихъ убитымъ братьямъ. Сколько разъ ВЫ бросались съ ружьемъ въ рукахъ на непріятеля, пренебрегая своею жизнію, дорогою для всѣхъ насъ. Мы боялись за ВАСЪ и просили Бога спасти ВАШУ драгоцѣнную жизнь. Да и что бы мы могли сдѣлать безъ головы, если бы голова наша свалилась съ нашихъ плечъ. Положительно ничего.

ВАШЕ Превосходительство!

Я самъ видѣлъ все, всѣ ВАШИ добрые поступки при нападеніи на мусульманъ, и всегда молилъ Бога, чтобы Богъ спасъ ВАШУ жизнь для блага братьевъ славянъ. Я служилъ при ВАСЪ съ 11 іюня

по 20 сентября и всегда былъ доволенъ ВАМИ. ВЫ для меня, какъ и для всѣхъ другихъ, были отцомъ-полководцемъ.

Сколько разъ битвы проводилъ я вмѣстѣ съ ВАМИ, ВЫ меня не оставлями за это; такъ ВАШЕЮ милостію я 19-го августа былъ произведенъ въ подпоручики за 16 сентября мнѣ назначили медаль за храбрость.

ВЫ меня взяли изъ волонтеровъ, по рекомендаціи поручика Зандрака и поставили на ноги. Богъ да сопутствуетъ ВАМЪ, Богъ да сохранитъ ВАСЪ; можетъ быть это было еще только начало кровопролитія, начало тиранствъ невѣрныхъ надъ христіанами. Дай Богъ, чтобы все это окончилось со славою для ВАСЪ, которая гремѣла бы объ АСЪ вездѣ и повсюду. Жалко, что у меня разбита спина и поэтому не могу быть при ВАСЪ и защищать ВАШУ дорогую жизнь. Но все таки по первому ВАШЕМУ слову, не обращая ни на что, ни на какую болѣзнь, я готовъ явиться къ ВАМЪ, чтобы свою жизнь положить за ВАСЪ и за христіанъ братьевъ.

Подпоручикъ ввѣренной ВАМЪ тимоко-моравской арміи, нынѣ живущій въ своемъ отечествѣ на излеченіи въ Костромской губерніи, въ Нерехтскомъ уѣздѣ, въ селѣ Перепелицынѣ.

Николай Николаевичъ Каллистовъ.

1876 г. Ноября 26 дня. Село Перепелицыно.

Милостивый Государь Михаилъ Григорьевичъ!

Исполняя желаніе 9-ти лѣтняго сына нашего передать завѣтную золотую монету, полученную имъ при рожденіи отъ почтеннаго дѣда его, въ руку ВАШУ, первую изъ русскихъ поднявшуюся на защиту угнетенныхъ братьевъ нашихъ славянъ, противъ жестокихъ притѣснителей ихъ, присоединяемъ и наши задушевныя желанія правому святому дѣлу освобожденія славянъ, во главѣ котораго вождемъ и

опорою ихъ находитесь ВЫ, возбуждая искреннее горячее сочувствіе къ высокому, безкорыстному подвигу ВАШЕМУ.

8 ноября, въ день ВАШЕГО ангела, въ уединенномъ уголку Харьковской губерніи нѣсколько русскихъ сердецъ, вполнѣ сочувствующихъ ВАМЪ и святому дѣлу, съ молитвою вспоминали ВАСЪ. Все семейство наше съ давнихъ поръ принимаетъ живѣйшее участіе во всемъ, касающемся славянскаго дѣла, какъ ВЫ увидите изъ прилагаемаго письма прадѣда моего А. А. Самборскаго, взятаго изъ нашего семейнаго архива и напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“ (ноябрь 1896 г.).

Мать наша Марія Васильевна Вольховская переписала его для ВАСЪ; она вполнѣ достойная руководительница внука своего на пути правды и добра, по слѣдамъ незабвеннаго отца моего.

СЛОВО ЗА СЕРБОВЪ.

1808.

Протоіерей Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій, бывшій нашимъ священникомъ въ Лондонѣ, при посольской церкви, потомъ законоучителемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, наконецъ, духовникомъ великой княгини Александры Павловны, по вступленіи ея въ бракъ съ эрцгерцогомъ Палатиномъ венгерскимъ, 21 іюня 1808 г., изъ Харькова написалъ Императору Александру Павловичу собственноручное письмо, въ которомъ доносилъ его Величеству, что вселюбезнѣйшая сестра его Величества, Александра Павловна, „возродила въ единовѣрныхъ намъ сербахъ доблестный духъ къ избавленію правовѣрія отъ тяжкаго магометанскаго ига. По богоугодному ея завѣщанію и по переселеніи ея въ вѣчность, оставила исполненіе сего происшествія своему брату Александру I“.

Въ виду нынѣшнихъ событій въ Сербіи и Черногоріи, мы приводимъ письмо Самборскаго въ подлинникѣ, какъ доказательство давняго сочувствія еди-

Ваше Высокопревосходительство.

Чувство глубокаго уваженія къ достоинствамъ Мужа, который себя такъ прославилъ, вдохновило меня составить этотъ маршъ, который я имѣю честь при семъ ВАМЪ поднести; насколько мнѣ мои слабыя силы позволили, я выражалъ имъ одушевляющія меня чувства.

Нижайше прошу ВАШЕ Высокопревосходительство съ врожденной ВАМЪ добротой благоволите принять это скромное выраженіе моего высокаго къ ВАМЪ почтенія.

Извините мою смѣлость и дозвольте мнѣ имѣть честь назваться Вашего Высокопревосходительства покорнымъ слугою, Драгутинъ Чижекъ, капельмейстеръ Сербско-Королевскаго войска.

Октября 1876 г. Бѣлградъ.

Милостивый Государь Михаилъ Григорьевичъ!

Жители и граждане города Зарайска и уѣзда, свидѣтельствуя ВАШЕМУ Превосходительству глубочайшее почтеніе, поздравляютъ ВАСЪ со днемъ ВАШЕГО ангела и покорнѣйше просятъ принять въ даръ икону Архистратига Силъ Небесныхъ, Михаила Архангела; образъ, съ котораго снята эта копія, хранится двѣсти лѣтъ, переходя изъ рода въ родъ, въ одномъ изъ семействъ нашего города. Освященная вѣками идея представляетъ ВАШЕГО Небеснаго покровителя на конѣ, окруженнаго четырьмя стихіями: огнемъ, водой, землей и воздухомъ; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ святое евангеліе, проповѣдуя истину и святую вѣру, и кадило изображаетъ молитву русскаго народа, а въ правой рукѣ мечъ въ видѣ радуги— символъ надежды; изъ меча сверкаетъ молнія, поражающая нечестіе и крамолу; труба возвѣщаетъ славу и побѣду надъ врагами. Съ лѣвой стороны въ обла-

кахъ Спаситель, а съ правой крестъ въ сіяніи, окруженный облаками, съ надписью: „Симъ знаменіемъ побѣдиши“.

Да сохранитъ ВАСЪ Ангелъ хранитель и да поможетъ ВАМЪ Господь Богъ окончить со славою принятый ВАМИ на себя великій подвигъ. чего отъ всего сердца и отъ всей души желаютъ ВАШЕМУ Превосходительству жители и граждане города Зарайска и уѣзда.

На подлинномъ подписали:

Уѣздный предводитель дворянства князь Оболенскій.

Городской голова Николай Ѳедоровичъ Курносовъ.

Уѣздный воинскій начальникъ полковникъ Александръ Аполлоновичъ Марина.

Ваше Превосходительство!

Жизнь ВАША навсегда останется дорогою для всѣхъ насъ; ВЫ не жалѣли себя для спасенія братьевъ славянъ; сколько было пролито ВАМИ слезъ въ прошлые тяжелые дни по своихъ убитымъ братьямъ. Сколько разъ ВЫ бросались съ ружьемъ въ рукахъ на непріятеля, пренебрегая своею жизнію, дорогою для всѣхъ насъ. Мы боялись за ВАСЪ и просили Бога спасти ВАШУ драгоцѣнную жизнь. Да и что бы мы могли сдѣлать безъ головы, если бы голова наша свалилась съ нашихъ плечъ. Положительно ничего.

ВАШЕ Превосходительство!

Я самъ видѣлъ все, всѣ ВАШИ добрые поступки при нападеніи на мусульманъ, и всегда молилъ Бога, чтобы Богъ спасъ ВАШУ жизнь для блага братьевъ славянъ. Я служилъ при ВАСЪ съ 11 іюня

по 20 сентября и всегда былъ доволенъ ВАМИ. ВЫ для меня, какъ и для всѣхъ другихъ, были отцомъ-полководцемъ.

Сколько разъ битвы проводилъ я вмѣстѣ съ ВАМИ, ВЫ меня не оставлями за это; такъ ВАШЕЮ милостію я 19-го августа былъ произведенъ въ подпоручики за 16 сентября мнѣ назначили медаль за храбрость.

ВЫ меня взяли изъ волонтеровъ, по рекомендаціи поручика Зандрака и поставили на ноги. Богъ да сопутствуетъ ВАМЪ, Богъ да сохранитъ ВАСЪ; можетъ быть это было еще только начало кровопролитія, начало тиранствъ невѣрныхъ надъ христіанами. Дай Богъ, чтобы все это окончилось со славою для ВАСЪ, которая гремѣла бы объ АСЪ вездѣ и повсюду. Жалко, что у меня разбита спина и поэтому не могу быть при ВАСЪ и защищать ВАШУ дорогую жизнь. Но все таки по первому ВАШЕМУ слову, не обращая ни на что, ни на какую болѣзнь, я готовъ явиться къ ВАМЪ, чтобы свою жизнь положить за ВАСЪ и за христіанъ братьевъ.

Подпоручикъ ввѣренной ВАМЪ тимоко-моравской арміи, нынѣ живущій въ своемъ отечествѣ на излеченіи въ Костромской губерніи, въ Нерехтскомъ уѣздѣ, въ селѣ Перепелицынѣ.

Николай Николаевичъ Каллистовъ.

1876 г. Ноября 26 дня. Село Перепелицыно.

Милостивый Государь Михаилъ Григорьевичъ!

Исполняя желаніе 9-ти лѣтняго сына нашего передать завѣтную золотую монету, полученную имъ при рожденіи отъ почтеннаго дѣда его, въ руку ВАШУ, первую изъ русскихъ поднявшуюся на защиту угнетенныхъ братьевъ нашихъ славянъ, противъ жестокихъ притѣснителей ихъ, присоединяемъ и наши задушевныя желанія правому святому дѣлу освобожденія славянъ, во главѣ котораго вождемъ и

опорою ихъ находитесь ВЫ, возбуждая искреннее горячее сочувствіе къ высокому, безкорыстному подвигу ВАШЕМУ.

8 ноября, въ день ВАШЕГО ангела, въ уединенномъ уголку Харьковской губерніи нѣсколько русскихъ сердецъ, вполнѣ сочувствующихъ ВАМЪ и святому дѣлу, съ молитвою вспоминали ВАСЪ. Все семейство наше съ давнихъ поръ принимаетъ живѣйшее участіе во всемъ, касающемся славянскаго дѣла, какъ ВЫ увидите изъ прилагаемаго письма прадѣда моего А. А. Самборскаго, взятаго изъ нашего семейнаго архива и напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“ (ноябрь 1896 г.).

Мать наша Марія Васильевна Вольховская переписала его для ВАСЪ; она вполнѣ достойная руководительница внука своего на пути правды и добра, по слѣдамъ незабвеннаго отца моего.

СЛОВО ЗА СЕРБОВЪ.

1808.

Протоіерей Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій, бывшій нашимъ священникомъ въ Лондонѣ, при посольской церкви, потомъ законоучителемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, наконецъ, духовникомъ великой княгини Александры Павловны, по вступленіи ея въ бракъ съ эрцгерцогомъ Палатиномъ венгерскимъ, 21 іюня 1808 г., изъ Харькова написалъ Императору Александру Павловичу собственноручное письмо, въ которомъ доносилъ его Величеству, что вселюбезнѣйшая сестра его Величества, Александра Павловна, „возродила въ единовѣрныхъ намъ сербахъ доблестный духъ къ избавленію правовѣрія отъ тяжкаго магометанскаго ига. По богоугодному ея завѣщанію и по переселеніи ея въ вѣчность, оставила исполненіе сего происшествія своему брату Александру I“.

Въ виду нынѣшнихъ событій въ Сербіи и Черногоріи, мы приводимъ письмо Самборскаго въ подлинникѣ, какъ доказательство давняго сочувствія еди-

новѣрнымъ сербамъ со стороны Русскаго Царствующаго Дома.

Ваше Императорское Величество,

Всемилостивѣйшій Государь!

Образъ моихъ мыслей и дѣяній есть В. И. В. совершенно извѣстенъ. Какъ прежде, такъ и нынѣ, то только время почиталъ я употребленнымъ въ пользу, которое посвящено на служеніе Богу и Божіему Помазаннику. Не я одинъ, но всѣ благочестивые люди вѣруютъ и утверждаютъ, что непостижимыя Божіи судьбы Вамъ, Благочестивѣйшій обладатель всѣхъ намъ единовѣрныхъ, разсѣянныхъ по вселенной, предопредѣлили избавленіе и спасеніе отъ жесточайшаго долговременнаго порабощенія и мученія.

Духъ и приверженность ко Всероссійскому престолу единовѣрныхъ мнѣ весьма извѣстны, о чемъ я уже имѣлъ счастіе доносить съ подобающимъ благоговѣніемъ В. И. В. Вселюбезнѣйшая Ваша Сестра, во время своего пребыванія въ Венгріи, безсмертная Александра возродила въ единовѣрныхъ сербахъ доблестный духъ ко избавленію правовѣрія отъ тяжкаго ига магометанскаго. По богоугодному ея завѣщанію, и мнѣ извѣстному, и по переселеніи своемъ въ вѣчность, оставила она исполненіе сего наиважнѣйшаго въ свѣтѣ происшествія Вамъ, Благочестивѣйшій Самодержецъ. Самъ Всемогущій Обладатель и Творецъ всѣхъ земнородныхъ да благопоспѣшествуетъ вашимъ богоугоднымъ подвигамъ—есть всеобщая молитва и надежда. Созерцая въ такомъ видѣ и душевно чувствуя всю возможность всѣхъ обязательствъ, я бы содѣлалъ грѣхъ вопіющій къ небесамъ, если бы дерзнулъ уклониться отъ сего священнаго служенія. Дарованное мнѣ вами, Всемилостивѣйшій Государь, время для поправленія моего здравія, укрѣпило мои тѣлесныя силы такъ, что я есмь готовъ поспѣшить пасть къ стопамъ В. И. В. и со всевозможною ревностію исполнить то, что есть благоугодно Богу, правовѣрному Божіему Помазаннику и спасительно

единовѣрнымъ сербамъ. Ничего мнѣ болѣе не осталось желать и просить у Вашего Императорскаго Величества, какъ только Всевысочайшаго Вашего благоизволенія, дабы я симъ благоугоднымъ служеніемъ могъ запечатлѣть остатки моей жизни. Во всемъ препоручая себя Вашей Высочайшей волѣ и паки реку: готовь есмь повиноватися оной и съ наиглубочайшимъ почтеніемъ и всесовершенною преданностію пребуду до послѣдняго дыханія вѣрноподданный, всеусерднѣйшій богомолецъ

Андрей Самборскій.

1808 г., іюня 25 дня. Харьковъ.

Переписывала Марія Васильевна Вольховская, урожденная Малиновская, родная внука, по матери, Андрея Аѳанасьевича Самборскаго. Владиміра Дмитріевича Вольховскаго, одного изъ тружениковъ и защитниковъ Кавказа.

Всѣ мы еще отъ души призываемъ помощь и благословеніе Божіе на ВАСЪ и на храбрыхъ сподвижниковъ ВАШИХЪ.

Имѣемъ честь быть почитающіе ВАСЪ
Анемподистъ и Анна Носовы.

28 ноября 1876 года.

Владиміръ Носовъ проситъ любимаго генерала принять и передать его пожертвованіе славянамъ.

Г. Изюмъ, Харьковской губ.

Окружной горный инженеръ Анемподистъ Алексѣевичъ Носовъ.

Ваше Превосходительство Михаилъ Григорьевичъ,

Позвольте старику, переживающему восьмой десятокъ, но сохранившему въ душѣ на столько чувства, чтобы искренно сочувствовать геройскимъ подвигамъ для освобожденія угнетенныхъ славянъ, которое Вы на себя приняли, и выразить Вамъ мое душевное уваженіе, съ каковымъ честь имѣю быть Вашъ покорнѣйшій слуга отставной казакъ

Константинъ Вольховской.

Герою.

Мы видѣли Тебя среди степей хивинскихъ,
Мы видѣли Тебя на сербскихъ высотахъ,
И всюду жителямъ предѣловъ чухно-финскихъ
Твой идеалъ войны внушалъ какой-то страхъ.
Война подъ знаменемъ культурно-піонернымъ
Противна помысламъ героевъ кулака,
Недальняго ума служакамъ безпримѣрнымъ,
Глядящимъ на талантъ и геній свысока.
Ты страшенъ имъ, Герой, на горе всей Россіи,
Къ стыду отечества и къ радости враговъ...
Нѣтъ, не согнутъ они передъ Тобою выи:
Ты не изъ ихъ среды, Ты между ними новъ.
Contemnunt... какъ давно сказалъ намъ это слово
Великой націи великій гражданинъ! *)
Божественный талантъ—залогъ судьбы суровой...
Мужайся среди золъ, славянскій паладинъ!
Оставленный толпой бездушно-горделивой,
Ты имя русское вознесъ на высоту,
Борьбой неравныхъ силъ, борьбой краснорѣчивой,
Парадной хроники заполнилъ пустоту.
Нѣтъ, не умретъ она, идея обладанья

*) Contemnunt novitatem meam, ego ignaviam illorum. Они презираютъ меня за то, что я новый человѣкъ, а я ихъ за то, что они старые лѣнтяи (Тацитъ).

Тропой Олеговой къ босфорскимъ берегамъ!
Сберутъ всю Русь подъ стягъ священнаго преданья,
И дастъ она отпоръ безчисленнымъ врагамъ.
И будешь ли Ты жить среди арены славной,
Иль жертвой мужества падешь съ мечемъ въ рукѣ,
Твой образъ нравственный, культурно-православный
Россія сохранитъ въ душевномъ тайникѣ.

П. К.

Ваше Высокопревосходительство!

Нижеподписавшіеся вѣнскіе Болгары почитаемъ себя счастливыми, что можемъ воспользоваться столь благопріятнымъ для насъ случаемъ ВАШЕГО здѣсь пребыванія и выразить ВАМЪ глубокую нашу признательность за ВАШИ горячія чувства и участіе къ нашему Болгарскому народу, столько вѣковъ стонущему подъ тяжелымъ, варварскимъ турецкимъ игомъ.

Ваше Высокопревосходительство! Услуги, которыя оказаны ВАМИ до сихъ поръ и которыя, конечно, ВЫ соблаговолите продолжить, и положенное ВАМИ основаніе освобожденію Южнаго Славянства вообще и Болгаръ въ особенности,—весьма нами цѣнятся глубоко. Будьте увѣрены, ВАШЕ Высокопревосходительство, что ВАШЕ имя, и теперь уже извѣстное всему нашему народу, останется во вѣки записаннымъ въ каждомъ болгарскомъ сердце и въ нашей исторіи; какъ настоящее, такъ и будущія поколѣнія нашего народа будутъ славить и благословлять имя ВАШЕГО Высокопревосходительства, какъ перваго поборника ихъ освобожденія и независимости.

Будучи увѣрены, что ВАШЕ Высокопревосходительство никогда не перестанете покровительствовать нашему народу, и что ваше святое дѣло увѣнчается желаемымъ отъ всего Югославянства успѣхомъ, просимъ ВАШЕ Высокопревосходительство принять увѣреніе нашего глубокаго почитанія и сердечной

признательности, съ которыми имѣемъ честь быть ВАШЕГО Высокопревосходительства преданнѣйшими слугами.

Георгій Г. Киселовъ. Димитръ Г. Анневъ. Янко Ковачевъ. Николай С. Ковачевъ. С. Иліевъ. С. Паница И. Филчовъ. С. Пранчовъ. Н. Генишовъ.

Вѣна. 6 декабря 1876 г.

Ваше Высокопревосходительство, Михаилъ Григорьевичъ!

Благородная цѣль, которую ВЫ себѣ предначертали,—освободить Южное Славянство изъ подъ ужасныхъ ударовъ турецкаго ножа,—побуждаетъ насъ, учащуюся въ Вѣнѣ болгарскую молодежь, просить ВАСЪ благоволить выслушать нашу благодарность.

ВАМЪ, славный Генералъ, выражаемъ мы свои благодарныя чувства,—наши и плачущихъ кровавыми слезами нашихъ родителей, которые только въ ВАСЪ видятъ осуществленіе своихъ надеждъ на освобожденіе изъ тиранскихъ когтей турецкаго правительства.

Они не могутъ ВАМЪ теперь высказать и засвидѣтельствовать свою благодарность и признательность. Но ВАШЕ доблестное подвизаніе за наше освобожденіе будетъ награждено любовью къ ВАШЕМУ имени въ народѣ и въ его будущихъ поколѣніяхъ, а наша исторія отведетъ ВАМЪ выдающееся мѣсто въ ряду первыхъ борцовъ за наше освобожденіе.

Увѣренные, что ВЫ не перестанете покровительствовать Болгарскому народу и его освобожденію, остаемся съ глубокимъ почтеніемъ къ ВАШЕМУ Высокопревосходительству покорнѣйшіе и признательные болгарскіе ученики въ Вѣнѣ.

Василъ Манушоевъ. Александръ Козаровъ. Стефанъ Броницкій Деметръ Брчковъ и др.

Вѣна, 7 октября 1876 года.

Черняеву.

Едва побѣдный кликъ враговъ
Раздался надъ вождемъ печальнымъ,
И легіонъ клеветниковъ
Врагамъ ужъ вторитъ эхомъ дальнимъ:
Не понимая торжества
Тобой прославленной идеи,
Вокругъ израненнаго льва
Шипятъ озлобленныя змѣи...
О, тотъ герой, кто въ морѣ бѣдъ
Держалъ такъ твердо знамя наше...
Иной уронъ славнѣй побѣдъ,
Иныя раны лавровъ краше!
И вѣрь—другой есть легіонъ:
Онъ заглушитъ слова пустыя,
Въ тебя, какъ прежде, вѣритъ онъ,
И легіонъ тотъ вся Россія!..

А.

Октябрь. Петербургъ.

Архистратигъ славянской рати,
Безукоризненный герой!
Подъ кровомъ Божьей благодати
Да довершится подвигъ Твой!
Да сохранитъ въ борьбѣ кровавой
Тебя Всевышняго рука,
И память дѣлъ Твоихъ со славой
Пройдетъ въ далекіе вѣка!

Ѳ. Миллеръ.

Милостивый Государь, Михаилъ Григорьевичъ!

Не удивляйтесь, что ВАМЪ пишетъ незнакомая ВАМЪ женщина, я и всѣ русскіе—ВАМЪ родные по душѣ и по сердцу.

Надъ ВАМИ рука Господня. ВАШЕ славное прошедшее невидимыми путями вело ВАСЪ къ настоящему: воскресить угнетенныхъ, оскорбленныхъ, страдальцевъ-мучениковъ христіанъ. подъ гнетомъ ислама и показать Европѣ, что энергія одного человѣка ведетъ тысячи. ВЫ поѣхали въ Сербію и за ВАМИ полетѣли добровольцы. За ВАШЕ самоотверженіе я убѣждена. что Господь благословитъ ВАСЪ побѣдой и всѣмъ.

Посылаю ВАМЪ два завѣтные мои образа. Воскресенія Христова и Сергія Побѣдоносца, оба изъ Іерусалима, освящены на Живоносномъ Гробѣ Спасителя. посылаю ихъ ВАМЪ, съ истиннымъ желаніемъ и молитвою теплою, чтобы они ВАСЪ хранили и благословляли. помогали всему, что ВАМЪ на пользу и спасали бы отъ всѣхъ опасностей. Позвольте ВАМЪ, какъ родной. сказать: ВЫ слишкомъ увлекаетесь ВАШЕЙ храбростію, это главнокомандующему не только что непозволительно. но даже грѣхъ, жизнь ВАША нужна народамъ. И такъ. примите отъ меня увѣренія въ истинномъ почтеніи, съ которымъ всегда буду ВАМЪ. милостивый государь. покорная къ услугамъ

Марья Киселева.

Его Высокопревосходительству
г. Генералу Михаилу Григорьевичу Черняеву.
Ваше Высокопревосходительство!

Побуждаемые чувствомъ признательности къ ВАМЪ. посвятившему себя великой и благородной цѣли освобожденія Южныхъ Славянъ отъ губительнаго гнета турецкаго владычества. въ послѣднее пребываніе ВАШЕ въ Вѣнѣ мы въ адресѣ изъявили свою

благодарность и признательность къ ВАШЕМУ Высокопревосходительству. Но такъ какъ избранная нами ученическая депутація для поднесенія адреса, не найдя ВАСЪ въ гостинницѣ, вручила его Георгію Петкову, назвавшему себя ВАШИМЪ адъютантомъ, для передачи его ВАМЪ,—то сомнѣваясь, по нѣкоторымъ извѣстнымъ причинамъ, въ томъ, что адресъ ВАМЪ переданъ, мы осмѣливаемся вторично представиться ВАШЕМУ Высокопревосходительству и просить ВАСЪ благоволить выслушать нашу благодарность.

Славный Генералъ! Наша душевная отрада и нашихъ плачущихъ кровавыми слезами родителей и соотечественниковъ—въ томъ, чтобы глубоко хранить въ сердцѣ горячую благодарность къ ВАШЕМУ Высокопревосходительству. Злосчастный нашъ народъ, первый въ исторіи по тяжести своихъ страданій, видитъ въ ВАСЪ могучій Божій перстъ, призванный расторгнуть вериги, державшія его до сихъ поръ въ многовѣковомъ рабствѣ, сдѣлать его участникомъ свободы и облагородить. Доблестная ВАША борьба и геройскіе подвиги въ стремленіи къ освобожденію нашего народа, привлекаютъ къ ВАМЪ его сердца, и если въ нынѣшнихъ своихъ обстоятельствахъ, на порогѣ рабства, онъ не можетъ еще явно благодарить ВАСЪ, то согрѣвающая его могучая надежда скоро увидѣть ВАСЪ въ своей средѣ съ непобѣдимыми русскими полками, поддерживаетъ въ немъ залогъ преданности къ ВАШЕМУ Высокопревосходительству. Память о ВАСЪ будетъ свѣтла и постоянна въ нашемъ народѣ и въ его потомствѣ, и наша исторія увѣнчаетъ ВАСЪ вѣнцомъ неувядаемой славы и отведетъ ВАМЪ выдающееся мѣсто въ ряду первыхъ борцовъ за свободу и равенство.

Увѣренные, что ВЫ не перестанете покровительствовать нашему народу и содѣйствовать его освобожденію, съ глубокимъ почтеніемъ къ ВАШЕМУ Высокопревосходительству остаемся признательнѣйшіе ученики.

А. Козаровъ. Г. Кожидаровъ. Д. Брчковъ. И. Урумовъ и др.

Вѣна, 17 декабря 1876 г.

Достоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

Очень жалѣю, что не видѣлся съ ВАМИ предъ выѣздомъ изъ Сербіи. Я думалъ ВАСЪ скоро видѣть опять у насъ. Но обстоятельства такъ измѣнились, что все, что столько лѣтъ созидали, разрушается. Многое насъ волнуетъ, возмущаетъ и приходится, вмѣсто сладости, горечь вкушать. Но опять надѣюсь на милость Божію и любовь искреннихъ друзей.

Желаю ВАМЪ спокойствія и терпѣнія, а остальное Господь устроитъ къ лучшему. Добро дѣлается съ трудомъ, а много враговъ добра, отъ которыхъ дѣлающіе добро терпятъ всякія непріятности. Ввѣряясь Богу и Его Промыслу, потерпите на время и когда враги посрамятся, тогда истина восторжествуетъ, идея побѣдитъ, народъ освободится отъ дикихъ варваровъ; тогда всѣ воскликнутъ: Слава Черняеву!

Съ призваніемъ на ВАСЪ благословенія Господа, уваженіемъ и преданностію, имѣю честь быть ВАШИМЪ богомольцемъ

М. С. Михайловъ.

Бѣлградъ, 17 февраля 1877 г.

Генералъ.

Я крайне сожалѣлъ, что меня не было въ Парижѣ во время ВАШЕГО послѣдняго тамъ пребыванія. Я счелъ бы для себя за величайшую честь представиться ВАМЪ и засвидѣтельствовать то расположеніе, которое я и очень большое число моихъ друзей чувствуемъ къ ВАШЕЙ особѣ. ВЫ въ настоящую минуту, Генералъ, являетесь истиннымъ и искреннѣйшимъ выразителемъ идеи цивилизаціи и религіи въ Европѣ, и тѣ, которые борятся за одно съ ВАМИ, — борятся дѣйствительно за эти двѣ идеи.

Россія и Франція, я на это надѣюсь, крѣпко соединятся навсегда противъ всякаго рода варварства и противъ варваровъ всякаго вида, и ВАМЪ будетъ

принадлежать та честь, Генералъ, что имя ВАШЕ будетъ связано съ этими великими идеями освобожденія политическаго, нравственнаго, религіознаго и даже промышленнаго.

Будьте увѣрены, что исторія воздастъ ВАМЪ за это должное.

Я былъ бы очень счастливъ, Генералъ, если бы ВЫ соблаговолили прислать мнѣ ВАШЪ портретъ, съ нѣсколькими словами, надписанными ВАШЕЮ рукой. Драгоцѣнна память героя и человѣка добра, которымъ Европа одолжена будетъ тѣмъ, что выйдетъ изъ своего оцѣпененія и признаетъ, что истинное торжество нашей эпохи заключается въ идеѣ свободы, политической и религіозной.

Я былъ бы счастливъ, Генералъ, если бы мое письмо не осталось безъ отвѣта. Прошу ВАСЪ благосклонно принять самое полное выраженіе чувствъ моего къ ВАМЪ уваженія.

Графъ де-Саффрэ.

67 Rue de Clichy. (Comte de Saffray).

Многоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

Какъ мать покойнаго Ник. Алексѣевича Кирѣева, я думаю, что имѣю право писать къ ВАМЪ эти строки, высказать ВАМЪ въ нихъ все тщетное чувство русской матери, при прочтеніи сегодня „Гражданина“, извѣщающаго русскихъ, что ВЫ въ изгнаніи за ВАШУ доблестную службу святому дѣлу славянскихъ мучениковъ, семейство ВАШЕ не съ ВАМИ! Этимъ одиночествомъ страданія ВАШИ умножились; но русскій человѣкъ цѣнитъ ВАШЕ самоотверженіе и долго будетъ помнить все, что ВЫ сдѣлали для горькихъ братьевъ нашихъ. Видно Богу угодно призвать къ себѣ еще большее число жертвъ, подобныхъ моему сыну, если позволить подписаніе протокола требованій Англіи, столь постыдныхъ для нашей чести въ глазахъ народа и котораго послѣдствія будутъ въ

близкой будущности ужасны для всѣхъ. Дикую гордость враговъ ВЫ удерживали такъ долго и были минуты, что мы, русскіе, на чужой сторонѣ, встрѣчались *съ надеждой* въ улучшеніи судьбы славянъ. Теперь она должна рушиться, и мой ропотъ, удерживаемый этой христіанской надеждой, естественный ропотъ матери, потерявшей такого сына, какимъ былъ мой сынъ, повторяется сильнѣе, видя такой конецъ всему, что было свято ВАМЪ и ему. Глубокое сочувствіе всякаго честнаго человѣка къ ВАШЕМУ доблестному, чисто русскому характеру будетъ принято ВАМИ, Михаилъ Григорьевичъ, дружелюбно и отъ меня, горькой старухи, пришедшей сказать ВАМЪ русское Христосъ Воскресе!

Надѣялась, по журнальнымъ извѣстіямъ, видѣть васъ во Флоренціи, но вчера узнала, что ВЫ остаетесь еще, и даже надолго, въ Англіи. Позвольте мнѣ попросить ВАСЪ сказать мнѣ гдѣ и отъ кого могу я получить крестъ, снятый съ моего убитаго сына? Я такъ далеко отъ Россіи и не знаю еще когда возвращусь на родину. Дѣла наши еще недостаточно обрисовались для моего возвращенія, а потому прошу ВАСЪ отвѣтить мнѣ о судьбѣ этого единаго памятника, оставленнаго мнѣ послѣ сына врагами, памятника, дорогаго столь моему сердцу. Прошу ВАСЪ вѣрить, что остальныя дѣти мои раздѣляютъ со мной всю преданность и уваженіе къ ВАМЪ и готовность доказать это на дѣлѣ. Когда возвратитесь въ Россію, или будете продолжать ВАШЕ служеніе святому дѣлу? оно далеко еще не кончено, и дай Богъ, чтобы начало онаго не осталось тщетнымъ, не смотря на всѣ потери и на тяжкую, понесенную моимъ семействомъ! *).

Всегда преданная душою
Александра Кирѣева.

Флоренція. Via Montebello 26. 3 апрѣля 1877.

*) Извините, если не разберете скоро мое писаніе, ревматизмы правой руки мѣшали лучше писать.

Ваше Превосходительство Михаилъ Григорьевичъ,

Жители и граждане города Зарайска и уѣзда въ 1876 году выслали ВАМЪ чрезъ Славянскій Комитетъ въ гор. Бѣлградъ икону ВАШЕГО ангела хранителя въ серебряной ризѣ, которую жертвователи заказывали въ Москвѣ у мастера Николая Михайлова Посникова (22 октября).

Образъ въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ былъ вложенъ въ палисандровый ящикъ, внутри выложенный пунцовымъ бархатомъ, а на крышкѣ ящика серебряная доска, на которой надпись: „Михаилу Григорьевичу Черняеву, отъ жителей и гражданъ города Зарйска и уѣзда". Въ ящикѣ было положено письмо къ аВАМЪ за подписью уѣзднаго предводителя дворянства князя Оболенскаго, городскаго головы Николая Федоровича Курносова и уѣзднаго воинскаго начальника полковника Александра Аполлоновича Марина. Полагая, что въ то смутное время заботы и безпокойства помѣшали ВАШЕМУ вниманію замѣтить сочувствіе къ ВАШИМЪ геройскимъ подвигамъ города Зарайска. въ настоящее же время мы надѣемся, что ВАШЕ Превосходительство удостоите насъ отвѣтомъ.

Покорнѣйше прошу ВАСЪ, Михаилъ Григорьевичъ, увѣдомить, была-ли получена ВАМИ посылка съ иконой отъ города Зарайска. При семъ имѣю честь препроводить копію съ посланнаго ВАМЪ письма при образѣ отъ г. Зарайска и письмо покойнаго генерала-маіора Николая Андріановича Дивова ко мнѣ, изъ котораго ВЫ увидите сочувствіе къ ВАМЪ стараго русскаго ветерана 12-го года, личность котораго въ свое время играла роль.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
ВАШЕГО Превосходительства покорнѣйшій слуга

А. Маринъ.

Отъ приходскаго попечительства Зарайской Благовѣщенской церкви.

г. Зарайскъ, 12 Августа 1879 г.

Въ Москвѣ Ташкента покоритель!
На службѣ царской онъ опять!
Войскъ сербскихъ смѣлый предводитель,
Позволь Тебя скорѣй обнять.
Тебя любовь Царя, народа—
Своимъ любимцемъ назвала,
Забыта прошлая невзгода —
Герою честь, ему хвала!
Мечъ обнаживъ, семью оставилъ,
Не зналъ вернешься-ли иль нѣтъ —
Царя, народъ, себя прославилъ
Безсмертной славой на весь свѣтъ.
Пари-жъ на Югъ, орелъ нашъ славный,
Нашъ незабвенный Генералъ!
И наградитъ Тебя Державный
Нашъ Царь, какъ прежде награждалъ.
А мы, какъ прежде, подымаемъ
Заздравный кубокъ за Тебя:
Здоровья и побѣдъ желаемъ—
Черняевъ!—покажи Себя!

Гр. Ломоносовъ.

24 апр. 1877. Москва. „Лувръ".

Именитый Господинъ, Милостивый Государь!

Когда Сербія и Черногорія начали въ прошломъ году войну противъ главнаго врага своей свободы и вѣры, всѣ Славяне сочувствовали имъ и слѣдили за ихъ начинаніями съ самымъ живымъ одушевленіемъ и искренними пожеланіями. Хотя казалось, что силы означенныхъ двухъ княжествъ сами по себѣ не будутъ въ состояніи повалить могучаго врага и уничтожить его варварскую власть, всетаки мы, Чехи, привѣтствовали героическую ихъ рѣшимость всеобщимъ ликованіемъ и пожеланіемъ всего лучшаго. Мы видѣли въ

началѣ этой войны начало освобожденія южныхъ Славянъ отъ тяжелаго порабощенія и желали братскому племени восходящую свободу, тѣмъ болѣе, что весь духъ нашего народа стремится къ самой свободѣ.

Если же насъ могло что нибудь, кромѣ дѣла Сербіи и Черногоріи, особенно обрадовать, то это тотъ важный случай, что былъ приглашенъ и принялъ начальство во главѣ всѣхъ сербскихъ войскъ вождь изъ русскаго народа и что ВАМЪ, Милостивый Государь, было довѣрено главное предводительство.

Отчасти было это намъ доказательствомъ, что Сербія ищетъ главной помощи тамъ, гдѣ ее можно ожидать, у перваго славянскаго народа, и съ другой стороны, что на святой Руси все болѣе увеличивается славянское самосознаніе, которымъ проникнуты всѣ слои чешскаго народа.

И съ увеличивающимся все болѣе одушевленіемъ мы слѣдили за всѣми ВАШИМИ начинаніями, за всѣми сраженіями, которыми ВЫ предводительствовали. Умѣніе, съ которымъ Вы во время самой войны собирали отдѣльные полки и устраивали цѣлую армію; сила, съ которою ВЫ преодолѣвали столь многочисленныя препятствія, встрѣчаемыя на своемъ пути; устойчивость, съ которою ВЫ преборолі все, что въ самомъ началѣ угрожало подавить только что начатую войну; ВАША личная храбрость и опытъ, съ которымъ при многочисленныхъ препятствіяхъ ВЫ столь долго противостояли всѣмъ нападеніямъ съ молодою, въ бояхъ неопытною армадою, при огромномъ перевѣсѣ враждебныхъ силъ, и съ успѣхомъ защищали ввѣренную ВАМЪ землю: это все мы видѣли, это уважали, это наполняло насъ привязанностью, любовью и почтеніемъ къ ВАМЪ и пробуждало явную признательность вездѣ, гдѣ только дѣлалось извѣстно о ВАШИХЪ дѣлахъ.

И хотя и не было возможности сербскимъ отрядамъ устоять при наступленіи многочисленныхъ турецкихъ войскъ, хотя боевое счастье склонилось на одно мгновеніе на другую сторону, обстоятельство это не уменьшило ВАШИХЪ заслугъ и не сдѣлалось

препятствіемъ недалекаго, Богъ дастъ, освобожденія всѣхъ балканскихъ Славянъ. ВАША дѣятельность въ этой войнѣ останется на всегда записана со славою въ исторіи славянскихъ народовъ. Благословлять будутъ, прежде всего, ВАШУ рѣшимость, съ которою ВЫ безъ колебаній подвергли опасности и жизнь ВАШУ, и имя вождя, прославившагося побѣдоносными сраженіями въ далекой Азіи, и начали войну за родныхъ братьевъ, за дѣло славянской взаимности. Благословлять будутъ ВАСЪ за то, что началомъ этой войны и ВАШИМЪ примѣромъ ВЫ вызвали во всемъ русскомъ народѣ святой порывъ въ пользу притѣсненныхъ братьевъ и всего Славянства.

Уже за одно то, что ВАМИ вызванъ былъ Русскій народъ на всемірную арену, слѣдуетъ ВАМЪ благодарность и признательность всѣхъ славянскихъ народовъ.

По этой причинѣ. признательные за то, что ВЫ, Милостивый Государь, совершили въ войнѣ Сербіи съ Турціею, мы, Чехи, мы, Чехославяне. подносимъ ВАМЪ почетную саблю.

Да будетъ она ВАМЪ на всѣ времена радостнымъ воспоминаніемъ 1876 года и всѣхъ его событій.

Да будетъ она свидѣтельствомъ и доказательствомъ, что мы слѣдили за этою войною такъ, какъ если бы мы сами принимали въ ней участіе.

Да будетъ она ВАМЪ доказательствомъ того, что то, во имя чего ВЫ выступили и за что ВЫ рѣшились жертвовать жизнью, имѣетъ своимъ сторонникомъ весь чешскій народъ въ Чехіи, въ Моравіи, въ Силезіи и между Словаками, и что мы этою мыслью живемъ тѣмъ болѣе, чѣмъ затруднительнѣе намъ приходится сражаться за сохраненіе нашей чешско-славянской народности.

Дѣло начатое подъ ВАШИМЪ предводительствомъ на Дунаѣ и на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, не останется неоконченнымъ, это дѣло полагаетъ совершить святая Русь. Пусть оно удастся ей, пусть начинающаяся война окончится такъ, какъ мы всѣ этого желаемъ, и та почетная сабля, кото-

рую мы ВАМЪ, Милостивый Государь, подносимъ, да сопровождаетъ ВАСЪ до счастливаго совершенія этого великаго дѣла. Пусть на дунайскихъ и балканскихъ поляхъ сраженія увеличится русская слава на пользу и новую жизнь всего Славянства, и эта почетная сабля да поможетъ добыть Христіанскому Славянству драгоцѣннѣйшія блага человѣчества.

Обнажите мечъ и носите его со славою для славянскаго дѣла, на пользу христіанства и человѣчности и будьте увѣрены, что постоянно ВАСЪ будутъ сопровождать лучшія пожеланія чешско-славянскаго народа, въ памяти котораго всегда сохранится имя перваго борца за освобожденіе южнаго славянскаго племени.

Да благословитъ ВАСЪ Богъ и да благословитъ всю святую Русь въ ея святомъ и честномъ дѣлѣ!

Да сопровождаетъ Богъ русскія войска въ сраженіяхъ на пользу всего Славянства! Да дастъ имъ Богъ славныя побѣды, побѣды, которыми былъ бы воздвигнутъ новый храмъ свободы нѣкоторымъ славянскимъ племенамъ.

Отъ имени Чеховъ И. Скрейшовскій.

Прага, 1 мая.

Милостивый Государь, Многоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

Когда въ прошедшемъ году Сербія и Черногорія начали войну противъ вѣковаго врага своей свободы и вѣры, все славянство сопровождало ихъ въ геройскій бой живѣйшими симпатіями и воодушевленіемъ. Правда, мы, Чехи, сознавали, что силы однихъ этихъ княжествъ недостаточны на одолѣніе сильнаго врага и ниспроверженіе его варварскаго владычества, но тѣмъ не менѣе привѣтствовали ихъ геройскую рѣшимость всеобщимъ восторгомъ и горячимъ благожеланіемъ. Въ началіи этой войны мы усматривали начало освобожденія всѣхъ юго-славянъ

Дѣятельность ВАША въ этой борьбѣ останется навсегда славною въ исторіи славянскихъ народовъ. Будутъ благословлять ВАШУ рѣшимость, съ которою ВЫ, не раздумываясь, подвергали опасности и свою жизнь, и свое имя, прославленное воинскими подвигами въ отдаленной Азіи, и начали бой за родныхъ братьевъ, за идею славянской взаимности. Будутъ благословлять великій подвигъ ВАШЪ, что начатіемъ войны и своимъ примѣромъ ВЫ пробудили воодушевленіе во всемъ русскомъ народѣ въ пользу угнетенныхъ братьевъ и всего славянства. Этимъ подвигомъ, которымъ призванъ былъ народъ русскій на историческое поприще, ВЫ пріобрѣли права на благодарность всѣхъ славянскихъ племенъ.

По этой причинѣ и глубоко проникнутые всѣмъ, что ВЫ, многоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ, совершили въ борьбѣ Сербіи съ Турціей, мы, чехи, мы, чехославяне, подносимъ ВАМЪ почетный мечъ.

Да послужитъ онъ ВАМЪ на всѣ времена радостнымъ напоминаніемъ 1876 года и его событій. Д послужитъ онъ свидѣтельствомъ того, что мы слѣдил за оною борьбою такъ, какъ будто бы мы сами участвовали въ ней. Да послужитъ онъ ВАМЪ доказательствомъ, что эта идея, которую ВЫ отстаивали, за которую ВЫ рѣшились жертвовать своею жизнію, что въ числѣ своихъ исповѣдниковъ считаетъ весь чешскій народъ въ Чехіи, въ Моравіи, въ Силезіи и въ землѣ Словаковъ, и что мы живемъ ею тѣмъ болѣе, чѣмъ труднѣе намъ вести борьбу въ защиту нашей чешско-славянской народности!

Это дѣло, которое подъ ВАШИМЪ руководствомъ начато на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, не останется непоконченнымъ; это дѣло рѣшилась теперь окончить святая Русь. Дай Богъ, чтобы оно удалось, дай Богъ, чтобы дальнѣйшая и значительнѣйшая борьба окончилась такъ, какъ мы всѣ того горячо желаемъ, да сопровождаетъ ВАСЪ этотъ почетный мечъ, который мы подносимъ ВАМЪ, до конца этого историческаго дѣла. Да возрастетъ русская слава на дунайскихъ и балканскихъ поляхъ битвы, на пользу

и къ пробужденію новой жизни славянства, и этотъ почетный мечъ пусть поможетъ добыть христіанскому славянству самыя дорогія права человѣчества! Обнажайте его и руководите имъ всегда къ торжеству славянской идеи, въ пользу христіанства и человѣчества, и будьте увѣрены, что постоянно будутъ сопровождать ВАСЪ самыя горячія благожеланія чешско-славянскаго народа, въ памяти котораго имя перваго бойца за освобожденіе южныхъ славянскихъ племенъ останется навсегда.

Да благословитъ ВАСЪ Богъ и всю святую Русь въ этомъ благородномъ дѣлѣ. Да сопровождаетъ Господь русскихъ воиновъ въ битвахъ за все славянство! Да даруетъ имъ Господь блистательную побѣду, побѣду, которою бы воздвигнутъ былъ опять храмъ свободы для угнетенныхъ славянскихъ племенъ!

Отъ имени чешскаго народа.

[illegible]

Отвѣтъ Чехамъ.

[illegible]

Милостивый Государь Михаилъ Григорьевичъ!

Вдали отъ родины, ВАМЪ, доблестный Генералъ, конечно утѣшительно услышать задушевный голосъ соотечественниковъ.

Давно-ли видѣли мы ВАСЪ среди степей и горъ, въ самомъ сердцѣ Азіи, побѣдоносно поражающимъ азіатскія полчища, покоряющимъ скиптру Бѣлаго ЦАРЯ грады и ханства, водворяющимъ въ нихъ тишину и порядокъ. Теперь мы видимъ ВАСЪ среди Балканъ, съ горстью русскихъ добровольцевъ, сражающихся съ мусульманами за свободу Христовой вѣры православной. Вы мечемъ врѣзали Ваше милое намъ имя въ скрижали міра, какъ человѣкъ двухъ историческихъ идей: присоединенія Средней Азіи къ могуществу русскому и освобожденія Славянства отъ турецкаго варварскаго ига.

Въ сердце Россіи, въ первопрестольной столицѣ Москвѣ и во всѣхъ концахъ нашего громаднаго отечества возсылаются мольбы къ Богу о ВАСЪ, о ВАШИХЪ храбрыхъ сподвижникахъ, о страдальцахъ и мученикахъ, братьяхъ нашихъ по Христу и по крови.

Подвигъ ВАШЪ и ихъ великъ; самоотверженіе за вѣру православную и за кровь христіанскую стяжаетъ добрую память въ исторіи Христіанства и Славянскихъ народовъ: на ея страницахъ во вѣки вѣковъ будутъ отмѣчены ВАШИ и ихъ доблестныя дѣянія и храбрость на поляхъ неравныхъ битвъ.

Мы присоединяемъ наши молитвы къ общимъ!

Его Превосходительству М. Г. Черняеву!

ВЫ, Генералъ, съ храбрецами, христолюбивыми воинами Сербскими и Русскими, на плечахъ своихъ сдерживаете всю боевую силу мусульманскихъ полчищъ, подкрѣпляемую цивилизованною силою атеистовъ, измѣнниковъ Христу. ВЫ этимъ даете возможность нашимъ братьямъ: Сербамъ, Черногорцамъ, Герцеговинцамъ, Боснякамъ, Болгарамъ и прочимъ, угнетаемымъ пять столѣтій Славянамъ, дѣлать общее дѣло своего возрожденія, великое дѣло спасенія сал-

и къ пробужденію новой жизни славянства, и этотъ почетный мечъ пусть поможетъ добыть христіанскому славянству самыя дорогія права человѣчества! Обнажайте его и руководите имъ всегда къ торжеству славянской идеи, въ пользу христіанства и человѣчества, и будьте увѣрены, что постоянно будутъ сопровождать ВАСЪ самыя горячія благожеланія чешско-славянскаго народа, въ памяти котораго имя перваго бойца за освобожденіе южныхъ славянскихъ племенъ останется навсегда.

Да благословитъ ВАСЪ Богъ и всю святую Русь въ этомъ благородномъ дѣлѣ. Да сопровождаетъ Господь русскихъ воиновъ въ битвахъ за все славянство! Да даруетъ имъ Господь блистательную побѣду, побѣду, которою бы воздвигнутъ былъ опять храмъ свободы для угнетенныхъ славянскихъ племенъ!

Отъ имени чешскаго народа.

Прага, 1 мая 1887.

Отвѣтъ Чехамъ.

Благородный Чешскій народъ, движимый сердечнымъ участіемъ къ тому, что въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ совершалось въ судьбѣ его балканскихъ единоплеменниковъ, удостоилъ своего сочувственнаго вниманія и мою прошлогоднюю дѣятельность въ Сербіи. Оцѣнивъ ее не въ мѣру ея истиннаго достоинства, а въ мѣру любви своей къ братскому народу, которому Я имѣлъ счастіе послужить, чѣмъ могъ и какъ умѣлъ, онъ почтилъ меня драгоцѣннымъ даромъ, который Я принимаю съ душевною отрадою, какъ видимый знакъ окрѣпшаго въ Чехахъ сознанія славянской взаимности. Этотъ даръ я завѣщаю хранить, какъ сокровище, моимъ дѣтямъ, которыя, Богъ дастъ, увидятъ совершеніе того, чему въ настоящіе великіе дни полагается начало и къ чему устремлены всѣ помыслы и чаянія Славянскаго міра.

Москва, 18 іюня 1877 г.

Милостивый Государь Михаилъ Григорьевичъ!

Вдали отъ родины, ВАМЪ, доблестный Генералъ, конечно утѣшительно услышать задушевный голосъ соотечественниковъ.

Давно-ли видѣли мы ВАСЪ среди степей и горъ, въ самомъ сердцѣ Азіи, побѣдоносно поражающимъ азіатскія полчища, покоряющимъ скиптру Бѣлаго ЦАРЯ грады и ханства, водворяющимъ въ нихъ тишину и порядокъ. Теперь мы видимъ ВАСЪ среди Балканъ, съ горстью русскихъ добровольцевъ, сражающихся съ мусульманами за свободу Христовой вѣры православной. Вы мечемъ врѣзали Ваше милое намъ имя въ скрижали міра, какъ человѣкъ двухъ историческихъ идей: присоединенія Средней Азіи къ могуществу русскому и освобожденія Славянства отъ турецкаго варварскаго ига.

Въ сердце Россіи, въ первопрестольной столицѣ Москвѣ и во всѣхъ концахъ нашего громаднаго отечества возсылаются мольбы къ Богу о ВАСЪ, о ВАШИХЪ храбрыхъ сподвижникахъ, о страдальцахъ и мученикахъ, братьяхъ нашихъ по Христу и по крови.

Подвигъ ВАШЪ и ихъ великъ; самоотверженіе за вѣру православную и за кровь христіанскую стяжаетъ добрую память въ исторіи Христіанства и Славянскихъ народовъ: на ея страницахъ во вѣки вѣковъ будутъ отмѣчены ВАШИ и ихъ доблестныя дѣянія и храбрость на поляхъ неравныхъ битвъ.

Мы присоединяемъ наши молитвы къ общимъ!

Его Превосходительству М. Г. Черняеву!

ВЫ, Генералъ, съ храбрецами, христолюбивыми воинами Сербскими и Русскими, на плечахъ своихъ сдерживаете всю боевую силу мусульманскихъ полчищъ, подкрѣпляемую цивилизованною силою атеистовъ, измѣнниковъ Христу. ВЫ этимъ даете возможность нашимъ братьямъ: Сербамъ, Черногорцамъ, Герцеговинцамъ, Боснякамъ, Болгарамъ и прочимъ, угнетаемымъ пять столѣтій Славянамъ, дѣлать общее дѣло своего возрожденія, великое дѣло спасенія сал-

вянскихъ племенъ отъ поголовнаго избіенія и уничтоженія на юго-востокѣ просвѣщенной христіанской Европы.

Шлемъ ВАМЪ наше горячее, сердечное сочувствіе. Храни Богъ ВАСЪ и сподвижниковъ ВАШИХЪ въ кровавыхъ битвахъ.

Если этотъ нашъ голосъ придетъ во время побѣды,—радуемся съ ВАМИ, поздравляемъ ВАСЪ и присоединяемъ къ побѣднымъ славянскимъ кликамъ наше русское: „Ура“!

Если же эти строки застигнутъ ВАСЪ въ превратностяхъ военнаго счастія,—примите искреннія отъ души пожеланія: да не коснется славянскаго духа унынie и отчаяніе, да укрѣпляется въ немъ сила вѣры въ помощь Божію, сила убѣжденія въ мощь честнаго единства!

Примите увѣреніе въ нашемъ къ ВАМЪ глубокомъ уваженіи и братской любви.

Этотъ адресъ покрытъ былъ многими подписями лицъ разныхъ званій.

Засимъ слѣдовала подпись: „Проживающій въ Москвѣ смоленскій крестьянинъ Тарасъ Петровъ Клочковъ при семъ добавилъ: Въ народѣ между собою толкуютъ, что если нашъ батюшка ЦАРЬ ГОСУДАРЬ прикажетъ, то мы пойдемъ на Турку за Святую вѣру и за нашихъ братьевъ христіанъ“!

Слѣдуютъ подписи крестьянъ разныхъ губерній.

Вѣрно. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Борисовичъ Бланкъ.

На черновомъ написано: 13 іюля 1876 года.

Подлинный адресъ потерянъ во время войны.

Дядя Пахомъ.

ПОЭМА.

Его Превосходительству
Михаилу Григорьевичу Черняеву
имѣетъ честь посвятить Александръ Слуцкій.

I.

На Волгѣ нашей матушкѣ,
Верстахъ въ пяти не болѣе
Отъ Ярославля города,
Въ одномъ селѣ большомъ
Идетъ во храмѣ Божіемъ
Обѣдня въ Воскресеніе.
Народа полонъ храмъ:
И стараго, и малаго,
Рабочаго и празднаго
Народа православнаго.
Въ толпѣ у самой паперти
Стоитъ Пахомъ, знакомый мой,
Служивый отставной.
Царю онъ и отечеству
И вѣрою, и правдою
Лѣтъ двадцать прослужилъ.
Теперь живетъ на родинѣ,
И въ праздники Господніи,
Лишь только въ храмѣ Божіемъ
Обѣдня отойдетъ,
Сберетъ Пахомъ ребятушекъ,
Поставитъ всѣхъ ихъ въ рядъ
И учитъ по солдатскому
Маршировать: разъ! два!
И сколько смѣху-хохоту

Веселаго и звучнаго,
Счастливаго, довольнаго
Идетъ тутъ по селу!..
Теперь во храмѣ Божіемъ
Стоятъ вокругъ служиваго
Ребятушки и крестятся,
Да на Пахома косятся;
Стоитъ Пахомъ задумавшись,
Не сводитъ глазъ съ попа.
А въ ту пору, родимые,
Попъ рѣчь держалъ великую
Народу православному,—
Онъ говорилъ о томъ,
Какъ нехристи поганые
Глумятся и ругаются
Надъ вѣрой христіанскою
И надъ людьми крещеными;
Какъ рѣжутъ ихъ и жгутъ,—
Какъ Государь, насъ Батюшка,
Позволилъ намъ, голубчики,
Сбирать гроши посильные
По селамъ въ храмахъ Божіихъ,
По городамъ на улицахъ
И въ русскихъ деревняхъ,—
Чтобъ участь горемычную
Ограбленныхъ, страдающихъ,
Безъ крова умирающихъ
По силамъ облегчать,—
Какъ на врага проклятаго
На помощь князю Сербскому
Не вытерпѣлъ—отправился
Безстрашный и рѣшительный
Нашъ русскій генералъ.—
Звать—Михаилъ Григорьевичъ,
Черняевъ, по прозванію,
Какъ кровь вскипѣла русская,
И къ генералу храброму,
По доброй волѣ собст[illegible]
Съ согласья Государ[illegible]
Спѣшатъ теперь б[illegible]

Солдатики удалые
И офицеры храбрые
Со всѣхъ концовъ-сторонушекъ
Россіи, нашей матушки,
Что день они идутъ...
Попъ говорилъ молящимся:
„Несите, православные,
Несите, ради Господа,
Кто что и сколько можете
На помощь умирающимъ
За вѣру христіанскую,
Молитеся за нихъ“!
Перекрестяся медленно
Рукой своей дрожащею,
Онъ кончилъ слово такъ:
„Молитеся за храбраго
За генерала русскаго,
За добровольцевъ-воиновъ,
И мертвыхъ, и живыхъ„!
Все поняли ребятушки
И съ прочими молилися
За христіанъ страдающихъ,
Молилися за храбраго
За генерала русскаго,
За добровольцевъ-воиновъ
И мертвыхъ, и живыхъ.
„Глядите-ко родимые—
Толкнулъ своихъ товарищей
Митюха, что съ пруда—
Смотрикось на служиваго:
Заплакалъ нашъ Пахомъ“!
Глядятъ,---глазамъ не вѣрится:
Стоитъ и утирается
Служивый рукавомъ!..
Давно ужъ въ храмѣ Божіемъ
Рыдали православные
(Лишь началъ попъ читать),
Да не въ первой ребятушкамъ
Смотрѣть, какъ бабы хныкаютъ,
Какъ плачутъ мужики.—

Въ первой слезу солдатскую
Увидѣли они!
Дивились ей, сердечные:
Пахомъ не разъ говаривалъ:
«Слеза солдата стараго
Не скоро прошибетъ"!
Прошибла, окаянная!..

II.

Когда обѣдня кончилась,
Крестьяне наши добрые,
И старые, и малые,
Богатые и бѣдные
На сходку собрались.
Несли гроши послѣдніе,
Въ поту лица добытые,
Несли они, сердечные,
Кто что и сколько могъ.
И, низко въ поясъ кланяясь,
Какъ будто свѣчи ставили
Передъ святой иконою,
Крестились и молилися,
Чтобъ лепта ихъ посильная
Страдальцамъ помогла.
На сходку добровольную
Идетъ Пахомъ съ ребятами.
Привыкли къ шуткамъ стараго
Служиваго въ селѣ,—
„Да только полно, шутку-ли
Шутить идетъ Пахомушка.
Глядикось, дѣдъ Иванъ:
Шинель на немъ солдатская
И шапка эта самая,
Служивая, военная,
Котомка за спиной...
Куда ты, служба, тащишься"?
Пахомъ отвѣтилъ такъ:
„Богъ въ помочь, православные!
Вы доброе задумали,—
Да не солдату старому
Здѣсь съ вами

Не мѣсто здѣсь ему!
Терпѣлъ Пахомъ—не вытерпѣлъ.
Слеза прошибла стараго,
Да толку нѣтъ въ слезѣ!
На Турку окаяннаго,
Проклятаго, поганаго
Идетъ теперь Пахомъ!
Эхъ, бабы, бабы глупыя,
Чего вы, дуры, хнычете?
Что нюни распускаете?
Пахома-ли жалѣете?—
Солдата-ли жалѣть!
Да что тутъ растобарывать,
Не намъ понять служиваго!
(Пахомъ махнулъ рукой).
Гуляй душа солдатская
На смерть врагу проклятому!
Простите, православные,
Не поминайте зломъ"!
И тутъ съ нимъ всѣ прощался,
И каждаго, и всякаго
Онъ трижды цѣловалъ.
Подходятъ и ребятушки,
И стало жалко старому
Сердечныхъ оставлять,
И таково-то ласково
Имъ говоритъ Пахомушка:
„Ну, воинство ты храброе,
Молись-ко за служиваго,
Чтобъ онъ врага побилъ!
Найдутся люди добрые,
И безъ Пахома стараго
Научатъ васъ всему!
Для васъ теперь, родимые,
Не то, что въ наше времячко,
Какъ были мы господскими
Ребятами дворовыми,—
Для васъ теперь свободушка,
Желанная голубушка,
А подростете—честная,

Святая служба царская
Отцу-Царю Великому,
Царю-Освободителю,—
Служите вѣрой, правдою
И честію Ему!
А старому служивому
Пахому на прощаніе
Солдатское, военное
Кричи: ура Царю"!
Ребята позамялися,
Сробѣли на первое-то,
Да подхватилъ народъ,—
И звучное, веселое,
Удалое, россійское,
Лихое, молодецкое
Раздалось, разбѣжалося
За выгонъ раскатилося:
Ура! ура Царю!
Такъ проводили русскіе
Билетнаго служиваго
„На Турку окаяннаго,
Проклятаго, поганаго"
Близь Ярославля города,
Въ одномъ селѣ большомъ.

Алек. Слуцкій.

Ваше Превосходительство, Господинъ Генералъ Михаилъ!

О если бы тезоименитый ТЕБѢ Архистратигъ Небесныхъ Силъ
Въ сей благознаменитый день заграничной жизни ТВОЕЙ
Испросилъ у Господа Бога—не [illegible]ить ТЕБЯ съ [illegible]й!
Насъ же всѣхъ Рос

Какъ гласитъ Монарха нашего слово святое *)
То есть или доблестный и желанно-радостный для всѣхъ миръ,
Или да сокрушенъ будетъ въ конецъ мусульманскій кумиръ.

Вашего Превосходительства,

Смиренныій Богомолецъ Орловской епархіи, Трубчевскаго уѣзда, села Лодуши, священникъ Василій Семеновъ Звѣревъ.

Русскіе добровольцы, раненые и больные, находящіеся на излеченіи въ больницѣ Общества русскихъ врачей въ Москвѣ, имѣютъ честь почтительнѣйше принести ЕГО Высокопревосходительству Михаилу Григорьевичу сердечное поздравленіе съ днемъ Ангела.

Маіоръ Георгій Кузьминскій. Капитанъ Леаръ. Капитанъ Измайловъ. Поручикъ Маловъ. Подпоручикъ Нейманъ и др.

Бѣлградъ. 8-го ноября 1876 г.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Михаилъ Григорьевичъ!

Простите великодушно мнѣ смѣлость, съ которой обращаюсь я къ ВАМЪ съ настоящимъ письмомъ.

Душа полна восторгомъ къ нашимъ героямъ, которые прославляютъ русское имя, проливая кровь свою далеко за предѣлами нашей обширной матушки Россіи. Болитъ сердце, когда слышишь о неудачахъ нашего оружія, о тяжелыхъ потеряхъ, тяжкихъ тру-

*) Желаю весьма, чтобы мы могли придти къ общему соглашенію. Если же оно не состоится и Я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что мы въ правѣ требовать отъ Порты, то Я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ вся Россія отзовется на МОЙ призывъ, когда Я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ". (Прибавленіе къ № 242 „Правит. Вѣстн.").

дахъ и страданіяхъ, переносимыхъ нашими доблестными воинами, но за то же и радуешься безмѣрно, когда Господь даруетъ намъ побѣды надъ врагомъ—злымъ, кровожаднымъ и дикимъ. Въ эти минуты невольно вспоминаешь незабвенное для насъ имя ВАШЕ, въ прошломъ году прогремѣвшее по всей Россіи и даже въ цѣломъ мірѣ. Святое дѣло, за которое ВЫ взялись, окружило ВАСЪ въ глазахъ нашихъ ореоломъ славы. ВЫ первый изъ русскихъ (русскихъ душой и тѣломъ, на словахъ и на дѣлѣ) откликнулись на стоны Славянъ и увлекли за собой сотни, тысячи благородныхъ сердецъ. Всякій изъ насъ видѣлъ въ ВАСЪ лучшую частицу самого себя, и мы, русскіе, съ замираніемъ сердца читали о трудностяхъ ВАШЕГО славнаго предпріятія, при малочисленности силъ ВАМЪ ввѣренныхъ по свирѣпости врага. Теперь все это прошло. Поднялась сила Русская по слову своего вѣнценоснаго ВОЖДЯ. Были тоже неудачи, но онѣ только показали намъ силу врага и уясняли намъ, какъ великъ былъ подвигъ ВАШЪ въ прошломъ году. Теперь Господь радуетъ насъ побѣдами и почти каждый день приходятъ вѣсти о новыхъ успѣхахъ нашихъ.

Позвольте же намъ предъ ВАМИ, которому такъ близко все русское и вообще славянское, высказать радость успѣхамъ нашимъ въ этой, тяжелой правда, но священной войнѣ и предъ ВАМИ же позвольте не скрыть грусти русскаго сердца о томъ, что обстоятельства не дали ВАМЪ случая пойти на врага нынѣ, предводя не сербами, а доблестными нашими воинами, съ которыми ВЫ творили чудеса въ Ташкентѣ, и побить Турокъ такъ же, какъ побиваютъ ихъ наши храбрѣйшіе генералы Гурко, Скобелевъ, Лорисъ-Меликовъ, Гейманъ и другіе.

Затѣмъ прошу еще разъ извиненія у ВАШЕГО Превосходительства за строки эти, внушенныя мнѣ безграничнымъ уваженіемъ къ ВАШЕЙ личности, уваженіемъ, которое и въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ побудило меня написать письмо въ редакцію журнала „Дѣло“ (при семъ въ копіи имѣю смѣлость прило-

жить), которое и придало мнѣ смѣлость адресовать ихъ ВАМЪ (эти строки), въ полной увѣренности, что высказываемыя мной чувства раздѣляютъ со мной массы простыхъ русскихъ людей, которыхъ громкое имя ВАШЕГО Превосходительства пробудило къ славянскому самосознанію.

Примите, ВАШЕ Превосходительство, увѣреніе въ совершеннѣйшемъ почтеніи, съ каковымъ имѣю честь быть

ВАШЕГО Превосходительства
покорнѣйшимъ слугой

Александръ Ершовъ.

Переславль-Залѣсскій. 25 ноября 1877 г.

Господину Редактору журнала „Дѣло"
въ С.-Петербургѣ.

Милостивый Государь!

До прошлаго января мѣсяца я всегда съ удовольствіемъ читалъ издаваемый вами журналъ, но въ январѣ меня крайне огорчило чтеніе статьи въ декабрьской книжкѣ „Дѣла", наполненной литературной бранью на нашего славнаго русскаго героя, Михаила Григорьевича Черняева. Я не могъ понять, какимъ образомъ и почему допущена подобная статья въ дѣльномъ русскомъ журналѣ, но къ удивленію моему, въ мартовской книжкѣ „Дѣла" встрѣчаю продолженіе этой же брани и глумленія и потому я не могу умереть, чтобы не позволить себѣ высказать вамъ мое душевное сожалѣніе о допущеніи въ уважаемый журналъ вашъ статей подобнаго содержанія такъ оскорбляющихъ наши русскія патріотическія чувства. Впрочемъ, утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то, что изъ чтенія этихъ статей хорошо обрисовывается свѣтлая личность нашего Черняева, ибо авторъ статей, г. Мизантроповъ (надѣюсь, что это псевдонимъ, скрывающій не рус-

скую фамилію) такъ логично своими же доказательствами, приводимыми имъ въ его статьяхъ, опровергаетъ свои обвиненія противъ генерала Черняева, что возражать противъ статей нечего. Но повторяю, прискорбно все таки видѣть въ русскомъ журналѣ попытку умалить заслуги нашего народнаго героя и всѣхъ достойныхъ его сподвижниковъ, живыхъ и павшихъ на полѣ брани, прискорбно въ особенности теперь, когда дѣло, имъ начатое въ прошломъ году, приняла на свои могучія плечи вся Россія.

Примите, милостивый государь, и проч.

Вашъ покорный слуга

Александръ Ершовъ. Переславльскій мѣщанинъ.

Переславль-Залѣсскій. 11 мая 1877 г.

Ваше Превосходительство!

Съ величайшимъ моимъ удовольствіемъ я имѣлъ честь прочесть письмо ВАШЕ 29 декабря въ № 322 „Московскихъ Вѣдомостей“, отъ 6 декабря изъ Пятигорска, и такъ какъ оное прочитано въ публичной мѣстности „Гостинницѣ“, то и произвело оное восторгъ въ публикѣ, такъ какъ письмо ВАШЕ на будущее время прекращаетъ всѣ неосновательныя интриги нашихъ корреспондентовъ, за что очень многіе граждане нашего города изъявляютъ ВАМЪ свою признательность. Имя ВАШЕ тѣмъ болѣе извѣстно въ нашемъ городѣ, что городъ Арзамасъ имѣлъ счастіе 8 сентября 1876 года отправить ВАМЪ въ Сербію до тридцати добровольцевъ, изъ которыхъ очень многіе возвратились съ битвы при Дьюнишѣ. И такъ. я за счастіе считаю поздравить съ Новымъ Годомъ и пожелать ВАМЪ всѣхъ благъ въ мірѣ, и я льщу се-

бя надеждою, ВАШЕ Превосходительство, что ВЫ удостоите меня ВАШИМЪ милостивымъ отвѣтомъ. Главная моя заботливость писать ВАМЪ состоитъ въ томъ, будьте на столько благосклонны, напишите мнѣ на оборотѣ прилагаемой телеграммы точный переводъ ея на русскій языкъ. потому что я читать ея не могу, а постороннія лица, очень правильно, мнѣ не могли сказать перевода; если же будетъ ВАМЪ затруднительно осчастливить меня своимъ отвѣтомъ, то во всякомъ случаѣ потрудитесь мнѣ прислать обратно, какъ подлинную, такъ равно и копію съ телеграммы, которыя я буду хранить въ память Сербско-Турецкой войны.

Съ преданностью и полнымъ моимъ уваженіемъ къ ВАМЪ пребыть честь имѣю Арзамасскій мѣщанинъ. Алексѣй Ивановъ Мунинъ.

Адресъ мой: Въ Арзамасъ, Алексѣю Ивановичу Мунину.

Копія съ моей депеши.

Сербія.

Бѣлградъ. Господину военному министру.

Сейчасъ жители города, тронутые чувствомъ къ страждущимъ Славянамъ, отправили ВАМЪ на поле брани 20 человѣкъ. Имѣется-ли надобность? Еще есть желающіе ѣхать.

Отвѣтъ уплаченъ.

Мунинъ.

Арзамасъ. 8 сентября 1876 года. 1 ч. 40 м. дня, № 49.

Многоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

Высоко цѣня заслуги ВАШИ на поприщѣ Сербской войны за освобожденіе южныхъ славянъ, я не могу удержать себя отъ восторженнаго поклоненія ВАШЕМУ подвигу. Пусть вся земля русская будетъ такъ справедлива къ ВАМЪ, какъ отъ души вылившійся стихъ мой, при семъ письмѣ прилагаемый. Если ВЫ найдете стихи удобными для напечатанія въ какомъ либо изданіи, то покорнѣйше прошу ВАСЪ меня о томъ удѣдомить.

Съ истиннымъ высокопочтеніемъ имѣю честь быть.

Дм. Ив. Лобановъ.

Спб., Усачевъ пер., д. № 11, кв. № 2.

Тяжелая война за освобожденіе славянства уже близка къ тому, чтобы кончиться счастливо для дѣла; Сербія. начавшая въ прошломъ году это дѣло совмѣстно съ Черногоріей и принявшая на свои плечи почти всю силу магометанскаго фанатизма, снова ринулась на поле чести, а того человѣка, который такъ долго боролся съ горстью пастуховъ противъ фанатизированной, въ десять разъ и по численности и по вооруженію сильнѣйшей массы, того человѣка, „душу котораго прошли оружіемъ“ злоба и зависть враговъ его, того человѣка, говоримъ, не видно. Гдѣ онъ? Безмолвно-ли смиряется наболѣвшей душой при видѣ громкихъ и не громкихъ успѣховъ, или, согрѣтый ласками матери, онъ изъ тихаго уединенія рукоплещетъ русскому народу, великому и въ страданіяхъ, и въ побѣдахъ? Или, проникнувъ въ смыслъ библейской фразы: „Саулъ побѣдилъ тысячи, а Давидъ тьмы“, онъ понялъ всю мелочность дѣяній чел[illegible] на землѣ и душевно почилъ на всегда? Кто даетъ движенія оскорбленной и униженной

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Михаилъ Григорьевичъ!

ВАШЕ имя дорого для всякаго русскаго. Подвиги въ Туркестанѣ и Сербіи прославили ВАСЪ по всему міру; но невольное бездѣйствіе ВАШЕ въ послѣднюю войну заставило не разъ Русскихъ еще болѣе уважать ВАСЪ. Прошу ВАШЕ Превосходительство принять отъ искренно уважающихъ лицъ маленькій подарокъ, сдѣланный собственными руками, шесть русскихъ полотенецъ, которыя посылаемъ въ редакцію „Русскаго Міра“ на ВАШЕ имя. Прошу увѣдомить искренно уважающихъ и восхищенныхъ ВАШИМИ подвигами.

Людмила Траскина.

9 апрѣля 1878 г. Сельцо Кошибѣево, на станцію Коргошино, Тамбовской губ.

Братское Привѣтствіе первому русскому добровольцу Михаилу Григорьевичу Черняеву.

Здоровъ-ли родимый,
Народный герой,
Такъ нами любимый?
Что сталось съ Тобой?
Зачѣмъ Русь оставилъ,
Родныхъ и жену,
Для славы-ль? Прославилъ
Себя и страну,
Геройствомъ, доблестью,
Заслугой, борьбой.
Скажи, съ какой местью
Вступилъ съ врагомъ въ бой?
Коль честь ты родную
нулъ защитить,
въ святую

Русь. Богъ въ томъ проститъ.
Братъ храбрый! Въ порядкѣ
Всю тайну повѣрь.
Въ какой лихорадкѣ
Врагъ былъ и теперь
Въ его смертной ранѣ
Разлившійся ядъ
Чѣмъ, какъ англичане
Лѣчатъ на Твой взглядъ?
Въ какой грязной роли
Съ совѣтомъ, казной
Въ поддержку неволи
Стоятъ предъ „больной“?
Провѣрь, какъ лѣкарство
Сготовилъ мечъ Россъ.
Чтобъ жило славянство,
Палъ вздорный вопросъ.
Мечемъ Россъ изрубитъ
Планъ Дарби—гроши:
Въ больной желчъ отрубитъ.
Бросивъ въ Андраши.
Кровавая лава
Въ Европѣ тогда
Исчезнетъ, въ чемъ слава
Дизраели... Да

. . . . . .

Какъ жаль, братъ родимый!
Оставилъ Ты насъ,
Жену, край любимый
Въ урочный тотъ часъ,
Когда Русь чертила
Побѣдъ славныхъ планъ.
Дѣтямъ говорила:
„Сбирайтесь въ тотъ станъ.
Гдѣ честь Русской славы,
Духъ храбрый, доблесть,
Къ враждебной державѣ
Народная месть;
Подъ гнетомъ ислама
Братъ вашъ сколько лѣтъ

Несетъ бремя срама,
Свободы все нѣтъ.
Настало то время
Вамъ, дѣти мои,
Стряхнуть цѣпи, бремя
Въ славянской семьи".
Такъ намъ говорила
Родная Русь мать,
Мечъ остро точила
Тебѣ передать.
Но Ты уже скрылся
Отъ насъ. И орломъ
Съ мечемъ Сербскимъ вился
Надъ дерзкимъ врагомъ.
Такой подвигъ славы
Въ насъ кровь волновалъ,
Къ прибрежьямъ Муравы
Людъ храбрый созвалъ.
Русь стала угрюма...
Безсмертныхъ царей
Завѣтная Дума
Манила дѣтей.
На подвигъ столь славный,
За честь родныхъ въ бой
Другъ мира Державный
Взялъ мечъ роковой,
Поднялъ предъ народомъ.
Русь, храбрыхъ сыновъ
Поздравилъ съ походомъ
На смерть, на враговъ.
Ему поклонилися
Братъ князь Николай!
Взявъ мечъ тотъ пустился
За быстрый Дунай.
Оттоль другъ народа
Шлетъ вѣсточку намъ:
„Слава, честь, свобода
Роднымъ племенамъ,
Русскіе гуляютъ
По землѣ Болгаръ,

Врага попираютъ,
Наносятъ ударъ".
Вѣсточку къ намъ эту
Мы передаемъ
Тебѣ по секрету...
Ты герой Балканскій!
Вновь прославишь насъ,
Съ нами мечъ славянскій
Тамъ, гдѣ крѣпость Карсъ,
Преданный славянству!
Будь защитникъ правъ,
Грозный бичъ тиранству
Въ глазахъ всѣхъ державъ.
Свободы сигналомъ
Завѣтной мечты
Будь первымъ капраломъ
Въ сердцѣ братскомъ Ты.
Иди грудью смѣло,
Нашъ братъ дорогой,
За правое дѣло.
Помни Богъ съ Тобой!!!
Онъ Тебѣ поможетъ
И благословитъ,
Врага уничтожитъ.
Монархъ наградитъ.
Дай понять свободу
И родную честь
Европѣ—народу...
Месть, варварамъ месть!!!

Соч. Николай Лаушкинъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

Мы, Славяне Сербы, посылаемъ ВАМЪ, наидостойнѣйшему славянину руссу, нашъ сердечный поклонъ. Мы ждали ВАСЪ на берегу Савы, а нѣкоторые изъ насъ отправились даже въ Панчево, чтобы лично ВАМЪ выразить свою радость, по случаю

ВАШЕГО прихода къ намъ. Но нашему славному Нишу было суждено впервые порадоваться, а мы будемъ дожидаться очереди, когда ВЫ прибудете къ намъ въ Бѣлградъ.

„Тѣ, которые со слезами сѣяли, съ радостью будутъ жать". ВЫ съ нами со слезами сѣяли—теперь порадуемся вмѣстѣ нашей жатвѣ.

И хотя жатва наша не была обильной, хотя плевелы уменьшили ея плодоносность, мы все-таки не перестанемъ лелѣять надежду, что наша земля, обработанная съ такимъ напряженіемъ, принесетъ богатый плодъ. Тогда мы опять будемъ радоваться, опять будемъ ликовать. И если тогда ВАСЪ и не будетъ между нами, всегда съ любовію и гордостью будемъ вспоминать имя вѣрнаго славянскаго сѣятеля,—вспоминать имя ВАШЕ, доблестный Михаилъ Григорьевичъ и мысленно посылать ВАМЪ нашу признательность и наши искреннія пожеланія.

Михаилъ Григорьевичъ, мы, бѣлградцы, ждемъ ВАСЪ между нами, и надѣемся, что наше ожиданіе не окажется напраснымъ.

Обрадуйте теперь Его Высочество, нашего возлюбленнаго Князя; обрадуйте Ея Высочество, нашу возлюбленную Княгиню; и радуйтесь теперь на ихъ чадо, свѣтлаго престола наслѣдника; обрадуйте представителей нашего народа и счастливыхъ нишанъ, а потомъ приходите къ намъ, чтобы и мы были обрадованы.

М. Міятовичъ, редакторъ „Истока" (Востока). Воинъ Радуловичъ. Лазарь Трифковичъ. С. Х. Тома и 62 подписи.

Января 1879 г. Бѣлградъ.

Тропарь Святому Страстотерпцу и Чудотворцу Іоанну Воину.

Всеблагаго Бога и Царя благовѣрный рабъ и воинъ явился еси, Іоанне чудодѣтелю. Страдавъ бо ради вѣры мужески, блаженно же скончавъ теченіе, зриша Всетворца Господа въ небесѣхъ свѣтлѣйше. Отъ Него же пріемъ дарованіе чудесъ, страждущимъ человѣкомъ во всякихъ напастехъ помогаеши: укрѣпляеши воины въ ратехъ, отъ враговъ плѣнія, ранъ же и внезапныхъ смертей, и отъ бѣдъ лютыхъ изимаеши. Тѣмъ же моли Владыку Христа, приснопамятне, да во всякомъ обстояніи сотворитъ намъ милость, и не введетъ насъ во искушенія, но спасетъ души наша, яко человѣколюбецъ.

Кондакъ Ему же.

Великая скорбнымъ людемъ радость въ бѣдахъ обрѣтаешися, чудотворче Іоанне: всякія бо страсти молящимъ Тя врачуеши, исполняя ихъ прошенія. Тѣмъ же и нынѣ моли Господа, да спасетъ ны въ милости своей.

Отъ князя Юрія Долгорукаго присланы при фамильномъ крестѣ.

Делиградъ, 3 Октября 1876 г.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Михаилъ Григорьевичъ!

Вдохновленный великими подвигами незначительныхъ, сравнительно, славянскихъ силъ, съ разныхъ концовъ, въ 1876 году, собранныхъ ВАШИМЪ геніемъ и водимыхъ ВАМИ отъ побѣды къ побѣдѣ, отъ славы къ славѣ, во имя избавленія нашихъ братьевъ Славянъ отъ позорно-тяжкаго турецкаго ига,—я выразилъ чувство желанія—единенія и осво-

божденія ихъ въ подносимомъ ВАМЪ „Славянскомъ Гимнѣ“; въ немъ ярко проблескиваетъ ВАШЕ имя, какъ начальнаго водителя—Архистратига братскихъ славянскихъ силъ. Поэтому за высокое счастье почитаю, что ВЫ удостоили меня чести поднести ВАМЪ лично экземпляръ моего „Гимна“. Несомнѣнно, что такое снисходительное ВАШЕ вниманіе лично ко мнѣ и къ моему скромному произведенію будетъ служить незабвеннымъ памятникомъ для меня и моего семейства. Ура! Черняевъ!

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть
ВАШЕГО Превосходительства
Милостиваго Государя
покорнѣйшій слуга А. Шевляковъ.

Москва. 22 августа 1878 г.

Милостивый Государь Михаилъ Григорьевичъ!

Узнавъ о назначеніи ВАСЪ на постъ Начальника той далекой Области, которую пріобрѣли ВЫ для Россіи ВАШИМИ побѣдами, и желая напутствовать ВАСЪ на новое служеніе Престолу и Отечеству,—приношу ВАМЪ образъ св. Архангела Михаила, который убѣдительнѣйше прошу принять, какъ знакъ моего душевнаго уваженія. Да сопровождаетъ ВАСЪ сей образъ св. Архангела во всѣхъ путяхъ ВАШИХЪ и споспѣшествуетъ дѣяніямъ ВАШИМЪ на пользу и славу Россіи.

Принятіемъ иконы и отвѣтомъ ВЫ осчастливите меня.

Съ неизмѣнною преданностію и глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть
ВАШЕГО Превосходительства
Покорнѣйшій слуга князь
Василій Ивановъ Баюшевъ.

Іюнь 1882 г. Г. Симбирскъ. Его Превосходительству
Михаилу Григорьевичу Черняеву.
Г. Туркестанскому Генералъ-Губернатору.

Нашему доблестному защитнику славянъ Михаилу Григорьевичу Черняеву!

Привѣтъ Тебѣ, герой свободы,
Поборникъ славы и добра!
Въ Тебѣ славянскіе народы
Узрѣли первый лучъ утра.
Ты первый сдѣлалъ шагъ отважный
Къ свободѣ страждущихъ славянъ,
И врагъ не разъ средь битвы страшной
Бѣжалъ предъ горстью россіянъ.
Тебя, боецъ за угнетенныхъ,
Любимый вождь народныхъ силъ,
Славянскій міръ освобожденный
Любовью пламенной почтилъ.
Монарха волю исполняя
Спѣшилъ Ты въ дальнія страны;
Мы жъ, въ путь въ Тебя благословляя,
Разлукой всѣ огорчены.
Но пусть тотъ край нашъ отдаленный
Найдетъ въ Тебѣ любовь отца,
Твоею славой озаренный,
Вновь привлечетъ къ Тебѣ сердца.
А мы надежду не покинемъ,
Что вновь въ рядахъ Тебя узримъ,
Когда на брань мы силы двинемъ
И мечъ за братьевъ обнажимъ.

А. Шанинъ.

Москва. 3 сентября 1882.

УРА! УРА! УРА!

Живъ! Воскресъ нашъ милый, славный воинъ, Герой Полководецъ Генералъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ. Ура! Ура! Ура!

Слава Господу Богу.

Слава Царю-Батюшкѣ.

Слава всему Царству Русскому, въ лицѣ Генерала, Михаила Григорьевича Черняева, вѣрнаго Слуги Богу, Царю и Отечеству.

Добродѣтель, добродѣтель, одна ты почтенна. Аминь.

Искренно благодарю Васъ, Михаилъ Григорьевичъ, за драгоцѣнный фотографическій портретъ Вашъ, высланный мнѣ 18 іюля и полученный мною 23 сего же іюля, въ Ессентукахъ.

Здѣсь вся публика любовалась имъ и мнѣ выражали русское спасибо.

Я, сыны мои, Александръ студентъ и Василій, въ восторгѣ, а равно и дочки мои Неонила и Марія. Всѣ мы радуемся и веселимся Вами, досточтимый нашъ Витязь, Михаилъ Григорьевичъ.

Если бы было возможно уплатить мой долгъ въ 2400 р. Харьковскому земельному банку, то я съ сыномъ Василіемъ, 17 лѣтъ, явился бы подъ славное боевое знамя Твое, Ваше Высокопревосходительство, въ Ташкентъ, и всею моею жизнію доказалъ бы свою вѣрность, любовь и службу. Но да будетъ воля Божія и Ваша, а не моя, казацкая.

Живи, Михаилъ Григорьевичъ, съ семействомъ Твоимъ на общую пользу, во Славу Божію.

Помяните меня въ своемъ Ташкентѣ, когда будете тамъ.

Остаюсь казакъ области войска Донскаго Ефимъ Ев. Мевиховъ.

Вотъ Адресъ мой.

Въ Новочеркасскъ. Ефиму Евстафьевичу Мевихову.

Простите меня, Ваше Высокопревосходительство, Михаилъ Григорьевичъ, я любилъ Васъ и люблю, я вѣрилъ Вамъ и вѣрю, я надѣялся на Васъ и надѣюсь.—Невидимая рука Бога видна въ лицѣ и рукѣ Вашихъ.

Да будетъ благословенно имя Господне отъ нынѣ и до вѣка.

Е. Мевиховъ.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Михаилъ Григорьевичъ!

Быть можетъ страннымъ покажется Вамъ содержаніе настоящаго письма отъ человѣка, никогда не имѣвшаго чести быть извѣстнымъ Вамъ, но если ВЫ терпѣливо прочтете его до конца, то поймете побужденія писавшаго его и не откажете въ исполненіи просьбы, выраженной въ немъ.

Слава дѣлъ Вашихъ, наполнившая Вашимъ дорогимъ для каждаго русскаго сердца именемъ не только нашу родину, но и всѣ земли славянскія, свойства Вашего личнаго характера, разнесенныя общею молвой по всему лицу земли русской, возбуждаютъ въ соотечественникахъ Вашихъ чувства безпредѣльной любви и уваженія къ Вамъ.—На Вашу долю выпало счастіе быть выразителемъ духа народнаго, и въ настоящее время нѣтъ деревни въ Россіи, гдѣ не знали бы о Михаилѣ Григорьевичѣ Черняевѣ и не молились бы за него. Пройдутъ не многіе годы и народное сознаніе окружитъ Ваше имя ореоломъ новой славы и поставитъ Васъ еще выше, чѣмъ ВЫ стоите теперь, въ ряду своихъ любимѣйшихъ вождей и героевъ.

Задушевное участіе, которое принимаетъ русскій народъ въ Вашей участи, страстное желаніе знать обо всемъ, что касается Васъ, и скорбь обо всѣмъ извѣстномъ эгоистическомъ стѣсненіи славной дѣятельности Вашей могутъ служить Вамъ выраженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя питаетъ къ Вамъ Россія.

Будучи одушевленъ тѣми же чувствами любви, преданности и уваженія къ Вамъ и горячо желая, чтобы имя Ваше служило благороднымъ символомъ для грядущей жизни новорожденнаго сына моего и было бы ему путеводною звѣздой на стезѣ доблести и чести, я рѣшаюсь просить Васъ, Михаилъ Григорьевичъ, не отказать мнѣ въ Вашемъ согласіи быть заочнымъ воспріемникомъ сына моего Михаила. Бѣд-

ный крестъ, нѣсколько строкъ, которыми бы выразилось Ваше согласіе на внесеніе Вашего имени въ метрическую книгу, извѣщеніе о днѣ празднованія святаго, имя котораго Вы носите, и Вашъ фотографическій портретъ—вотъ и все единственно все, чѣмъ Вы можете глубоко обязать пишущаго къ Вамъ.

Прошу Васъ не отказать мнѣ въ отвѣтѣ по слѣдующему адресу: Горному инженеру Петру Петровичу Деви.

Управителю серебрянскаго казеннаго желѣзнаго завода, Пермской губерніи, черезъ городъ Екатеринбургъ, въ Кушвинскій заводъ.

Прошу Васъ принять увѣренія въ чувствахъ, которыя я такъ искренно выразилъ Вамъ въ настоящемъ письмѣ и которыя таятся въ милліонахъ Вашихъ соотечественниковъ, быть можетъ также безвѣстно для Васъ, какъ и чувства нижеподписавшагося.

П. Деви.

Серебрянскій заводъ, Пермской губ. 29 января 1878 г.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Михаилъ Григорьевичъ!

Я не знаю, какія слова употребить мнѣ, чтобы выразить Вамъ во всемъ объемѣ ту благодарность, которую я приношу Вамъ. Я сознаю также, что еслибъ я увидѣлъ Васъ лично и сталъ бы выражать ее словами, то ни они, ни тонъ моего голоса не въ состояніи были бы передать Вамъ всю сердечность и глубину ея. Это не фразы, не пустыя слова и я былъ бы счастливъ, еслибъ Вы повѣрили мнѣ въ этомъ и питаю надежду, къ сожалѣнію не могущую быть иной кромѣ неопредѣленной и быть можетъ фантастической, что гдѣ-нибудь и когда-нибудь въ жизни Вашей мнѣ придется убѣдить Васъ не словами только въ своей безконечной преданности Вамъ.

Форма, въ которой Вы исполнили мою просьбу быть воспріемникомъ моего сына, показала мнѣ, что молва о Вашей добротѣ есть истина. достойная народной любви къ Вамъ.

Доброта Ваша оцѣнила чувства. руководившія мной въ этой просьбѣ, и подсказала Вамъ ту надпись, которую Вы сдѣлали на портретѣ. назначенномъ новорожденному. Эта надпись будетъ служить ему драгоцѣннымъ знакомъ. что онъ находится какъ бы подъ благословеніемъ Вашего имени.

Глубоко благодарю Васъ за портретъ. посланный Вами мнѣ. Лучшаго дара я не имѣлъ въ своей жизни и я съумѣю сберечь его до конца дней моихъ.

Я запоздалъ такъ выраженіемъ своей благодарности Вамъ изъ побужденій, внушенныхъ мнѣ опасеніемъ показаться Вамъ назойливымъ и вотъ объясненіе этому:—я хотѣлъ передать Вамъ какой нибудь предметъ, который бы напоминалъ Вамъ о добромъ дѣлѣ, сдѣланномъ Вами для меня, и такъ какъ я не могъ придумать ничего болѣе соотвѣтственнаго, какъ сдѣлать этотъ предметъ изъ матеріала, составляющаго одно изъ богатствъ нашего Уральскаго края, а именно изъ цвѣтнаго камня, но между тѣмъ самый предметъ долженъ былъ приготовляться за 260 верстъ отъ мѣста гдѣ я живу и притомъ на приготовленіе его было необходимо значительное время, то я, воздерживаясь утруждать Васъ два раза своими письмами, рѣшился подождать, пока приготовленіе вещи не будетъ окончено. Теперь я получилъ возможность послать ее къ Вамъ и прошу Васъ не отказаться принять ее на память о человѣкѣ, глубоко чтущемъ Васъ.

Вашъ фотографическій портретъ служилъ оригиналомъ для вырѣзки печати изъ горнаго хрусталя, и хотя не видавши Васъ лично, я не могу составить вѣрнаго понятія о степени и сходства ея съ Вами, но художникъ-рѣзчикъ сдѣлалъ все, что было въ предѣлахъ его искусства, чтобы приблизиться къ фотографіи. Печать эту Вы найдете въ футлярѣ изъ яшмы, которы[illegible] съ тѣмъ служитъ для

нея пьедесталомъ. Къ сожалѣнію, я не зналъ Вашего герба и потому не могъ прислать Вамъ печать съ вырѣзкой его.

Посылая Вамъ печать, я рѣшаюсь обратиться къ Вамъ съ слѣдущей предупредительной просьбой: не обидьте меня пожалуйста даже мыслію о присылкѣ мнѣ въ свою очередь какого либо предмета, который служилъ какъ бы для отдариванія меня. Вы опечалили бы меня этимъ и нарушили бы чистоту смысла моего ничтожнаго подарка, еслибъ хоть на минуту остановились на подобной мысли. Пусть печать будетъ употребляться Вами и помнить Вамъ о Вашемъ добромъ дѣлѣ; я же не нуждаюсь въ чемъ нибудь вещественномъ, чтобы всегда помнить о Васъ и чтить Васъ и внушить тѣ же чувства Вашему крестнику, когда для него наступитъ пора сознанія. И такъ, Вы не захотите обидѣть меня и унизить мои чувства къ Вамъ.

Прощайте, Михаилъ Григорьевичъ. Дай Вамъ Богъ всѣхъ благъ и счастія въ Вашей дальнѣйшей жизни.

Примите увѣренія въ глубокомъ уваженіи искренно преданнаго Вамъ

П. Деви.

Кушвинскій заводъ. 5 іюля 1878 г.

Десницей Вышняго хранимый
Въ огнѣ безчисленныхъ боевъ,
Счастливый путь, Герой любимый,
Съ Тобой народная любовь!
Богъ въ помощь на служеньѣ новомъ!
Въ край, завоеванный Тобой,
Ты предстаешь въ вѣнкѣ лавровомъ,
Въ сіяньѣ славы надъ главой!
Прекрасенъ Твой полетъ орлиный
Младаго царства на зарѣ,
Какъ новый знакъ, что духъ единый
Живетъ въ народѣ и въ Царѣ.

Рукой Державною высоко
Орелъ направленный, расширь
Могучихъ крыльевъ кругъ широкій,
Славянскій Витязь—Богатырь.
Архистратига Михаила
Покровъ небесный надъ Тобой!
Съ Тобой надежнѣйшая сила—
Любовь народная съ Тобой!

Его Превосходительству Михаилу Григорьевичу
Черняеву съ чувствомъ глубочайшаго
уваженія имѣетъ честь посвятить

Александръ Слуцкій.

Г. Коломна, 3 сентября 1882 г.

Михаилъ Григорьевичъ!

Русскіе добровольцы, бывшіе подъ Вашимъ начальствомъ въ рядахъ Сербской арміи, движимые чувствомъ глубочайшей преданности къ Вамъ, какъ бывшему своему Главнокомандующему, и высоко цѣня Васъ, какъ человѣка, ставшаго выразителемъ стремленій и желаній Русскаго народа въ 1876 году, по единодушному и сердечному влеченію постановили напутствовать Васъ иконою Казанской Божіей Матери, Покорительницѣ русской народности въ Азіи.

Да будетъ благословенъ путь Вашъ.

Михаилъ Григорьевичъ! Исторіи судить о пользѣ принесенной Вами дорогому отечеству, о значеніи и достоинствѣ Вашихъ трудовъ, о Вашей боевой дѣятельности и мѣропріятіяхъ, поднятыхъ Вами на пользу и славу Русскаго народа. Нашъ же долгъ, какъ людей, близко стоявшихъ около Васъ во время Сербской кампаніи, засвидѣтельствовать о Вашей необыкновенной энергіи, высокомъ умѣ и сердечной теплотѣ къ малѣйшему человѣческому страданію, ибо этому мы были очевидцы. Эти высокія качества, такъ рѣдко встрѣчающіяся въ столь счастливомъ единеніи, были постоянными и неразлучными Вашими спут-

никами во время долгаго и славнаго служенія Вашего отечеству, и при томъ одинаково въ мирное и въ военное время, на отрогахъ Гиндукуша и Балкановъ. Они дали намъ идеалъ, достойный подражанія и удивленія. Теперь русскіе люди ждутъ отъ Васъ, взысканнаго милостію нашего Государя, новой службы и новыхъ подвиговъ на далекой окраинѣ, и мы не сомнѣваемся, что Вы стяжете такую же общую благодарность въ будущемъ, какую не разъ снискивали въ Вашемъ славномъ прошедшемъ.

Да даруетъ Вамъ Господь успѣхъ во всѣхъ Вашихъ начинаніяхъ и да укрѣпитъ Ваши высокія дарованія, во славу нашего обожаемаго Монарха и пользу родной страны.

В. Комаровъ. Н. Дворяшинъ. Баронъ Левъ де-Брюнольдъ. Михаилъ Рихтеръ, А. Межениновъ и 11 подписей.

Вотъ второй уже годъ, какъ геройскій народъ
Высоко поднялъ знамя свободы,
И повсюду кругомъ со свирѣпымъ врагомъ,
Бился храбро, —дивились народы!
На защиту его, не спросясь никого,
Черногорскіе, сербскіе братья,
Хлынувъ дружной волной, понеслися на бой,
На враговъ призывая проклятья.
И въ торжественный часъ пробудилось у насъ
И окрѣпло въ народѣ сознанье,
Что за волю льетъ кровь—то родной нашъ народъ,
Что славянское—наше страданье;
Что Россія помочь, какъ славянская дочь,
Къ своимъ братьямъ должна устремиться
И, ярмо мусульманъ, снявъ съ родныхъ христіанъ,
Съ ними въ братскомъ союзѣ сплотиться.
Встрепенулся народъ, свою ленту несетъ
На святое, великое дѣло
Какъ въ былые года, для славянъ никогда
Его щедрая длань не скудѣла.

Грозно, въ доблестный бой вдохновленной герой,
Нашъ народный любимецъ Черняевъ,
Двинулъ сербскую рать, чтобъ свободу стяжать
Для забитыхъ, замученныхъ райевъ.
На починъ храбреца запылали сердца,
Развилося священное пламя,
Ужъ сотни солдатъ изъ Россіи спѣшатъ
Дружно стать подъ Славянское знамя.
Тамъ, по гласу молвы, они бьются какъ львы
Безпощадныхъ враговъ поражая,
И ужъ сербской земли побѣдить помогли
Хотя сами легли умирая.
Но славянскій народъ бой неравный ведетъ
Противъ Турокъ, англійской короны...
Гдѣ же горсти славянъ побѣдить мусульманъ?..
И ужъ слышны родные намъ стоны...
Неужели дадимъ погибать имъ однимъ,
Руку помощи черство опустимъ?
Чтобы братскій позоръ былъ намъ вѣчно въ укоръ?
О, нѣтъ! нѣтъ! не дадимъ, не допустимъ!!!

Ѳ. Слѣпушкинъ.

Походная пѣснь добровольцевъ.

Не для денегъ, не для славы
Мы идемъ на бой кровавый:
Мы идемъ за край родной,
Мы идемъ за крестъ святой!
Мы идемъ за угнетенныхъ,
Нашихъ братьевъ оскорбленныхъ
За свободу ихъ полей
За святыню алтарей,
За права христіанина,
Человѣка, семьянина,
За его очагъ и домъ—
Вотъ зачѣмъ мы
Не для

Держимъ путь мы на Балканы—
Исцѣлять родныя раны,
Руку братскую подать,
Къ сердцу русскому прижать
Нашихъ братьевъ раззоренныхъ...
За страдальцевъ угнетенныхъ
Въ битвѣ кровь свою пролить,
Въ битвѣ душу положить!
Не для денегъ, не для славы и т. д.
Съ Севастопольской равнины,
Съ Волги, съ Дона и съ вершины
Закавказскихъ грозныхъ скалъ
Голосъ брата насъ созвалъ!
Съ нашихъ пашень и полей,
Изъ палатъ, монастырей,
Собрались изъ разныхъ мѣстъ
За святой, великій крестъ!
Не для денегъ, не для славы и т. д.
Грянемъ громко кличъ привѣта,
Грянемъ громко, многи лѣта,
Многи лѣта, Михаилъ,
Полководецъ сербскихъ силъ!
Вамъ же, братья, въ битвѣ павшимъ
Знамя истины державшемъ,
Пѣснь иную вознесемъ—
Память вѣчную споемъ:
Вѣчная память героямъ свободы,
Душу свою положившемъ средь битвъ!
Вѣчная память на вѣчныя годы!
Вѣчная память для вѣчныхъ молитвъ.

Ена.

Руевицкій памятникъ *).

Лѣтопись Славянской жизни.
Повѣсть славы и страданья.
Запиши на память внукамъ.
Братьевъ свѣтлыя дѣянья!
Издалека, гдѣ привольно
Днѣпръ. Нева и Волга льются,
Въ бой съ Турецкой силой злою
Стаи соколовъ несутся.
Первый далъ примѣръ Черняевъ.
И къ народному герою
Рать слетѣлась удалая:
Положить конецъ разбою.
Иль надъ Сербскою Моравой.
Мстя за братскую невзгоду.
Пасть во славу вѣры правой,
Пасть за милую свободу.
И обѣтъ свой вольный, славный.
Братья свято извершили:
Въ спорѣ съ силою неравной
Буйны головы сложили...
Подъ лазурнымъ небосклономъ
Въ Руевицѣ, гдѣ не мало
Русскихъ витязей удалыхъ
Въ лютой битвѣ грозно пало.—
Съ свѣтлымъ чувствомъ собралися
Днесь для тризны величавой.
Дѣти вольной Шумадіи
И Москвы золотоглавой;
И святой ихъ гробъ - ту землю,
Гдѣ ихъ кости опочили.—
Свѣтлой данью скорби братской,
Слезъ росою омочили;
И, грядущему на память

*) Сооруженъ въ 1880 г. по почи
пожертвованія на могилѣ павшихъ за ос
вольцевъ на Руевицкомъ полѣ, близъ А

Позднимъ внукамъ въ назиданье,
Стройный памятникъ воздвигли—
Дѣлъ ихъ славныхъ воздаянье,
Да отнынѣ Руевица
Внукамъ, правнукамъ вѣщаетъ:
„Здѣсь три тысячи отважныхъ
Братьевъ Русскихъ почиваетъ,
Что приспѣли вольной-волей
Въ помощь Сербскому народу
Отомстить его обиды,
Отстоять его свободу!
И святая эта жертва,
Ихъ посѣвъ у насъ кровавый,
Отрадится намъ свободой,
А всему Славянству славой!“
Лѣтопись Славянской жизни,
Повѣсть славы и страданья,
Запиши, на память внукамъ,
Братьевъ свѣтлыя дѣянья!“

Перев. съ сербскаго Ае. Васильева.

Письмо старообрядца.

Христосъ Воскресе!
Ваше Превосходительство,
Христосъ Воскресе!
Михаилъ Григорьевичъ!

Позвольте принести Вамъ поздравленіе съ наступившимъ праздникомъ Св. Пасхи отъ всего моего семейства.

Но прежде всего я долженъ сказать, что Вы вѣ[ро]ятно удивитесь, что я, и мое семейство старообрядцы, не удивляйтесь этому Михаилъ Григорьевичъ знаменитый казакъ, графъ Платовъ, тоже старообрядецъ, а тѣмъ не менѣе и исто-

рія и русскій народъ съ почтеніемъ произноситъ его имя! Да притомъ въ наше многомятежное время старообрядцы есть синонимъ порядка, любви къ родинѣ и ко всему Славянству, то ли мы видимъ въ новообрядцахъ (православныхъ)? Нѣтъ ни одного изъ нашихъ старообрядцевъ, кто бы не любилъ честное и святое имя Черняева! А сколько новообрядцевъ кидали въ это имя грязью?!!

Прости имъ, Господи, не вѣдали бо что творили!!

Но какъ бы то ни было, а Вамъ пришлось быть крестнымъ отцемъ старообрядческаго ребенка! Правда, что за великій грѣхъ считается у старовѣровъ, духовно породниться съ православнымъ, но повторяю Ваше святое, честное имя покрываетъ все!

За симъ съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Высокопревосходительства вѣчно Вамъ обязанный и до гроба преданный

Николай Ярцовъ.

Вологда, 18 1879 года.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Михаилъ Григорьевичъ!

Въ день Архистратига Михаила я чувствую сердечную потребность принести Вамъ мое поздравленіе и пожеланіи всевозможнаго счастія. Преданный Вамъ всей душой, я однако нынѣ не смѣю, въ этотъ торжественный для Васъ день поздравить Васъ лично, потому что, конечно, Вы не помните и не можете помнить того рядового-добровольца, который, только подъ обаяніемъ Вашего славнаго имени, пошелъ въ Сербію, гдѣ всегда былъ готовъ умереть, если къ огорченію не подлѣ Васъ, то съ наслажденіемъ [illegible] подъ знаменами, что преклонялись [illegible]

Не могу не вспомнить [illegible]
дня, когда я, предупреждая [illegible]

стромки, чтобы вести Васъ, вмѣстѣ съ другими, но Вы силою Вашей власти приказали намъ этого не дѣлать, „если мы Васъ любимъ“,—мы Васъ любили.

Не откажите, Ваше Превосходительство милостиво принять увѣреніе въ совершенной преданности Вашего бывшаго добровольца, а нынѣ урядника Кубанскаго казачьяго полка.

Михея Киселева.

Москва, 8 Ноября 1879 г.

Михаилу Григорьевичу Черняеву.

(Послѣ битвы 13-го (25) августа 1876 г.).

Не долго мечъ твой боевой
Въ ножнахъ смиренно отдыхая,
Дремалъ на сторонѣ родной
Ташкента громы вспоминая.
Его ты препоясалъ вновь
На дѣло ратное, святое,
Гдѣ гибнетъ жизнь, гдѣ льется кровь!
Въ ряды страдальцевъ и героевъ
Ты первый добровольно сталъ
Своей испытанной отвагой,
Чтобъ звѣрскій варваровъ кинжалъ
Исторгнуть доблестною шпагой
И свергнуть деспотизма бичъ.
Балкановъ сердце встрепенулось.
„Къ оружію!“ раздался кличъ,
Свободы знамя развернулось...
Веди же смѣло ихъ впередъ,
Да всеблагое Провидѣнье
Одноплеменный намъ народъ
Благословитъ на единенье.
Да будутъ прокляты друзья
Столѣтнихъ ига и тиранства
И установится семья
Побѣдоноснаго Славянства!
Возстанетъ новая заря

На пышныхъ берегахъ Босфора,
Свободы свѣточемъ горя,
И братство крѣпкаго собора.
Здѣсь всѣ сочувствуютъ тебѣ
Здѣсь всѣ тебя благословляютъ,
И въ русской коренной семьѣ
Успѣха Сербіи желаютъ.

А. Бѣшенцовъ.

Ненавистникамъ М. Г. Черняева.

Когда герой, въ борьбѣ изнемогая,
Врага сильнѣйшаго напоръ не могъ сдержать,
Вы, мелкихъ душъ озлобленная стая,
Съ злорадствомъ кинулись героя въ грязь топтать.
Писаки-шулера, банкиры, аферисты:
Всѣ, въ комъ низка душа, всѣ, чьи дѣла не чисты,—
Вы рады запятнать любого изъ людей,
Который, отрѣшась бездушнаго расчета,
Вставъ противъ лжи людской и всяческаго гнета,
Всецѣло сталъ жрецомъ возвышенныхъ идей.

А. В.—А. Д.

Привѣтствіе М. Г. Черняеву по случаю его назначенія генералъ-губернаторомъ въ Туркестанъ въ 1882 г.

Борецъ за истину, за вѣру и свободу,
Борецъ за жизнь и честь поруганныхъ славянъ!
Не только русскому извѣстенъ ты народу;
Но отъ Кавказскихъ горъ и до высотъ Балканъ,
И отъ Кашгаріи до береговъ Арала,
Отъ сердца Азіи до Бѣлаго Кремля
Давно уже твое извѣстно имя стало;
Давно гордится имъ вся Русская земля.
Семнадцать лѣтъ назадъ на воротахъ Ташкента

Рукою твердою ты имя начерталъ,
То имя славное въ странахъ Хивы, Ходжента,
Всякъ именемъ отца, героя почиталъ.
Свершивши не одинъ высокій подвигъ, трудный,
Ты вдругъ покинулъ насъ, осиротѣли мы,
Но долго образъ твой великій, свѣтлый, чудный
Носился среди насъ, плѣнялъ сердца, умы.
Опять явился къ намъ, ты славный побѣдитель,
Отецъ сиротъ, борецъ, россійскій исполинъ,
Поборникъ истины, славянъ освободитель
Великій вождь, Руси любвеобильный сынъ!
Возликовали мы и радостно встрѣчаемъ
Тебя, правителя и добраго отца,
И сердцемъ и душой съ любовью прославляемъ
Мы Бѣлаго Царя и Господа Творца.
О Русь великая! О родина святая!
Еще переживешь ты много свѣтлыхъ дней
Найдется-ль гдѣ-нибудь еще страна другая,
Гдѣ столько было бы сыновъ-богатырей?

Влад. Соколовъ.

Слава Тебѣ Господи, Слава Тебѣ!

Черняевъ, Михаилъ Григорьевичъ, нашъ любимецъ, славный генералъ живъ, да живъ, невредимъ и благополученъ. Слава Тебѣ Господи, Слава Тебѣ!

А сказали, что онъ погибъ съ тѣмъ безпутнымъ безумнымъ и страшнымъ поѣздомъ, шедшимъ по Московско-Курской ж. д. въ числѣ трехсотъ человѣкъ, которые провалились съ вагонами близъ станціи Чернь. Вѣсть эта невыразимо опечалила меня. Въ Матушкѣ Москвѣ внезапно умеръ Скобелевъ, любимецъ Россіи, вѣчная ему память и вслѣдъ за тѣмъ, пронесся слухъ,—погибъ и Черняевъ съ поѣздомъ. Погибли два великихъ человѣка, безъ славы, не въ бою. Да что же это такое дѣлается? Погибъ Императоръ, обожаемый Александръ II. Погибли два милыхъ друга: Черняевъ и Скобелевъ. И

слезы сердца, слезы сослуживца и патріота невольно льются, льются. Не обижайтесь, любимецъ нашъ, не почтите за гнусную лесть мою рѣчь передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ. Я казакъ и исповѣдаю, какъ разбойникъ, а не какъ Іуда.

Покорнѣйше прошу у Васъ одной милости, пришлите мнѣ свою фотографическую карточку. Но да будетъ святая воля Ваша, а я имѣю счастія радоваться, что ты, славный любимецъ нашъ, живъ и прошу тебя какъ отца, друга, командира.

Я помню, какъ свозилъ пушки съ высотъ Дюниша, за Моравою, 17 октября 1876 г. Я тотъ же Вашъ вѣрный слуга, Ефимъ Мелиховъ, желающій Вамъ много лѣтъ жить на радость Царю-Отцу и Отечеству. Наша вѣра въ добродѣтель Вашу, наша любовь къ Вамъ, наша надежда на Васъ, Михаилъ Григорьевичъ непоколебима, хотя злодѣевъ у Васъ чертова пропасть, да плевать на нихъ. Ехидны завистливы вездѣ и во всѣ времена. Если можно, то пришлите карточку свою, съ своеручнымъ надписомъ. Я имѣю двухъ сыновъ, изъ нихъ старшій въ Императорскомъ, Харьковскомъ Университетѣ съ превосходными способностями и двухъ дочекъ. Такъ вотъ намъ на память изъ рода въ родъ.

Простите меня искренно любимый Генералъ, Михаилъ Григовьевичъ.

Ефимъ Мелиховъ.

11 Іюня 1882 г.

Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Государь Михаилъ Григорьевичъ!

Съ днемъ Вашего Ангела хранителя, небесныхъ силъ Архистратига! Имѣемъ честь поздравить Васъ.

Мы сначала узнали Васъ [illegible] героя, покорителя гордаго Ташкента и [illegible] народнымъ—любим[illegible]

шивалось къ этому имени,—радовалось Вашей радости и скорбѣло о Вашей печали! Все на что готово было отозваться народное сердце.

Вы отзывались первые, явились великимъ борцомъ за принципъ человѣческихъ правъ и на поляхъ нынѣ свободной Сербіи доказали, что народъ въ своей любви не ошибается. Исторія Руси много имѣетъ именъ храбрыхъ Генераловъ и Администраторовъ умныхъ, но такими, какъ Вы, любимцами народными—не многимъ быть удалось.

Нынѣ, видя Васъ среди насъ, спѣшимъ выразить Вамъ наше глубочайшее почтеніе и любовь—на память, что въ какомъ то далекомъ сибирскомъ, городкѣ Колывани Васъ знаютъ, чтутъ и желаютъ Вамъ отъ души здравствовать на многіе годы для пользы, чести и славы любящей Васъ Родины.

Засвидѣтельствовавъ Вамъ наше почтеніе любовь и пожеланіе имѣемъ честь быть
Вашего Превосходительства Всепокорнѣйшіе слуги:

Купеческій сынъ

Федоръ Кривцовъ.

Г. Колывань, 8 ноября 1884 г.

Съ чувствомъ глубокаго почтенія Михаилу Григорьевичу Черняеву.

Прощайте Генералъ! Съ глубокою тоскою
Въ даль провожая Васъ мы думаемъ одно
Что годъ еще пройдетъ... съ великою рѣкою
Великое увы! не будетъ свершено!
Лишь Ты, герой славянъ, энергіею полный
Могъ съ Западомъ Востокъ опять соединить
И царственной Дарьи, бушующія волны,
Въ объятья Каспія сѣдаго возвратить.
Пускай волнуются народныя витіи,
Пусть выгоды свои теряетъ Альбіонъ,
Тебѣ ль могучему сподвижнику Россіи

*) Сказано при отъѣздѣ М. Г. изъ Ташкента въ 1883 г. когда никто не предполагалъ что онъ больше не вернется.

Онъ можетъ предписать законъ?
У власть имѣвшихъ лицъ ты не просилъ совѣта,
Когда одушевленъ идеею святой,
Ты грозно вынулъ мечъ и передъ цѣлымъ свѣтомъ
Повелъ Славянъ въ кровавый, грозный бой.
Глубоко вѣримъ мы, что посланъ Провидѣніемъ
Ты въ покоренную тобою же страну,
Чтобъ наконецъ извлечь изъ заточенья
Тобой любимую, Великую Дарью.

Николай Грязновъ.

17 января 1884 г. Г. Ташкентъ.

Привѣтствіе Славянскаго Благотворительнаго Общества М. Г. Черняеву въ день его Ангела 8-го ноября 1897 г.

По случаю пятидесятилѣтняго производства М. Г. Черняева въ офицеры, Славянское Благотворительное Общество составило денежную премію его имени для выдачи ея по конкурсу тому, кто напишетъ исторію Босно-Герцеговинскаго возстанія и Черногоро-Сербско-Турецкой войны 1876—1877 г.г., существенною частью каковой исторіи, должно быть описаніе достопамятнаго общественнаго движенія того времени въ Россіи, начинателемъ и душею котораго былъ М. Г. Черняевъ. При этомъ выборные члены собранія обратились къ нему со слѣдующею рѣчью:

Дорогой Михаилъ Григорьевичъ!

Славянское Общество имѣвшее счастіе считать Васъ своимъ Почетнымъ Членомъ, поздравляетъ Васъ съ днемъ Вашего Ангела и съ исполнившимся въ этомъ году пятидесятилѣтіемъ Вашей самоотверженной, доблестной службы Россіи и Славянству;

Своею беззавѣтной и вдохновенной отвагой Вы подарили Россіи Ташкентъ, пламеннымъ призывомъ и самоотверженнымъ примѣромъ Вы подвигли нашу Святую Русь на помощь Сербскому народу. Вѣковѣчная Вамъ слава за понесенныя Вами страданія и тяготы и за богатырскіе подвиги! А теперь примите благосклонно Вашею любящею душой и благороднымъ сердцемъ наше искреннее пожеланіе Вамъ много лѣтъ здравствовать и обрѣсти миръ душевный и наше скромное рѣшеніе почтить Васъ, нашу общую гордость и славу, составленіемъ дара Вашего имени за лучшее историческое описаніе достопамятныхъ въ Славянскомъ мірѣ событій 1875—1876 г.

Да осуществитъ Милосердный Господь то дѣло, которому Вы такъ доблестно послужили,—дѣло Славянскаго освобожденія и братства!

Слава Михаилу Григорьевичу Черняеву! Слава Россіи и всему Славянству.

—

Ваше Высокоблагородіе Александръ Михайловичъ!

Я житель Полѣсья, именно Смоленской губ., Бѣльскаго уѣзда, Поникольской волости (въ собственномъ имѣніи) сел. Шарыкино, Бѣльскій мѣщанинъ Нилъ Васильевичъ Алексѣевъ.

Искренно сожалѣя о кончинѣ дорогаго Вамъ человѣка, столь посѣявшаго въ наши простыя сердца глубокое къ нему уваженіе, которое трудно высказать его роднымъ, я истинно сознаюсь, когда довольно времени не слыхалъ о Михаилѣ Григорьевичѣ Черняевѣ, то гдѣ могъ по своему положенію спрашивалъ, что же это не слыхать о М. Г. Черняевѣ, гдѣ онъ?

Но не могь узнать вѣрнаго, но теперь прочитавъ „Свѣтъ“ уразумѣлъ кое что. Дѣлается очень

*) Написано сыну Мих. Гр.

трудно чувству, что Богъ попускаетъ недоброжелателей своими происками отодвигать отъ важныхъ дѣлъ, которыхъ ждетъ народъ отъ своихъ любимцевъ и которому въ сердцахъ своихъ уже основалъ пьедесталъ, но Богъ и Великій Государь нашъ не оставитъ ознаменовать его памятью о славномъ его имени и возвышенныхъ дѣяніяхъ. Трудно высказать какъ хватаетъ насъ, простыхъ людей глубокое чувство къ нему благодарности.

Миръ праху его, великому патріоту, любимцу народа. Желалъ бы пріобрѣсти портретъ М. Г., такъ какъ никогда не видалъ его лично, но видалъ гдѣ то небольшіе рисунки, но мнѣ хотѣлось бы имѣть большей величины, благоволите указать гдѣ или откуда выписать. Примите и пр.

Нилъ Васильевичъ Алексѣевъ.

1898 г. Августа 22 дня.

Славянскій витязь и герой!
Къ твоей умолкнувшей могилѣ
Мы, поклоняясь русской силѣ
Стремимся скорбною душей...
Ты путь окончилъ свой земной,
Но—на страницахъ русской были
Горишь ты яркою звѣздою...
Какъ солнце въ бурный день сквозь тучи лучъ бросая
И яркимъ заревомъ края ихъ обагряя,
То свѣтлыя надежды въ насъ живитъ,
То погружаясь въ мракъ, намъ душу холодитъ,
Такъ ходъ твой судьбы—то смутный, то блестящій
Былъ нашимъ праздникомъ, былъ свѣточемъ горящемъ.

---

*) Стихотвореніе это было прочитано 14 февраля 1899 г. въ торжественномъ собраніи Слав. Благотв. Общ. и на слѣдующій день напечатано въ „Свѣтѣ".

Когда ты въ Азіи впервые просіялъ,
Съ дружиной храбрецовъ народы покоряя
Былиной, пѣснею твой подвигъ прославляя,
Народъ нашъ витяземъ своимъ тебя призналъ...
Да! Русскій міръ Черняевымъ гордился.,.
Но зависть низкая и черствыхъ душъ обманъ
Блестящій обликъ твой заволокли въ туманъ:
И лишь немногіе, отвергнувъ гнетъ сомнѣній,
Въ тебѣ и славили и чтили русскій геній,
И душу русскую и твой побѣдный стягъ!
И вотъ, едва зажглась, славянская свобода,
Ты смѣло во главѣ сталъ братскаго народа
И рати грозныя Османа отражалъ,
И именемъ твоимъ Россія ополчилась,
А ты тѣмъ временемъ одинъ,
Вдали отъ родственныхъ дружинъ,—
Томился скукою героя,
Не зналъ отрады и покоя!
Ты гаснулъ медленно, тая въ душѣ недугъ,
Подавленный бездѣльемъ силъ могучихъ
Въ тискахъ нужды, въ мученьяхъ жгучихъ
Безплодныхъ генія потугъ...
И кончился твой вѣкъ, вѣкъ славы и страданья:
Земная персь, ты легъ въ землѣ родной
Пускай же міръ почіетъ надъ тобой
И смолкнутъ позднія обиды и рыданья.
Пусть всеславянская семья
На тризну витязя сберется
Сіяя славой, какъ заря,
Пускай вся русская земля
Къ твоей могилѣ обратится,
Земнымъ поклономъ одаря,
Безмолвный прахъ богатыря.

К. Полегрини.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПРИЛОЖЕНІЯ.

	стр.
Адресъ Ташкентцевъ	73
Адресъ Ташкентцевъ	74
Адресъ жителей Уфы	75
Акростихъ	76
Адресъ при поднесеніи хоругви отъ Моск. Слав. Благ. Общ.	76
Адресъ М. Г. Черняеву и его сподвижникамъ.	77
Адресъ отъ Москвичей	78
Стихотвореніе: Борецъ за правду и за свѣтъ	79
Адресъ Сербовъ.	80
Адресъ города Вязьмы при поднесеніи коврижки	81
Адресъ изъ Твери при поднесеніи шашки	82
Адресъ отъ донскихъ торговыхъ казаковъ при отправкѣ казаковъ-добровольцевъ	82
Адресъ отъ воспитанниковъ Новочеркасской гимназіи при посылкѣ Евангелія и Креста	83
Письмо неизвѣстной при посылкѣ ладонки	85
Письмо архіепископа Донскаго Платона благословившаго М. Г. Черняева иконой Донской Божіей Матери и снарядившаго на свой счетъ казаковъ-добровольцевъ	85
Письмо старыхъ Туркестантцевъ	86
Адресъ жителей Ярославля	86
Стихотвореніе: Ты Господи дай силъ въ бореньѣ со врагами	88
Письмо Елисаветградскаго мѣщанина Новокрещенова	88
Письмо Малькова	89
Письмо Бѣлградскаго купца Ачимовича	89
Адресъ представителей науки въ Бѣлградѣ	91
Адресъ Бѣлградскихъ гражданъ	93

ОГЛАВЛЕНІЕ ПРИЛОЖЕНІЯ.

	стр.
Адресъ Ташкентцевъ	73
Адресъ Ташкентцевъ	74
Адресъ жителей Уфы	75
Акростихъ	76
Адресъ при поднесеніи хоругви отъ Моск. Слав. Благ. Общ.	76
Адресъ М. Г. Черняеву и его сподвижникамъ.	77
Адресъ отъ Москвичей	78
Стихотвореніе: Борецъ за правду и за свѣтъ	79
Адресъ Сербовъ.	80
Адресъ города Вязьмы при поднесеніи коврижки	81
Адресъ изъ Твери при поднесеніи шашки	82
Адресъ отъ донскихъ торговыхъ казаковъ при отправкѣ казаковъ-добровольцевъ	82
Адресъ отъ воспитанниковъ Новочеркасской гимназіи при посылкѣ Евангелія и Креста	83
Письмо неизвѣстной при посылкѣ ладонки	85
Письмо архіепископа Донскаго Платона благословившаго М. Г. Черняева иконой Донской Божіей Матери и снарядившаго на свой счетъ казаковъ-добровольцевъ	85
Письмо старыхъ Туркестантцевъ	86
Адресъ жителей Ярославля	86
Стихотвореніе: Ты Господи дай силъ въ боренье со врагами	88
Письмо Елисаветградскаго мѣщанина Новокрещенова	88
Письмо Малькова	89
Письмо Бѣлградскаго купца Ачимовича	89
Адресъ представителей науки въ Бѣлградѣ	91
Адресъ Бѣлградскихъ гражданъ	93

Стихотвореніе: Есть въ исторіи народовъ (къ портрету М. Г. Черняева) 95
Письмо Драгутина Чижека при поднесеніи марша . . 96
Адресъ жителей гор. Зарайска при поднесеніи иконы . 96
Письмо добровольца Каллистова 97
Письмо Маріи Вольховской при препровожденіи старинной золотой монеты 98
Слово за сербовъ 99
Стихотв.: Мы видѣли Тебя среди степей хивинскихъ . 102
Адресъ отъ Вѣнскихъ Болгаръ 103
Адресъ Болгарскихъ учениковъ въ Вѣнѣ 104
Стихотв.: Едва побѣдный кличъ враговъ 105
Стихотв.: Архистратигъ славянской рати 105
Письмо Маріи Киселевой при посылкѣ двухъ иконъ . . 106
Адресъ Болгарскихъ учениковъ въ Вѣнѣ 106
Письмо М. С. Михайлова изъ Бѣлграда 108
Письмо графа Саффрэ 108
Письмо А. Кирѣевой 109
Письмо отъ приходскаго попечительства Зарайской Благовѣщенской церкви 111
Стихотв.: Въ Москвѣ Ташкента покоритель 112
Адресъ Чеховъ 112
Адресъ отъ Чешскаго народа при поднесеніи драгоцѣнной сабли 115
Отвѣтъ Чехамъ М. Г. Черняева 118
Адресъ отъ крестьянъ и лицъ разныхъ званій 119
Стихотв.: Дядя Пахомъ 121
Стихи священника В. Звѣрева 126
Письмо Александра Ершова 127
Письмо Ершова редактору „Дѣла“ 129
Письмо Арзамасскаго мѣщанина Мунина 130
Письмо Д. Лобанова 132
Письмо Людмилы Траскиной при посылкѣ русскихъ полотенецъ 133
Стихотв.: Здоровъ ли родимый 133
Адресъ Славянъ-Сербовъ 136
Отъ кн. Юрія Долгорукова молит[illegible]
посылкѣ фамильнаго кре[illegible]
Письмо А. Шевлякова при п[illegible]
Письмо кн. Баюшева при посы[illegible]

Стихотв.: Привѣтъ тебѣ герой свободы 140
Письмо казака Мевихова 140
Письмо инженера П. Деви 142
Письмо П. Деви при присылкѣ небольшаго бюста М. Г. Черняеву 142
Стихотв.: Десницей Вышняго хранимый 145
Адресъ бывшихъ добровольцевъ 146
Стихотв.: Вотъ второй уже годъ какъ геройскій народъ . 147
Походная пѣснь добровольцевъ 148
Стихотв.: Руевицкій памятникъ 150
Письмо Николая Ярцева 151
Письмо Михея Киселева 152
Стихотв.: Не долго мечъ твой боевой 153
Стихотв.: Ненавистникамъ Черняева 154
Стихотв.: Борецъ за истину, за вѣру и свободу 154
Письмо казака Ефима Мелихова 155
Письмо купеческаго сына Кривцова 156
Стихотв.: Прощайте Генералъ! Съ глубокою тоскою . 157
Привѣтствіе Слав. Благ. Общества по случаю пятидесятилѣтія служенія М. Г. Черняева 158
Письмо мѣщанина Н. Васильева по кончинѣ М. Г. Черняева 159
Стихотв.: Славной памяти М. Г. Черняева 160

ЛѢТОПИСЬ СЕМЬИ ЧЕРНЯЕВЫХЪ.

Когда редакторъ „Русской Старины“, М. С. Семевскій, завелъ книгу для собиранія автографовъ своихъ знакомыхъ и попросилъ отца моего занести нѣсколько строкъ на его страницы, Михаилъ Григорьевичъ исполнилъ его желаніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Вы просите вписать въ ваши скрижали мою убогую біографію. Вотъ она: родомъ изъ вѣчевого Новгорода. При первомъ погромѣ его, предокъ мой былъ нещадно битъ батогами и сосланъ на низъ.“ Этими самыми строками и мы начнемъ нашу хронику по устнымъ разсказамъ и немногимъ письменнымъ памятникамъ былаго.

По уничтоженіи самостоятельной жизни свободолюбиваго сѣвернаго града древней Руси и присоединенія его къ общему государственному строю, въ концѣ шестнадцатаго вѣка, семья Черняевыхъ какъ-то не могла прочно основаться на одномъ мѣстѣ и свить себѣ родовое гнѣздо. Ее перебрасывало судьбою съ одной окрайны Россіи на другую, и эта судьба служила какъ бы прообразомъ скитальческой, полной тревогъ и волненій жизни того ея члена, имя котораго вписано на страницахъ Русской исторіи.

Во время этихъ переселеній утерялись почти всѣ семейныя бумаги Черняевыхъ.

Въ царствованіе Екатерины Великой, въ Іюлѣ 1785 г., вѣроятно по случаю земельныхъ распрей съ сосѣдями, помѣщикъ Харьковской губерніи, регистраторъ, Яковъ Ивановичъ Черняевъ обращался съ прошеніемъ въ Бѣлгородскій Уѣздный Судъ о выдачѣ ему копіи съ „свозной“ утраченной грамоты на жалованную землю села Волкова, Бѣлгородскаго уѣзда, которая была дана прадѣду его изъ дворянъ, Еремѣю Черняеву. Оказалось, что по прописнымъ и отказнымъ книгамъ, Бѣлгородцы Еремѣй Черняевъ совмѣстно съ Григоріемъ Агѣевичемъ Аѓуровымъ вели распрю съ сосѣдями изъ за своихъ владѣній.

По указу государей и великихъ князей Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ Мартѣ 7198-го года, воеводѣ и боярину Борису Петровичу Шереметеву было дано распоряженіе разобрать тягавшихся Бѣлгородцевъ, для чего и былъ присланъ, въ Куренскій станъ, ротмистръ Гуръ Васильевичъ Рябининъ. Еремѣй Черняевъ и Григорій Агуровъ, поселившіеся на окраинѣ тогдашней Руси, начали свое піонерское дѣло. Они, какъ сказано въ одной бумагѣ: „распахали въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, въ Куренскомъ стану, въ Рождественскомъ приходѣ, въ деревнѣ Волковѣ сверхъ дачъ Мины да Трофима Волковыхъ съ товарищи, въ урочищѣ на Крымской сторонѣ, внизъ по Сѣверному Донцу, по Лысую горку, а отъ Лысой горки чрезъ лѣсъ по дачѣ Зосима Маслова, прямо въ степь, отъ Зимнятскаго колодезя на той же Крымской сторонѣ по спорному гребню, а отъ вершины по Чугуевскую дорогу и по Муромскую яругу съ малыми ярушками, которыя тянутся въ Зимнятскій логъ и по обѣ стороны Зимнятскаго дикаго поля на сто на двадцать верстъ. И на томъ дикомъ (мѣстѣ) дворами они построились и тутъ землею владѣютъ, не справя за собою."

Очевидно, Еремѣй Черняевъ съ товарищемъ своимъ былъ человѣкъ сильной воли и, устраиваясь на границѣ нашихъ тогдашнихъ владѣній съ Татарами, присвоивалъ и распахивалъ и сосѣдскія и зарубежныя земли. Присланный Шереметевымъ дьякъ Гуръ Рябининъ опредѣлилъ чѣмъ владѣть предпріимчивому потомку сосланнаго на низъ Новгорода.

Куда именно переселились Черняевы по присоединеніи Новгорода къ Москвѣ, неизвѣстно: но въ половинѣ XVII вѣка они приблизились ко двору Московскаго царя, занимая при немъ придворную должность и вѣроятно получили за службу свою жалованныя земли, о которыхъ выше упоминается.

Въ семейномъ архивѣ нашемъ долго хранилась, нынѣ къ сожалѣнію утраченная, но еще памятная дѣду моему Григорію Никитичу грамота царя Алексія Михайловича, данная одному изъ предковъ нашихъ, служившихъ при царѣ рындою.

Григорій Никитичъ въ начатомъ автобіографическомъ наброскѣ своемъ говоритъ, что отецъ его Никита Исаевичъ переселился изъ Курской губерніи въ Бѣлоруссію въ царствованіе императрицы Екатерины I по присоединеніи этого края къ Россіи. Въ „Замѣткахъ моей жизни" онъ пишетъ слѣдующее: „По соединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи отецъ мой по службѣ прибылъ въ Могилевскую губернію или какъ прежде называлось намѣстничество и въ оной остался [illegible] же прочной осѣдлостью". Какимъ образомъ

для своего вѣчнаго упокоенія подъ стѣнами храма села Тубышекъ, Могилевской губерніи, о чемъ гласитъ находящаяся тамъ надпись, и что̀ именно побудило Никиту Исаевича оставить старое, насиженное гнѣздо въ Курской губерніи, жалованное царями предкамъ его, мы не знаемъ. По устному семейному преданію причиной этому была романическая исторія его женитьбы на Надеждѣ Самсоновой.

Такимъ образомъ Черняевы съ бывшей окраины Татарской перебрались на окраину Польскую, въ край, гдѣ нѣсколько столѣтій велась борьба Русской народности съ Польской, гдѣ передъ тѣмъ проходили войска Московскія и Шведскія, о чемъ передаютъ старики и свидѣтельствуютъ существующіе до нынѣ курганы, послѣдніе памятники Шведскихъ стоянокъ.

Въ царствованія Елисаветы Петровны и Петра III несчастный край былъ въ рукахъ Польши: но Русская власть уже заступалась за своихъ единовѣрцевъ. Въ это время Іезуиты составили „проектъ уничтоженія Православія и Русской народности“ въ томъ краю, найденный въ 1859 г. въ Базиліанскомъ Табулинскомъ монастырѣ Полоцкой епархіи. Одинъ изъ пунктовъ этого проекта гласитъ: „Зажиточные граждане отечества (т. е. Польши) не должны допускать Русиновъ до такихъ услугъ, которыя доставили бы имъ случай получать просвѣщеніе. Такимъ образомъ Русины, оставаясь въ невѣжествѣ, дойдутъ до большой нищеты и будутъ въ крайнемъ презрѣніи, а слѣдовательно, перемѣнятъ для своего возвышенія законъ“ (т. е. вѣру).

22-го Сентября 1762 г. въ Успенскомъ соборѣ въ день коронованія Екатерины II, архіепископъ Могилевскій, Георгій Конисскій рѣшился указать Русской Государынѣ программу ея будущихъ обязанностей къ несчастному Бѣлорусскому краю. „Между подданными народами Вашего Императорскаго Величества, о всерадостнѣйшей коронаціи торжествующихъ, приноситъ и Бѣлорусскій народъ черезъ меня, подданника Вашего Величества, всеподданнѣйшее поздравленіе“. Такъ началъ свое слово ревностный поборникъ Русскаго народа. Вскорѣ послѣ избранія Понятовскаго на Польскій престолъ, побужденная новыми возникшими гоненіями, Екатерина приказала своему послу Кейзерлингу и князю Репнину подать королю меморіалъ, написанный въ сильныхъ выраженіяхъ въ защиту всѣхъ диссидентовъ, живущихъ въ Польскихъ земляхъ. Наконецъ въ 1772 г. Бѣлоруссія была присоединена къ Россіи и первымъ Русскимъ намѣстникомъ ея назначенъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ *).

*) Извлечено изъ описанія Могилевской губерніи, составленнаго ея бывшимъ губернаторомъ А. С. Дембовецкимъ въ 1884 году.

Таково было положеніе края, куда переселился изъ подъ Бѣлгорода, изъ родового помѣстья коренной Русской губерніи, Никита Исаевичъ Черняевъ, сдѣлавшійся піонеромъ Русскаго вліянія среди мѣстнаго забитаго крестьянства и Польскихъ пановъ. Нѣкоторыя біографическія свѣденія о Никитѣ Исаевичѣ Черняевѣ сохранились по его формулярному списку 1786 г., который гласитъ: „Совѣстникъ таможенной экспедиціи, надворный совѣтникъ Никита Черняевъ 40 лѣтъ отъ роду, изъ дворянъ, женатъ на дворянкѣ Надеждѣ Самсоновой, имѣетъ трехъ сыновей Александра, Ипполита и Василія (Петръ и Григорій родились впослѣдствіи), изъ коихъ первый находится въ службѣ въ кадетскомъ корпусѣ, а послѣдніе въ домѣ. Вступилъ на службу 14 Января 1758 г. Въ вѣдомствѣ Коллегіи Экономіи при экономическихъ дѣлахъ 1763 г. 17 Марта. Тѣмъ же чиномъ въ коммисіи тогда учрежденной по имянному указу на границѣ по жалобѣ Польскаго шляхетства на купца Акатова съ товарищи 1770 г. Апр. 14. А изъ оной истребованъ въ Могилевскую губернію провинціальнымъ протоколистомъ 1773 г. провинціальнымъ секретаремъ и губернскимъ секретаремъ 1774 г. Въ Могилевской верхней расправѣ 1-го департамента стряпчимъ 1778 г. Титулярн. совѣтникъ 1781 г. Колежскій ассесоръ 1781 г. Въ палатѣ совѣтникъ 1782 г. Надворный совѣтникъ 1783 г.“ Подлинникъ подписалъ Петръ Пассекъ, генералъ-аншефъ. Когда черезъ 10 лѣтъ по присоединеніи Бѣлоруссіи, Екатериной былъ изданъ указъ 15-го Февраля 1782 г. объ укрѣпленіи границъ Могилевской губерніи, то въ мѣстечкѣ Толочинѣ, (отстоящемъ нынѣ въ трехъ верстахъ отъ станціи того же наименованія Московско-Брестской ж. д.), была учреждена таможня, и мѣстечко, какъ пограничное, было укрѣплено.

Въ XVII вѣкѣ Толочинъ принадлежалъ Сапѣгамъ. Въ 1664 г. Левъ Сапѣга основалъ здѣсь костелъ, школу и больницу для бѣдныхъ. Во время войны за Малороссію въ этомъ мѣстечкѣ не разъ стояли Русскія войска.

Черезъ Бѣлоруссію шла повидимому значительная торговля, что видно по вѣдомостямъ присланнымъ изъ Толочинской таможни за Январь 1783 г. Никитой Исаевичемъ Черняевымъ о привозныхъ и отправленныхъ за границу товарахъ, за которые было взято пошлинъ болѣе десяти тысячъ рублей. Объ этомъ упоминаетъ въ благодарственномъ письмѣ своемъ изъ Петербурга къ Никитѣ Исаевичу графъ Александръ Воронцовъ, съ которымъ послѣдній былъ въ постоянной дѣловой перепискѣ.

До своего назначенія начал[illegible]аможни Никита Исаевичъ былъ, по имянном[illegible]ат[illegible]ества повелѣнію, отпра-

вленъ по границамъ для наблюденія за потаеннымъ провозомъ товаровъ въ Бѣлоруссію. П. Б. Пассекъ въ рапортѣ своемъ Правительствующему Сенату, свидѣтельствуя о прекрасно-выполненномъ имъ порученіи, испрашиваетъ ему за это награду по службѣ. Назначенный же начальникомъ таможни Никита Исаевичъ повидимому исполнялъ ревностно свои обязанности, увеличивая тѣмъ доходы казны и тщательно слѣдя за контрабандой, которая была сильно развита при участіи Евреевъ. Таможенное дѣло въ то время только налаживалось, и потому для правильнаго веденія его требовалась особая бдительность. Никита Исаевичъ былъ поистинѣ неутомимъ на своемъ служебномъ посту, что̀ видно между прочимъ изъ слѣдующаго: освидѣтельствовавъ по книгамъ денежную казну въ Толочинской таможнѣ совмѣстно съ совѣтникомъ Могилевской Казенной Палаты Паскевичемъ (вѣроятно отцомъ будущаго графа Эриванскаго, родомъ тоже Могилевскаго дворянина) Никита Исаевичъ отправился тотчасъ же въ Оршу, верстахъ въ пятидесяти отъ Толочина, и остановилъ тамъ обозъ въ 28 подводъ Московскаго купца Татаринова (только что провезенный черезъ границу) съ тѣмъ, чтобы сличить товаръ его съ таможенными документами. Вѣроятно это задержаніе возбудило неудовольствіе Татаринова, потому что графъ Воронцовъ въ письмѣ своемъ отъ 30-го Ноября 1782 г. пишетъ Никитѣ Исаевичу: „Вы упоминаете, что отъ такого задержанія происходитъ на васъ негодованіе; то на сіе я вамъ скажу, что если бы отъ подобныхъ тому людей и произошла на васъ жалоба, оная бы не инако принята была какъ за единую собственную ихъ затѣю, полагая, что вы конечно ничего иного и не учините, какъ сходственно съ наставленіемъ вамъ даннымъ“. Графъ А. Р. Воронцовъ прибавляетъ, что о поѣздкѣ Никиты Исаевича въ Оршу и о томъ, что̀ онъ тамъ учинилъ было имъ своевременно доложено Государынѣ.

30-го Ноября 1806 года обнародованъ манифестъ о милиціи по случаю временнаго ополченія въ подвижномъ земскомъ войскѣ. Никита Исаевичъ былъ выбранъ дворянствомъ отъ Могилевскаго повѣта тысячнымъ начальникомъ. Вмѣстѣ съ тогдашнимъ предводителемъ дворянства или маршаломъ (какъ они назывались въ Могилевской губерніи), онъ объѣзжалъ по повѣту для набора и формированія батальоновъ, заступая при этомъ отсутствующаго повѣтоваго начальника. Предводитель дворянства письменно засвидѣтельствовалъ, что Никита Исаевичъ „должность сію съ особеннымъ раченіемъ отправлялъ, денно и нощно старался о скорѣйшемъ окончаніи земскаго сего ополченія, не щадя ни здоровья, ни покоя въ немолодыхъ лѣтахъ своихъ“. Отъ главнокомандовавшаго третьей областью князя Голицына изъ Москвы (къ

которой принадлежала и Могилевская губернія) Никита Исаевичъ получилъ увѣдомленіе, что „Его Императорское Величество, желая оставить въ вѣчной памяти у потомства усердіе Россійскаго благороднаго сословія, по случаю временнаго ополченія въ подвижномъ земскомъ войскѣ", жалуетъ участникамъ его золотую медаль, для ношенія ея въ петлицѣ на лентѣ ордена Св. Владимира.

Другихъ подробностей объ этомъ нашемъ прадѣдѣ не сохранилось.

Для продолженія нашего очерка приведемъ дословно „Замѣтки моей жизни", Григорія Никитича Черняева.

„По соединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, отецъ мой по службѣ прибылъ въ Могилевскую губернію, или какъ прежде называлось намѣстничество и въ оной остался навсегда, обзаведясь прочною осѣдлостью, то есть имѣлъ двѣ деревни: одну въ Копысскомъ уѣздѣ, а другую въ Могилевскомъ. Первая называлась Рачча, а фольварокъ при ней Кривая, по имени рѣчки, при которой онъ устроенъ (Кривая, находясь на Виленскомъ трактѣ, отъ Толочина въ десяти верстахъ, по сему вѣроятно и была избрана мѣстопребываніемъ Никиты Исаевича съ семьею, отлучавшагося туда по дѣламъ службы; затѣмъ имѣнье было продано). Другая деревня находится въ 15 верстахъ отъ Кривой по дорогѣ въ Могилевъ и называется Тубышки. Въ 1787 г. Генваря 25-го дня я родился въ фольваркѣ Кривой и имѣлъ уже старшихъ четырехъ братьевъ и двухъ сестеръ. Какъ отецъ мой по службѣ по какому-то важному дѣлу имѣлъ счастіе быть извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ II-й, а также много благодѣтелей изъ важныхъ особъ того времени имѣлъ, какъ то графа Александра Романовича Воронцова, княгиню Дашкову (бывшее ея имѣніе Круглое находится на полпути между Кривою и Тубышками, домъ того времени сгорѣлъ и имѣнье перешло князьямъ Крапоткинымъ), графа Завадовскаго и другихъ (какихъ, не могу припомнить), то старшій братъ мой Александръ и двѣ сестры были приняты въ казенныя заведенія, братъ въ I-й Кадетскій Шляхетный корпусъ, а сестры въ Смольный монастырь".

„При семъ долженъ сказать нѣсколько о братѣ моемъ Александрѣ, находившагося въ I-мъ корпусѣ, котораго директоръ былъ извѣстный графъ Ангальтъ, родственникъ императрицы. Братъ мой прилежаніемъ и поведеніемъ пріобрѣлъ его вниманіе и до того былъ преданъ наукамъ, которыя въ то время отлично преподавались въ семъ единственно хорошемъ военно-учебномъ заведеніи, что окром[illegible]одаваемыхъ въ корпусѣ наукъ, нужныхъ для военнаго и свѣт[illegible]
силъ отца нанимать ему учителя Лат[illegible]
ствіи зналъ очень хорошо. При[illegible]

бывшій въ то время наслѣдникъ престола, великій князь Павелъ Петровичъ желалъ его взять въ свой Гатчинскій полкъ; но братъ, желая служить военную кампанію, въ то время бывшую противъ Персіянъ, просился туда и изъ кадетъ выпущенъ за отличіе ротмистромъ въ Павлоградскій легкоконный полкъ. Тамъ разстроилъ онъ свое здоровье, въ Италійскую кампанію совершенно потерялъ оное и, будучи полковникомъ въ отставкѣ, умеръ отъ чахотки. Графъ Толь въ 1836 г. говорилъ мнѣ, что братъ мой, будучи вмѣстѣ съ нимъ въ корпусѣ, былъ первый кадетъ и выпущенъ на службу съ тремя чинами".

„Обѣ сестры мои вышли въ замужество, одна Марья за генералъ-маіора Завалишина, который былъ адъютантомъ генералиссимуса Суворова, командовалъ Таврическимъ гренадерскимъ полкомъ, былъ Астраханскимъ военнымъ губернаторомъ, потомъ директоромъ департамента путей сообщенія и даже нѣкоторое время, по смерти генерала Деволана, управлялъ сею частію. Былъ онъ человѣкъ ученый, благородныхъ правилъ и совершенно безкорыстный. Его два сына были весьма хорошо образованы, одинъ служилъ въ морской службѣ, а другой, будучи еще кадетомъ артиллерійской школы, въ 1825 году, вовлеченный въ шайку сумасшедшихъ преобразователей Россіи, пострадалъ на вѣки. Старшая сестра, немного позже вышла замужъ за генералъ-маіора Хитрово. У нихъ были двѣ дочери и два сына, оба полковники гвардіи. Генералъ Хитрово въ Италійскую кампанію въ сраженіи подъ Нови, командуя отрядомъ, взялъ въ плѣнъ Французскаго генерала Грушй, который впослѣдствіи былъ маршаломъ Французскимъ".

„Три другихъ старшихъ брата мои Ипполитъ, Василій и Петръ (я оставался дома) были отданы отцомъ въ пансіонъ въ мѣстечкѣ Шкловѣ, къ протоіерею Александру Старынкевичу, весьма ученому и умному человѣку. Въ томъ же пансіонѣ находились и два брата Паскевичи: старшій Иванъ Ѳедоровичъ, нынѣшній фельдмаршалъ, и Степанъ, бывшій, какъ я слышалъ, въ Курскѣ губернаторомъ и уже умершій".

„Напослѣдокъ отецъ нашъ, по совѣту Старынкевича, намѣревался отослать насъ для обученія въ Саксонію въ городъ Лейпцигъ, и для сего о. Старынкевичъ выписалъ оттуда учителя Нѣмецкаго языка, съ которымъ мы должны были отправиться за границу; но не знаю почему, нашъ отъѣздъ довольно замедлился, какъ кажется, что уже была поздняя осень, то чтобы не пропустить время, учитель началъ насъ учить по-
ецки. Я помню, какъ мы смѣялись надъ этимъ Нѣмцемъ, который
ова не зналъ порусски, кашу ѣлъ съ хлѣбомъ, а ветчину съ

солью. Это насъ очень забавляло. Къ несчастію нашему генералъ Зоричъ, любившій отца нашего, жившій въ мѣстечкѣ Шкловѣ, въ двадцати верстахъ отъ насъ, уговорилъ отца отдать дѣтей въ его кадетскій корпусъ, въ то время бывшій въ мѣстечкѣ Шкловѣ, нынѣ 1-й Московскій. Корпусъ этотъ въ то время содержался на иждивеніи генерала Зорича. Въ это время воспитаніе въ этомъ корпусѣ было хорошо: Зоричъ не жалѣлъ для того издержекъ, выписывалъ изъ заграницы хорошихъ профессоровъ*). Нѣкоторые изъ значительныхъ Французскихъ эмигрантовъ были при корпусѣ, какъ-то графъ Клермонтонеръ и еще какіе-то. Трехъ братьевъ моихъ отдали въ этотъ корпусъ, Нѣмца отправили за границу, а я, будучи не такъ здоровымъ, остался дома, а чрезъ годъ поступилъ въ этотъ же корпусъ. При вступленіи на престолъ императора Павла, Зоричъ былъ принятъ въ службу; и въ корпусѣ уже не стало того надзора и ученья, потомъ въ 1798 г. корпусное строеніе сгорѣло. Зоричъ умеръ, и корпусъ поступилъ въ число казенныхъ учебныхъ заведеній. При Зоричѣ кадетъ было до 500 человѣкъ. Составилась изъ малолѣтнихъ рота егерей, поболѣе взрослые составили батальонъ гренадеръ, а самые большіе эскадронъ кирасиръ. Все это одѣто было какъ нельзя лучше; кирасиры на прекрасныхъ, дорогихъ лошадяхъ, аммуниція хорошо сдѣланная, соотвѣтственно возрасту. При корпусѣ было шесть артиллерійскихъ орудій небольшаго калибра и прекрасная музыка. Въ 1799-мъ году корпусъ переведенъ былъ въ Литву, въ городъ Гродно и помѣщенъ въ королевскомъ дворцѣ, огромномъ зданіи. Директоромъ корпуса или какъ тогда называли шефомъ, былъ присланъ генералъ-маіоръ Кетлеръ, человѣкъ образованный, но мало заботившійся о корпусѣ и воспитаніи кадетъ; а потому и происходили тамъ большіе безпорядки“.

Прервемъ на время записки дѣда моего для изображенія Шклова и образа жизни его владѣльца, Зорича. Шкловъ расположенъ на чрезвычайно живописномъ берегу Днѣпра, который ограничиваетъ мѣстечко съ одной стороны, съ другой же оно окаймляется волнистыми холмами, покрытыми лѣсомъ. Отъ былыхъ временъ теперь сохранился рядъ громадныхъ уже погибающихъ липъ, большой каменный костелъ, какое-то странное зданіе съ каланчей и нѣсколько развалившихся каменныхъ домовъ, стоящихъ на теперешнемъ базарѣ. Шкловъ съ начала своего основанія и до сихъ поръ преимущественно Еврейское мѣстечко, раскинувшееся длинною и довольно широ[illegible] Днѣпра. Оно извѣстно своею необычайною [illegible]ъ ко-

*) Сохранившійся планъ профиля к[illegible] доказываетъ, какъ прекрасно преподава[illegible]

торыхъ многіе находятся въ такомъ разрушеніи, что только Еврейская бѣднота способна обитать въ подобныхъ логовищахъ. Шкловъ упоминается въ исторіи впервыя въ 1555 г., когда онъ былъ выженъ Василіемъ Шуйскимъ во время войны Ивана Грознаго съ Польскимъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ. Въ XVI вѣкѣ Шкловъ, съ прилегающими къ нему землями, составлялъ графство Литовскихъ магнатовъ Ходкевичей; городъ былъ укрѣпленъ рвомъ, слѣды которыхъ видны и теперь. Въ подземельѣ Шковскаго костела, по разсказамъ двоюродной тетки моей, было много гробовъ съ костями; въ одномъ изъ нихъ сохранился нетлѣнно рыцарь огромнаго роста въ древнемъ одѣяніи, по преданію послѣдній изъ Ходкевичей. Теперь же въ подземелье никого не пускаютъ, и оно закрыто для любопытствующихъ. Въ 1655 г. Шкловъ былъ разграбленъ казаками послѣ побѣды Русскихъ надъ Литовскимъ гетманомъ Радзивиломъ и вторично опустошенъ, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, войсками Левенгаупта. Въ 1762 г. Шкловъ получилъ отъ короля Августа привилегію на учрежденіе магистрата и печать съ изображеніемъ висящаго безмѣна, что̀ свидѣтельствуетъ о торговомъ его значеніи. Отъ графовъ Ходкевичей Шкловъ перешелъ по наслѣдству сначала къ князьямъ Чарторыжскимъ, а затѣмъ, по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, поступилъ въ число государственныхъ имуществъ. Въ царствованіе Екатерины Великой онъ былъ сначала пожалованъ Потемкину, а въ 1778 г. Семену Гавриловичу Зоричу. Будучи когда-то важнымъ торговымъ пунктомъ въ Сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ шла обширная торговля дорогими заграничными большею частію контрабандными товарами, Шкловъ потерялъ свое значеніе послѣ упраздненія Петербургскаго тракта.

Добрынинъ въ своихъ Запискахъ разсказываетъ, что „какъ только стало извѣстно о переводѣ корпуса въ Гродно, Шкловъ наводнился родителями и воспитанниками изъ разныхъ губерній. Въ день выхода кадетовъ всѣ собрались въ церковь, гдѣ ученый протоіерей Старынкевичъ, взошедши на каѳедру, сказалъ приличное слово и въ концѣ возгласилъ: „Возстани, Зоричъ, воззри на виноградъ, тобою насажденный! Ты въ жизни своей говаривалъ, что не имѣешь кому оставить дѣтей своихъ. Се, монархъ пріемлетъ ихъ подъ свой кровъ и ввѣряетъ ихъ руководству избраннаго имъ мужа“, указывая на генералъ-маіора Кетлера. Тутъ родители, сродники, друзья ихъ схватили юныхъ за головы и всѣ до единой души мужчины, женщины, малолѣтніе, молодые зарыдали въ голосъ. Послѣ выхода кадетъ церемоніальнымъ маршемъ съ музыкою и барабаннымъ боемъ во весь остатокъ дня и цѣлую лѣтнюю ночь слышенъ былъ только непрерывный громъ экипажей, по большой

дорогѣ въ оба пути, подобно какъ въ столичномъ городѣ по улицамъ, черезъ шесть верстъ отъ Шклова до деревни Каменки, гдѣ остановился корпусъ на кантониръ-квартирахъ. Чрезъ все сіе время и разстояніе имя Зорича переносилось громогласно отъ одного къ другому, сопровождаемо выраженіями нѣжныхъ чувствованій и благодарности".

„Шкловъ былъ наполненъ людьми всякаго рода, званія и націй; многіе были родственники и прежніе сослуживцы Зорича, когда онъ служилъ маіоромъ въ гусарскомъ полку и жили на полномъ его иждивеніи; затѣмъ отставные штабъ и оберъ офицеры, не имѣвшіе пріюта игроки, авантюристы всякаго рода иностранцы: Французы, Итальянцы, Нѣмцы, Сербы, Греки, Молдоване, Турки; словомъ, всякій сбродъ и побродяги. Всѣхъ онъ ласково принималъ, столъ былъ для всѣхъ открытъ. Единственно для веселья съѣзжалось даже изъ Петербурга, Москвы и разныхъ губерній лучшее дворянство къ первому Сентябрю, дню его имянинъ и на ярмарки два раза въ годъ, и тогда празднества длились по двѣ недѣли и болѣе. Въ одинъ разъ было три рода благородныхъ спектаклей, между прочемъ Французскую оперу играли княгиня Екатерина Александровна Долгорукая, генералъ-поручица графиня Мелина и другія соотвѣтствующія симъ двумъ особамъ дамы и кавалеры. Балетъ танцовалъ Д. И. Хорватъ съ кадетами и другими. Тутъ давали балы, маскарады, карусели, фейерверки; иногда кадеты дѣлали военныя эволюціи, предпринимали катанья въ шлюпкахъ на водѣ".

Добрынинъ, говоря о жизни Зорича, заканчиваетъ свое повѣствованіе слѣдующими словами: „Миръ твоему праху, благодѣтель бѣдныхъ и сиротъ, Зоричъ, миръ твоему праху! а въ симболъ (символъ)—колода картъ, отъ которыхъ Шкловъ и понынѣ еще не выплатился"*).

Дѣйствительно долго послѣ кончины Зорича процвѣтала картежная игра въ Шкловѣ, и помѣщики еще на памяти отца моего, Михаила Григорьевича проигрывали тамъ часто все свое достояніе.

Имѣя скудныя свѣдѣнія о жизни собственно семьи Черняевыхъ въ то время, мы остановились такъ долго на описаніи обстановки, участниками которой въ качествѣ кадетъ были дѣдъ мой, Григорій Никитичъ и трое братьевъ его. Первые двое скончались, не оставивъ потомства, и свѣдѣній объ ихъ жизни въ семьѣ почти не сохранилось. Старшій изъ нихъ, Ипполитъ былъ на штатской службѣ и похороненъ подъ храмомъ села Тубышекъ; второй, Васил[illegible] былъ красавецъ собою, служилъ въ Преображенскомъ полку. Лю[illegible]вала роль роковой

*) Приведенныя свѣдѣ[illegible] Могил[illegible]-нія составлен. Дембовицкимъ

судьбы въ его жизни: онъ потерялъ сердце и преклонялся предъ лицомъ, отвѣчавшимъ ему взаимной склонностью, но стоявшемъ на недосягаемой для него высотѣ, бросилъ Петербургъ, дослужился до полковничьяго чина и умеръ отъ чахотки. Петръ Никитичъ служилъ, если не ошибаюсь, въ артиллеріи, стоявшей въ Ригѣ и уже на пятомъ десяткѣ жизни женился на сосѣдкѣ по Тубышкамъ, молодой, шестнадцатилѣтней красавицѣ Полькѣ, Кассильдѣ Михайловнѣ Познякъ. Имѣнье ея родителей, Лавки, находилось верстахъ въ пяти отъ Тубышекъ. Сюда влюбленный Петръ Никитичъ, по своеобразной фантазіи, послѣ свадебнаго обѣда въ Лавкахъ, пѣшкомъ привелъ свою молодую красавицу-жену, приготовивъ для нея комнату всю обитую дорогимъ малиновымъ штофомъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ Лавки купили Тубышскіе крестьяне и, какъ водится, распахавъ землю, уничтожили всѣ слѣды старой усадьбы, а по разсказамъ, тамъ стоялъ большой двухъэтажный господскій домъ, гдѣ жилось очень весело и куда съѣзжались окрестные Польскіе помѣщики. Теперь нѣсколько одинокихъ дубовъ посреди обширнаго, квадратнаго поля обозначаютъ мѣсто бывшаго сада, а три почти засохшихъ пруда свидѣтельствуетъ о былomъ стараніи изукрасить однообразную, лѣсистую мѣстность. Недолго прожилъ Петръ Никитичъ съ молодой женой и оставилъ на ея попеченіи двухъ малолѣтнихъ дѣтей. Пристроивъ ихъ въ Смольный институтъ, Кассильда Михайловна часто ѣздила въ Шкловъ и была еще два раза за мужемъ. Третій мужъ ея былъ нѣкто Боркъ, жившій въ своемъ имѣньѣ Рамшинѣ, тоже недалеко отъ Тубышекъ. Въ 1863 году, во время Польскаго возстанія, когда Могилевскій губернаторъ Александръ Петровичъ Беклемишевъ объявилъ крестьянамъ, что за каждаго представленнаго властямъ повстанца имъ будетъ дано денежное вознагражденіе, поселяне схватили старика Борка, положили на дровни и доставили въ Могилевъ, хотя въ мятежѣ, говорятъ, онъ не принималъ участія. Но солоно должно быть приходилась власть Польскихъ помѣщиковъ крестьянамъ, потому что возили ихъ въ города почти повсемѣстно. Имѣнье Борка конфисковано, а самъ онъ сосланъ въ Сибирь. Александра Петровна Черняева, младшая дочь Кассильды Михайловны, въ качествѣ Русской и православной, купила у казны имѣнье своего отчима, въ которомъ мать ея прожила до своей кончины. Я познакомилась съ этой теткой отца моего, когда она была уже дряхлой, согбенной и почти глухой старушкой. При первомъ свиданіи нашемъ она категорически объявила, что не говоритъ порусски, а такъ какъ мы по-польски изъясняться не умѣли, а она сама иностранными языками не владѣла, то волей и неволей ей пришлось выказать свое знаніе нашего отечественнаго нарѣчія.

Прервавъ на время повѣствованіе дѣда моего описаніемъ Шклова и судьбы братьевъ его, возвращаюсь къ его Запискамъ.

„Изъ корпуса основаннаго Зоричемъ, пишетъ онъ, въ 1804 году я былъ выпущенъ въ Ново-Ингерманландскій мушкатерскій полкъ прапорщикомъ. Полкъ квартировалъ въ Подольской губерніи, въ городѣ Могилевѣ на Днѣстрѣ. Въ 1805 году изъ лагерей мы вышли въ походъ къ Австрійской границѣ и въ мѣстечкѣ Радзивиловѣ переправились въ Австрію. За Лембергомъ насъ повезли на почтовыхъ для скорѣйшаго соединенія съ Австрійскою арміей, расположенною при Ульмѣ; но быстрый завоеватель Наполеонъ предупредилъ наше соединеніе и разбилъ или, лучше сказать, уничтожилъ Австрійскую армію, а наши войска, до сорока тысячъ, дошедшія до Бранау, вынуждены были ретироваться. Нами командовалъ славный генералъ Кутузовъ, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ, князь Смоленскій. Эта славная, но тяжкая ретирада при частыхъ битвахъ съ Французами, преслѣдовавшими насъ день и ночь, продолжалась до крѣпости Ольмюца въ Моравіи. Наша армія усилилась приближеніемъ гвардіи, а соединясь съ остатками Австрійскихъ 14 тысячъ, составилась армія до 80 тысячъ, но почти безъ продовольствія. Напослѣдокъ наша армія пошла атаковать Наполеона, остановившагося при городѣ Бринѣ, при мѣстечкѣ Австерлицѣ. Послѣдовало ужасное и несчастное сраженіе и продолженіе непрерывныхъ войнъ, окончившихся паденіемъ Наполеона I-го“.

„Послѣ сей войны полкъ нашъ квартировалъ и формировался въ Полтавѣ, гдѣ я нашелъ хорошаго пріятеля отцу моему, Полтавскаго вице-губернатора Бояринова (былъ принятъ какъ ихъ сынъ), также предводителя дворянства Чернышa, на дочери котораго былъ женатъ братъ Хитрова, мужа моей сестры Юліи. Въ Полтавѣ я былъ боленъ лихорадкою, и всѣ знакомые прилагали усердное стараніе избавить меня отъ этой болѣзни, но ничего не помогало. Полкъ выступилъ въ лагери къ городу Кобелякамъ, гдѣ мы простояли до Октября мѣсяца. Лихорадка меня не оставила, и я, по совѣту хозяина, мѣщанина города Кобелякъ, бросился въ замерзшую уже рѣку и тѣмъ избавился отъ лихорадки.

„Изъ Кабелякъ мы пошли въ Турецкую войну, переправившись за границу въ Могилевѣ Подольской губерніи. Главнокомандующимъ былъ генералъ Михельсонъ, переправились черезъ Днѣстръ въ Молдавію, шли форсированнымъ маршемъ чрезъ горо[illegible] города Рымника, гдѣ нашъ полкъ съ небол[illegible]ядо[illegible]стале наблюденія за крѣпостью Бра[illegible]

На этомъ обрываются З[illegible]

Тяжело было то время, когда Россія вела почти безпромежуточно четыре войны. Дѣдъ мой былъ участникомъ двухъ изъ нихъ и наиболѣе кровопролитныхъ, въ Молдавіи и Валахіи противу Турціи, длившейся шесть лѣтъ, и противу Наполеона.

Наши войска, стоявшія подъ Браиловымъ, въ теченіи двухъ дней 23-го и 24-го Мая 1807 года разбили и прогнали Турокъ изъ подъ этой крѣпости, за что Григорій Никитичъ былъ награжденъ Анною 4-го класса. Въ слѣдующемъ году 24-го Марта онъ былъ въ дѣлѣ подъ крѣпостью Журжею, затѣмъ 1810 г., находясь за Дунаемъ, 2-го Августа осаждалъ укрѣпленіе Краово и наконецъ принималъ участіе при взятіи Брегова. За эту кампанію онъ получилъ послѣдовательно три чина и къ началу Наполеоновскихъ войнъ былъ уже штабсъ-капитаномъ, имѣя всего двадцать пять лѣтъ отъ роду, достигнувъ этихъ отличій своей боевой доблестью.

Нашествіе Наполеона особенно тяжело отразилось на Могилевской губерніи, стоявшей на пути иноплеменниковъ. Въ Могилевѣ стоялъ корпусъ подъ начальствомъ маршала Давў, а Польскій генералъ Пакошъ былъ вторымъ послѣ него лицомъ. Католическое духовенство и шляхство встрѣчало Французовъ повсемѣстно съ распростертыми объятіями. Григорій Никитичъ впервыя сразился съ Французами подъ деревнею Солтановкою недалеко отъ Могилева, гдѣ произошло кровопролитнѣйшее сраженіе.

Вотъ какъ описываетъ этотъ бой очевидецъ тогдашнихъ событій, игуменъ Орестъ: „Іюля 11-го, по утру маршалъ Даву и генералъ Мортье съ пятью дивизіями атаковали авангардъ князя Багратіона. Авангардъ сей предводимъ былъ генералъ-лейтенантомъ Раевскимъ, и когда Раевскій началъ по Быховскому тракту подходить къ Могилеву, то Французы, бывшіе въ Могилевѣ, встрѣтили его съ Юга, и началось сильное сраженіе 11 числа до восхода солнца, а потомъ подъ деревнею Солтановкою продолжалось чрезъ весь день безпрерывно до самой ночи. Во время сраженія онаго генералъ Платовъ, переправясь на лѣвую сторону Днѣпра, пониже мѣстечка Дашковки, съ войкомъ казацкимъ, проходилъ южною стороною по деревнямъ, минуя Могилевъ, къ Смоленску. Послѣ онаго Дашковскаго сраженія привезено изъ Дашковки въ Могилевъ раненыхъ Французовъ до пяти тысячъ человѣкъ, и по сознанію самихъ же Французовъ, на томъ сраженіи убитыхъ было до пяти же тысячъ Французской арміи, столько е и Россійской арміи раненыхъ и убитыхъ, какъ утверждали Фран-ы. Во время сего сраженія слышны были не только пушечные ывные выстрѣлы, но и ружейные, и видѣнъ былъ изъ Моги-

лева надъ мѣстомъ сраженія отъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ большой дымъ надъ Россійскою арміею, такой же и надъ Французскою, и издали казалось, будто бы лѣсъ горѣлъ. По окончаніи того сраженія изъ Могилева посланы были мѣщане Могилевскіе къ мѣстечку Дашковкѣ и деревнѣ Солтановкѣ на мѣсто сраженія для погребенія убитыхъ Французовъ и Россіянъ".

Четырехмѣсячное пребываніе Французовъ въ Могилевской губерніи раззорило ее на $33^1/_2$ милліона руб. асс. Когда непріятель потянулся къ Москвѣ, покидая край, онъ обезпечилъ свой тылъ учрежденіемъ военныхъ командъ или охранъ, какъ называли ихъ Поляки. Эти охраны спасли Могилевскую губернію отъ грабежа и насилій Французскихъ мародёровъ и были частію учреждены также съ цѣлію оградить ксендзовъ и Польскихъ помѣщиковъ, опасавшихся возстанія крестьянъ и городскихъ православныхъ обывателей, среди которыхъ они составляли незначительное меньшинство.

Романовскій въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ, что съ уходомъ Французовъ жители городовъ снова стали сбираться въ кружки, ведя оживленные толки, а услужливые факторы, Евреи, безъ которыхъ ни одинъ порядочный домъ обойтись не могъ, разносили въ видѣ живыхъ газетъ разныя новости и слухи, служа и нашимъ, и вашимъ, смотря, откуда вѣтеръ дуетъ. Когда установилась зима, вслѣдъ за войсками черезъ Чаусы къ Могилеву потянулись обозы съ запасами для войскъ. Въ городѣ былъ возстановленъ прежній порядокъ, и управленіе губерніей вручено графу Дмитрію Алексѣевичу Толстому*).

Тяжело должно быть было на душѣ Григорія Никитича Черняева, доблестно сражавшагося въ рядахъ Русскаго войска, трепетавшаго за участь роднаго гнѣзда со всѣми дорогими его сердцу родными.

Послѣ Солтановки, та часть, въ которой онъ служилъ, была направлена къ Смоленску, куда стянулись войска подъ начальствомъ Барклая-де-Толли и Багратіона. 4-го Августа подъ стѣнами Смоленска Григорій Никитичъ былъ раненъ въ лѣвую руку, за что получилъ Анну 3-ей степени.

Изъ страшнаго трехдневнаго Бородинскаго боя дѣдъ мой вышелъ невредимымъ. Его произвели въ штабсъ-капитаны. Затѣмъ наши войска слѣдовали за отступавшимъ непріятелемъ вплоть до Вильны, давъ ему на пути два большихъ сраженія при Маломъ Ярославцѣ, гдѣ дѣдъ мой получилъ Владимира и при городѣ Красн [illegible]одъ которымъ кровь

*) Смотри описаніе Могилевской губерніи, Д[illegible]

лилась въ теченіи двухъ дней. За это послѣднее дѣло Григорій Никитичъ былъ награжденъ золотой шпагой съ надписью за храбрость.

Затѣмъ его Новоингерманландскій полкъ перешелъ границу, прошелъ черезъ герцогство Варшавское, Пруссію и Силезію и достигъ владѣній короля Саксонскаго, гдѣ перваго Октября, на Покровъ, дрался подъ Дрезденомъ, а вскорѣ затѣмъ принялъ участіе въ трехдневномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ.

Черезъ Ганноверъ, онъ дошелъ до крѣпости Везеля, которая была имъ обложена блокадой съ 7-го по 29-е Января 1814 г. 16-го Февраля наши войска достигли уже предѣловъ Французской имперіи и, переправившись черезъ Рейнъ, полкъ моего дѣда участвовалъ при взятіи и сдачѣ городовъ Суассона, Краона и Лаона. Походъ былъ увѣнчанъ покореніемъ столицы Франціи, куда вступилъ въ рядахъ своего полка и дѣдъ мой.

Вернулся онъ въ Россію со своею частію черезъ Сѣверъ Франціи, черезъ Бельгію и Царство Польское, проведя цѣлыхъ шесть лѣтъ въ скитаніяхъ военной жизни за границей. Начавъ свою боевую службу 1807 г. двадцати лѣтъ отъ роду подъ Брайловымъ, онъ съ тѣхъ поръ принималъ участіе въ наиболѣе кровопролитныхъ сраженіяхъ. Во Франціи Григорій Никитичъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, занималъ должность военнаго губернатора Люневиля, главнаго города Лотарингіи. Въ бумагахъ дѣдушки сохранился любопытный документъ съ литографированнымъ гербомъ Люневиля (щитъ, украшенный тремя лиліями, окаймленный знаменами и увѣнчанный герцогской короной), который свидѣтельствуетъ что „господинъ Черняевъ, маіоръ Новоингерманландскаго полка, двѣнадцатой дивизіи, будучи военнымъ губернаторомъ города, своимъ усердіемъ, дѣятельностью и благонамѣреніемъ, которыми онъ былъ воодушевленъ, доставилъ жителямъ совершенное спокойствіе, полную неприкосновенность ихъ личности и имущества, принимая во вниманіе согласно обстоятельствамъ различныя требованія и пріобрѣтя такимъ образомъ уваженіе властей города, имѣвшихъ съ нимъ дѣло и всѣхъ его знавшихъ“.

(Nous, maire de Lunéville, département de la Meurthe, certifions, que m-r le major Tcherniaeff, de la 12-e division d'infanterie impériale Russe, régiment Novo-Ingermanlanski a eu le commendement militaire de cette place depuis le 16 Octobre 1815 jusqu'à ce jour. Que ce chef recommandable par son zèle, son activité et le bon esprit dont il était animée, a procuré aux habitans la tranquilité la plus parfaite et l'avantage inapréciable de voir respecter les personnes et les propriétés. Qu'il a écouté les réclamations de tous, y a fait droit suivant les circonstances,

et de manière a se mériter l'estime des autorités, ayant à correspondre avec lui, et la considération de ceux qui l'ont connu. En foi de quoi nous avons signé le présent certificat pour servir ce que de droit. A Luneville en Mairie, le 18 Décembre 1815).

„Когда Императоръ Павелъ", писалъ болѣе полувѣка спустя въ одной изъ своихъ замѣтокъ М. Г. Черняевъ, „послалъ на Альпы наши войска противъ Французовъ, чтобы спасать престолы. Русская армія возвратилась съ убѣжденіемъ, что Французы народъ славный, а Англичане и Нѣмцы, которые были нашими союзниками, народъ не надежный". Тоже благопріятное впечатлѣніе о Французахъ вынесли наши войска послѣ взятія Парижа и Вѣнскаго конгресса, и въ частности Новоингерманландскій полкъ послѣ пребыванія въ Люневилѣ, гдѣ между побѣдителями и побѣжденными установились наилучшія отношенія.

Двигаясь далѣе на возвратномъ пути въ Россію, полкъ остановился на нѣкоторое время въ небольшомъ городкѣ Лекенца, въ сѣверномъ департаментѣ (département du Nord), гдѣ Григорій Никитичъ женился на восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, Эсфири Лекюйе, дочери бывшаго мера этого городка. О томъ, какова была избранная имъ спутница жизни въ то время, мы можемъ судить по небольшому овальному ея портрету, писанному акварелью. Бабушка изображена на немъ въ красномъ платьѣ, облегающемъ красивый станъ и стройную талію; красивыя плечи выступаютъ изъ низко вырѣзаннаго лифа, а на тонкой, длинной шеѣ покоится изящная бѣлокурая головка съ тонкимъ профилемъ и голубыми глазами, волосы высоко приподняты на маковкѣ большимъ гребнемъ, украшеннымъ красными кораллами подъ цвѣтъ платья. Родители и почтенная и многочисленная родня молодой дѣвушки въ началѣ противились этому браку, представляя ей на видъ оторванность отъ родной семьи при переселеніи въ далекую и чуждую ей Московію; однако всѣ увѣщанія оказались напрасными, она всею душей привязалась къ доблестному Русскому воину и настояла на своемъ. Бракъ ихъ былъ проникнутъ горячей взаимной привязанностью, прерванною смертью дѣда моего въ 1869 г. Вѣнчаніе по православному чину состоялось въ посольской церкви въ Брюсселѣ, ближайшей къ городку Лекенца, по католическому обряду въ мѣстномъ городскомъ соборѣ, въ мееріи же былъ подписанъ брачный контрактъ. Приведемъ переводъ подлинника; „Выписка изъ книги гражданскихъ актовъ города Лекенца за 1818 годъ. Изъ вышеназванной книги видно, что господинъ Марія (?), Григорій Черняевъ, кавалеръ различныхъ орденовъ, маіоръ Новоингерманландскаго полка, стоящаго въ городѣ того же наименованія, родившійся въ Могилевѣ (Бѣлоруссіи) 27-го Января

1788 г., сынъ покойнаго Никифора (?), статскаго совѣтника въ Россіи и кавалера и Надежды Самсоновой, и дѣвица Любовь-Эсфирь-Шарлотта Лекюйе, родившаяся въ семъ городѣ 10-го Флореаля, VIII-го года, дочь Филиппа-Іосифа Лекюйе, бывшаго мера сего города, члена выборнаго совѣта Сѣвернаго департамента, внесеннаго въ списокъ выборныхъ департамента въ палату депутатовъ и Любви-Генріетты Бюро, сочетались бракомъ одиннадцатаго Ноября 1818-го года".

Въ 1902 году съ двумя моими сестрами я посѣтила мѣсто рожденія бабушки, городокъ Лекенца, по сосѣдству съ которымъ въ различныхъ городахъ Сѣвернаго департамента проживаютъ потомки ея многочисленной родни. Вездѣ насъ принимали съ сердечнымъ радушіемъ. Желая показать намъ подлинную брачную запись нашихъ дѣда и бабки, одинъ изъ нашихъ родственниковъ съѣздилъ въ меерію Лекенца, чтобы заблаговременно отыскать и приготовить старыя списки. Это было въ разгаръ Франко-Русскихъ симпатій, почему тогдашній меръ города съ свойственной Французамъ любезностью устроилъ намъ торжественную встрѣчу. Ночью, наканунѣ нашего пріѣзда, на улицахъ были воздвигнуты арки съ надписями, выражающими сочувствіе Франко-Русскому союзу. Къ вокзалу желѣзной дороги, гдѣ собралось много народу, была подана одна изъ немногочисленныхъ каретъ города, принадлежащая меру; въ мееріи при нашемъ входѣ музыка заиграла Русскій гимнъ. Меръ презентовалъ намъ цвѣты и бѣлые хлѣбцы, долженствовавшіе изображать Русскую хлѣбъ-соль, и затѣмъ, поднявъ бокалъ, привѣтствовалъ насъ рѣчью, гдѣ вспоминались родители бабушки и выражались пожеланія долгоденствія союзу Русскаго народа съ Французскимъ. Видно было по всему, что семья бабушки, члены которой уже всѣ разсѣялись по различнымъ болѣе значительнымъ городамъ Франціи, оставила въ Лекенцѣ по себѣ добрую память. Мы посѣтили также двухъэтажный небольшой домъ Филиппа Лекюйе, стоящій на городской площади, и обширный соборъ, росписанный пестрыми арабесками, гдѣ совершалось бракосочетаніе дѣвицы Лекюйе съ маіоромъ Новоингерманландскаго полка Г. Н. Черняевымъ. Говорятъ, городъ мало съ тѣхъ поръ измѣнился. Мирное полуфранцузское, полуфламанское населеніе продолжаетъ жить прежнею, тихою провинціальною жизнью. Окрестности города изобилуютъ зеленью, своимъ видомъ и флорой напоминаютъ среднюю полосу Россіи и очень сходны съ природой Могилевской губерніи. Отъ городскихъ укрѣпленій остались кое-гдѣ земляные валы, поросшіе вѣтвистыми ивами. Центръ города составляетъ огромная площадь, выложенная, какъ и всѣ улицы и тротуары, тесаннымъ камнемъ, въ промежуткахъ котораго часто проби-

вается яркая, зеленая травка, придающая площади колоритъ мира и покоя. Соборъ, очень обширный, красивой Романской архитектуры, и старинное зданіе ратуши составляютъ главное украшеніе города и площади, среди хорошенькихъ большею частію двухъэтажныхъ домиковъ. Улицы кое-гдѣ разнообразятся вывѣсками скромныхъ магазиновъ; всюду чистота, порядокъ и тишина за отсутствіемъ экипажей и ѣзды по улицамъ. Надоѣла провинціалу эта жизнь, онъ могъ по прекраснымъ шоссированнымъ дорогамъ, обсаженнымъ деревьями въ прежнее время, а нынѣ по желѣзнымъ дорогамъ, проѣхать поразвлечься въ ближайшіе большіе города, каковые Лиль, Валансьенъ, Монсъ, Брюссель и даже Парижъ. Если мы сравнимъ этотъ благоустроенный городокъ съ нашими губернскими безалаберно-грязными и безпорядочными городами, то нельзя не отдать преимущества Французской провинціи. Такова была обстановка, въ которой выросла жена Григорія Никитича Черняева, и жизнь въ Русской и теперь еще глухой деревнѣ должна была, сто лѣтъ почти тому назадъ, показаться ей очень своеобразной.

Много, разумѣется, было пролито слезъ при отъѣздѣ молодыхъ Черняевыхъ изъ Лекенца, такъ какъ бабушка была очень привязана къ своимъ роднымъ, но покидала она отчій домъ не одна: за ней слѣдовала, въ качествѣ слуги и друга, ея однолѣтка и вѣрная наперсница Софи, которую дѣти Григорія Никитича любили и уважали. Съ преданностью и самоотверженіемъ служила эта прекрасная женщина семьѣ Черняевыхъ до самой кончины, раздѣляя заботы бабушки по воспитанію ея осемнадцати дѣтей, изъ которыхъ девятеро достигли преклоннаго возраста, остальныя же умирали во младенчествѣ. Семейныя заботы усугублялись еще тѣмъ, что Григорій Никитичъ часто мѣнялъ мѣста службы, выходилъ въ отставку, поселялся въ деревнѣ и снова поступалъ на службу.

Послѣ свадьбы Григорій Никитичъ намѣревался основаться въ Тубышкахъ, и потому молодымъ супругамъ предстояло длинное и утомительное путешествіе. Прибывъ изъ заграницы въ предѣлы Могилевской губерніи, они должны были ѣхать по проселочнымъ дорогамъ, прорѣзавшимъ безконечные лѣса, тогда почти сплошь покрывавшія губернію. Временами лѣсъ прекращался, и по обѣимъ сторонамъ дороги тянулись открытыя холмистыя пространства, всюду окаймленныя лѣсомъ. Частію приходилось имъ ѣхать по широкимъ дорогамъ съ каменными верстовыми столбами безконечной, прямой лентой уходившими въ даль, обсаженнымъ еще существующими громадными березами. Дороги эти прорѣзали Могилевскую губернію по случаю проѣзда Екатерины Вели-

кой по Могилевской губерніи на Югъ и составляютъ и теперь еще одну изъ красотъ края.

Ко времени пріѣзда Черняевыхъ въ Тубышки, Николай Исаевичъ скончался. Изъ братьевъ же Григорія Никитича тамъ проживалъ только Петръ Никитичъ со своею молодой красавицей женой, Кассильдой Михайловной. Угождая ей, Петръ Никитичъ очень порастроилъ общее состояніе братьевъ и продалъ имѣнье „Кривое". Кассильда Михайловна вздумала даже обижать свою новую молодую и кроткую родственницу: но вѣрная Софи энергично вступилась за ея выгоды, давъ отпоръ несправедливымъ притязаніямъ.

Григорій Никитичъ, послѣ вскорѣ послѣдовавшей смерти брата своего, сталъ хозяйничать и улучшать растроенное имѣніе; Кассильда же Михайловна, овдовѣвъ, навсегда покинула Тубышки. Хотя съ тѣхъ поръ ничто уже не нарушало семейнаго покоя бабушки, она скучала въ деревнѣ и тосковала по своимъ роднымъ во Франціи. Вѣроятно молодую Француженку поражали бѣдность и неопрятность ея крѣпостныхъ подданныхъ, ихъ курныя хаты и порождаемыя всѣмъ этимъ болѣзнь глазъ, которая и теперь очень распространена среди Бѣлоруссовъ, несмотря на значительно улучшенныя гигіеническія условія. Старики, знавшіе бабушку, помнили, что она убѣждала крестьянъ при всякомъ удобномъ случаѣ соблюдать опрятность, какъ необходимое условіе для сохраненія здоровья.

2-го Января 1820 г. черезъ годъ съ небольшимъ послѣ женитьбы, Григорій Никитичъ просился въ отставку и былъ уволенъ отъ службы за раною, по высочайшему повелѣнію, въ чинѣ подполковника. Лѣтъ пять прожилъ онъ занимаясь хозяйствомъ въ деревнѣ, гдѣ жена родила ему въ 1821 г. первенца-сына, названнаго Филиппомъ въ честь отца ея, Филиппа Лекюйе. Затѣмъ въ 1824 году, подъ вліяніемъ ли жены, скучавшей въ глухой деревушкѣ, подъ давленіемъ ли сильно растроеннаго братомъ состоянія, при увеличивавшемся семействѣ, онъ былъ назначенъ въ городъ Измаилъ полицмейстеромъ, получилъ за время своего тамъ пребыванія Анну второй степени съ алмазами и по предписанію Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, князя Воронцова перемѣщенъ на должность Бессарабскаго оберъ-форштмейстера.

Здѣсь, въ Бендерахъ, у Черняевыхъ родились дочь Александра и сынъ Михаилъ, слабенькій и болѣзненный мальчикъ, о рожденіи котораго при поступленіи его въ кадетскій корпусъ было выдано слѣдующее свидѣтельство:

По указу Его Императорскаго Величества, изъ Кишиневской

Духовной Дикастеріи, вслѣдствіе прошенія отставнаго полковника Григорія Никитича, сына Черняева, выдано сіе свидѣтельство за подписомъ и съ приложеніемъ печати, сыну его Михаилу, для представленія онаго при поступленіи въ корпусъ въ томъ, что актъ рожденія и крещенія его по метричнымъ Бендерской соборной Преображенской церкви книгамъ состоитъ записанъ такъ: № 26. Тысяча восемьсотъ двадцать седьмаго года, Октября двадцать втораго дня, Бессарабскаго областнаго оберъ-форштмейстера, подполковника Григорія Никитина сына Черняева, Православнаго исповѣданія, и законной жены его Шарлотты Филиповой дочери, Католическаго исповѣданія, родился сынъ Михаилъ, котораго города Бендеръ умершій протоіерей Григорій Глижинскій молитвовалъ, а крестилъ управляющій Бендерской протопопіею, протоіерей Ѳедоръ Перепяткевичъ, тысяча восемьсотъ двадцать восьмаго года, Апрѣля тринадцатаго дня. Воспріемниками были Бендерской инженерной команды командиръ, подполковникъ и кавалеръ Григорій Петровъ сынъ Черкасовъ и воспріемница жена генералъ-маіора и кавалера Тимофѣя Иванова сына Збіевскаго, Анна Иванова дочь Збіевска. Кишеневъ, Маія 14 дня, 1829-го года.

Вскорѣ послѣ рожденія сына Михаила, Григорій Никитичъ, уступая желанію жены повидаться съ родными, беретъ годовой отпускъ въ предѣлы Французскаго королевства и со всей семьей отправляется въ далекое и трудное путешествіе. Пріѣхавъ во Францію, Черняевы посѣтили не только стариковъ Лекюйе, жившихъ въ Лекенуà, но объѣздили родственниковъ въ ближайшихъ городахъ. Во время этого путешествія, въ Валнеснѣ родилась младшая и любимая сестра Михаила Григорьевича Елисавета.

Едва успѣвъ вернуться къ мѣсту своей службы, въ Бендеры, Григорій Никитичъ черезъ годъ снова беретъ четырехмѣсячный отпускъ во Францію, послѣ чего выходитъ въ отставку и поселяется въ Тубышкахъ вплоть до своего назначенія начальникомъ города Бердянска, въ 1835 году. Свое послѣднее пребываніе въ деревнѣ онъ ознаменовалъ построеніемъ небольшаго каменнаго храма во имя Святителя Николая на могилахъ своихъ родныхъ и убѣдилъ мѣстныхъ крестьянъ, тогда поголовно причислявшихся къ уніатскому толку, вернуться къ вѣрѣ своихъ предковъ, „перейти въ Православіе“. Архитектурнымъ образцомъ для него послужилъ каѳедральный Іосифовскій соборъ въ Могилевѣ, построенный въ чистомъ Греческомъ стилѣ, украшенный колоннами, съ однимъ круглымъ, вѣнчающимъ его куполомъ. Тубышской храмъ стоитъ неподалеку отъ помѣщичьяго дома, на небольшомъ, овальнаго вида холмикѣ, обсаженномъ кругомъ липами и березами. Изъ подъ нихъ открывается прекрасный, полный спокойствія и мечтательности видъ на зеленые пригорки и [illegible]и, на миніатюрную долинку

небольшой рѣчки Вабича, протекающей неподалеку мимо холмика съ восточной стороны и на расположенныя вправо по ней крестьянскія хаты, длинной вереницей уходящія вдаль.

Храмъ Божій Григорій Никитичъ снабдилъ цѣнной утварью и всѣмъ необходимымъ и выдѣлилъ изъ своего имѣнья участокъ для причта, построивъ для него помѣщенье. Въ храмѣ, въ память отца своего, имъ была помѣщена икона Св. Никиты Исповѣдника налѣво отъ сѣверныхъ вратъ, а подъ нею мѣдная доска, на которой позднѣе вырѣзанъ гербъ Черняевыхъ съ слѣдующею надписью: „Подъ храмомъ симъ погребены рабы Божіи изъ рода Черняевыхъ Исаія, Никита, Надежда, Ипполитъ. Упокой Господи души ихъ и сотвори имъ вѣчную память. 1851 г. 30 Генваря".

Коснувшись церкви села Тубышекъ, будемъ продолжать дальнѣйшее описаніе ея судьбы. Послѣ Крымской войны, проживавшій въ Бердянскѣ съ 1835 г. Григорій Никитичъ поручилъ сыну своему, Михаилу Григорьевичу продать Тубышки, которые переходили съ тѣхъ поръ изъ рукъ въ руки до 1887 г., когда Михаилъ Григорьевичъ снова пріобрѣлъ это имѣнье и засталъ мѣстный храмъ въ печальномъ видѣ, такъ какъ Поляки-помѣщики, разумѣется, о немъ не заботились. Цѣнная утварь, пожертвованная Григоріемъ Никитичемъ, была замѣнена оловянной, убранство и ризница храма обветшали до крайности, отъ домовъ причта не осталось и слѣда. Приходъ, въ печальную эпоху сокращенія приходовъ въ 70 годахъ, былъ упраздненъ, и церковь приписана къ сосѣднему приходу. Купивъ имѣнье въ 1887 г., покойный отецъ мой тотчасъ же сталъ ходатайствовать о возстановленіи самостоятельнаго прихода, обязуясь построить дома для причта и отвести потребное количество земли подъ ихъ усадьбы. Онъ получилъ отказъ на свою просьбу подъ предлогомъ малой доходности прихода. „Мудрено ли, что штунда и невѣріе ростутъ при такомъ отношеніи къ дѣлу духовнаго вѣдомства?" надписалъ онъ на полученномъ имъ офиціальномъ отказѣ, и обратился вторично къ К. П. Побѣдоносцеву, не теряя надежды на благопріятный исходъ своего добраго начинанія, и только на шестой годъ вторичное его ходатайство было, наконецъ, уважено, и въ Тубышкахъ возстановленъ самостоятельный приходъ съ назначеніемъ причту казеннаго содержанія. До своей кончины отецъ мой съ неусыпнымъ и трогательнымъ вниманіемъ относился къ нуждамъ храма, собственноручно занося въ церковную книгу каждый пожертвованный имъ предметъ. Онъ выписалъ изъ Сербскаго монастыря Св. Романа иконостасъ походной церкви и утварь (даръ Москвичей 1876 г., посланный ему въ Сербію), замѣнивъ ею убогую утварь

сельскаго храма. Тамъ же были имъ помѣщены и другія воспоминанія той достославной эпохи Славянскаго единенія: великолѣпная хоругвь отъ общества Московскихъ хоругвеносцевъ, сдѣланная по точному образцу той, которою благословила Троицко-Сергіева лавра Дмитрія Донскаго на борьбу съ невѣрными; серебряная, крестообразная икона на древкѣ, присланная на поле битвы въ Сербію тою же лаврою и наконецъ небольшая икона Свв. Симеона и Саввы, прекрасной кисти Сербскаго художника, благословеніе митрополита Михаила, (скромный даръ, которымъ очень дорожилъ Михаилъ Григорьевичъ, какъ единственнымъ знакомъ вниманія, полученнымъ имъ изъ Сербіи). Вскорѣ послѣ открытія прихода, онъ замѣнилъ ветхій, деревянный навѣсъ для колоколовъ каменной колокольней, для которой Москвичами, съ С. Т. Морозовымъ во главѣ, былъ пожертвованъ за годъ до кончины моего отца прекрасный звонъ колоколовъ. „Тронутый до глубины души этимъ вниманіемъ Москвичей къ одному изъ самыхъ глухихъ уголковъ нашей обширной родины", писалъ М. Г. „гдѣ я впервыя научился любить ее и гдѣ теперь заканчиваю свои дни, я всею душею присоединяюсь къ прихожанамъ и приношу мою сердечную признательность вамъ, Савва Тимофеевичъ, за то, что вы отнеслись ко мнѣ теперь съ тѣмъ же сочувствіемъ, съ какимъ относился ко мнѣ покойный Тимофей Саввичъ". Колокольня, украшенная башенными часами со звономъ, стоитъ съ западной стороны на самомъ краю холмика, служащаго подножіемъ храму. Отъ прилегающаго къ колокольнѣ каменнаго крыльца внизъ спускается лѣстница къ аллеѣ, обсаженной осиновыми деревьями, ведущей къ небольшому лугу, на которомъ Михаиломъ Григорьевичемъ было выстроено церковно-приходское училище. Обширный классъ его, увѣшанный портретами царствующаго дома Романовыхъ прекраснаго изданія Бороздина (боеваго товарища моего отца по Кавказу) свободно вмѣщаетъ въ себѣ болѣе семидесяти учениковъ. Справа и слѣва отъ школы онъ выстроилъ на свои скромныя средства домà для причта, одѣливъ его усадебной землей.

Года за два до кончины Михаилъ Григорьевичъ былъ занятъ новыми заботами о возстановленномъ его стараніями приходѣ. Построенная его отцомъ церковь по размѣрамъ своимъ скорѣе напоминала часовенку и могла вмѣстить только десятую часть прихожанъ. Онъ задумалъ или выстроить въ бóльшихъ размѣрахъ храмъ по точному образцу существующаго или расширить его пристройкой. Изъ экономическихъ соображеній онъ остановился на послѣднемъ и поручилъ дѣло знакомому инженеру. На этомъ смерть пресѣкла его заботы о храмѣ, возлѣ котораго онъ успокоился вѣчнымъ сномъ. Въ настоящемъ 1908 г.,

въ десятилѣтнюю годовщину кончины Михаила Григорьевича, освященъ преосвященнымъ Митрофаномъ, епископомъ Гомельскимъ, расширенный и перестроенный храмъ села Тубышекъ, частію на средства Св. Синода, частію на мѣстныя пожертвованія. Онъ украшенъ нынѣ, кромѣ прежнихъ хранившихся въ немъ воспоминаній, прекраснымъ иконостасомъ*) и двумя вещественными выраженіями вниманія къ памяти почившаго: иконой Михаила Архангела въ большомъ кіотѣ отъ бывшихъ сотоварищей его по Дворянскому полку (кадетскому корпусу) и серебряной хоругвью, сдѣланной изъ вѣнковъ, со всѣми бывшими на нихъ надписями.

Вернемся къ прерванному нами разсказу.

За послѣдній періодъ пребыванія Григорія Никитича въ Тубышкахъ семья его состояла изъ двухъ сыновей: Филиппа 17 лѣтъ, находившагося въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, Михаила девяти лѣтъ и трехъ дочерей. До освобожденія крестьянъ количество земли въ имѣньи равнялось 1500 десятинамъ, послѣ 1861 г. оно сократилось до 340 десятинъ. Фольварокъ помѣщался между двумя деревнями: собственно Тубышками и деревней Слободкой. Подспорьемъ къ хозяйству служили двѣ мукомольныя мельницы, стоявшія на рѣчкѣ Вабичѣ, протекающей по имѣнью.

Семья помѣщалась въ двухъ небольшихъ деревянныхъ домахъ въ семь-восемь комнатъ. Между этими домами Николай Исаевичемъ былъ выстроенъ каменный глубокій, съ толстыми стѣнами погребъ, въ которомъ онъ, по преданію, хранилъ цѣнныя вещи. Одной стороной дома эти были обращены на обширный дворъ окаймленный хозяйственными постройками и службами, съ другой фруктовымъ и липовымъ садомъ.

Построивъ прежде храмъ, дѣдъ мой сталъ заготовлять кирпичъ для каменнаго дома, предназначивъ для него мѣсто на высокомъ пригоркѣ, съ крутымъ скатомъ къ рѣчкѣ; но, переселившись въ Бердянскъ, такъ и не осуществилъ своего намѣренія; кирпичъ не былъ употребленъ въ дѣло и, размытый дождями, образовалъ небольшой бугоръ на пригоркѣ, теперь уже заросшій травою.

Живя въ своемъ имѣньи, Григорій Никитичъ былъ насадителемъ Русскаго духа въ краѣ исконно-Русскомъ по племенному составу народа и тѣмъ не менѣе былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Польскими помѣщиками. Получивъ воспитаніе въ лучшемъ по тогдашнему времени учебномъ заведеніи, зная языки и много повидавъ въ чужихъ краяхъ во время своихъ долголѣтнихъ странствованій, онъ невольно привле-

*) По рисунку художника Верхотурова и имъ же расписанъ.

калъ въ свой домъ сосѣдей, которые пріѣзжали къ нему выкурить трубку, послушать новостей изъ выписываемыхъ дѣдомъ газетъ и журналовъ и побесѣдовать о томъ что̀ въ „Гишпаніи дѣлается“.

Девятилѣтній сынъ его Михаилъ проводилъ время, какъ почти всѣ дѣти тогдашнихъ помѣщиковъ. Онъ ходилъ на охоту съ отцемъ, вооруженный небольшимъ ружьецомъ, катался на плоту по рѣченкѣ Вабичу со своей младшей и любимой сестрой Лизой, съ которой сохранилъ дружбу до ея кончины, ѣздилъ верхомъ, гулялъ по лѣсамъ и пр. Но уже и въ тѣ годы онъ не только игралъ и рѣзвился, но выказалъ большую охоту къ книгамъ, особенно къ историческимъ сочиненіямъ, любовь къ которымъ никогда у него съ тѣхъ поръ не изсякала. Попавшая въ его руки книга „Ядро Россійской Исторіи“ П. В. Нехочина стала въ то время предметомъ его ревностнаго изученія.

Когда государь Николай Павловичъ торжественно отпраздновалъ на мѣстѣ сраженія двадцатилѣтіе Бородинской годовщины, Григорій Никитичъ поѣхалъ туда, получивъ приглашеніе какъ одинъ изъ участниковъ и взявъ съ собою малолѣтняго сына своего. Вѣроятно боевыя воспоминанія отца, часть которыхъ была воспроизведена передъ глазами впечатлительнаго ребенка на Бородинскомъ полѣ, и чтеніе исторіи подготовляли въ Михаилѣ Григорьевичѣ будущаго военачальника и политическаго дѣятеля.

Въ 1835 г. Григорій Никитичъ снова поступилъ на службу сначала въ Измаилъ, а оттуда черезъ годъ былъ переведенъ на мѣсто старшаго полицмейстера въ Кіевъ, гдѣ начальствовалъ генералъ-губернаторъ Гурьевъ. Въ это время Кіевъ посѣтилъ государь Николай Павловичъ и объявилъ свое монаршее благоволеніе мѣстному полицмейстеру.

Григорій Никитичъ, не рѣшаясь отослать сына своего по слабости здоровья въ Петербургъ въ военно-учебное заведеніе, помѣстилъ его въ Кіевскую классическую гимназію, откуда вскорѣ перевелъ въ гимназію Могилевскую, потому что снова бросилъ службу въ Кіевѣ и поселился въ Тубышкахъ.

Въ этой гимназіи Михаилъ Григорьевичъ дошелъ до третьяго класса, а по знанію Латинскаго языка до изученія Корнелія Непота и запомнивъ изъ него выдержки наизустъ до старости. Этому своему первоначальному знанію одного изъ древнихъ языковъ онъ придавалъ большое значеніе, сочувствуя классицизму, какъ прочному основанію своего дальнѣйшаго образованія.

„Въ 1840 г., пишетъ Михаилъ Григорьевич[illegible] въ своей статьѣ „Наше военное воспитаніе“ (въ „Русск. Вѣстни[illegible]варь 1890 г.)

я взятъ былъ изъ пансіона инспектора въ Могилевѣ и отданъ къ учителю математики Оршанской гимназіи Н., воспитаннику Педагогическаго Института съ тѣмъ, чтобы онъ подготовилъ меня въ Дворянскій полкъ. Передъ Рождествомъ меня взяли въ деревню. Когда я возвратился въ Оршу послѣ праздниковъ, я не засталъ уже Н. Меня отдали въ пансіонъ къ М., гдѣ я пробылъ до Святой, такъ какъ отецъ мой, опасаясь, что я не выдержу экзамена, рѣшилъ отправить меня заблаговременно въ Петербургъ, въ одинъ изъ приготовительныхъ пансіоновъ, существовавшихъ тогда при каждомъ военно-учебномъ заведеніи".

Съ этихъ поръ Михаилъ Григорьевичъ навсегда покинулъ отчій кровъ, но сохранилъ о Тубышкахъ, гдѣ онъ впервыя позналъ дружбу отца и ласки матери, самыя свѣтлыя воспоминанія. Обстоятельства его жизни сложились такъ, что по окончаніи своего образованія онъ могъ рѣдко и на короткіе сроки посѣщать своихъ престарѣлыхъ родителей, жившихъ въ Бердянскѣ.

Вмѣстѣ съ отцомъ моимъ была отправлена въ Петербургъ младшая сестра его, Елисавета Григорьевна въ лучшій въ то время пансіонъ для дѣвицъ, Заливкиной. Дѣти доѣхали до мѣста назначенія на долгихъ подъ покровительствомъ вѣрной Софи и дядьки, Корнѣя Коноваловa, пережившаго своего питомца и скончавшагося въ Тубышкахъ въ глубокой старости.

Въ Петербургѣ Григорій Никитичъ поручилъ дѣтей своихъ семьѣ генерала Хитрово, женатаго на младшей сестрѣ его, Юліи Никитичнѣ. Михаилъ Григорьевичъ ходилъ къ нимъ въ отпускъ изъ корпуса, чѣмъ и ограничивалось ихъ попеченіе. Генералъ Хитрово, когда-то, во время Италійской компаніи, взявшій въ плѣнъ генерала Груши, былъ вдовецъ и доживалъ вѣкъ на скудную пенсію вмѣстѣ съ двумя уже пожилыми, чопорными и чванливыми дочерьми-дѣвицами. Онѣ убѣдили старика-отца покинуть очень хорошее, занимаемое имъ мѣсто дивизіоннаго командира въ Одессѣ и переѣхать въ Петербургъ, гдѣ оба брата ихъ служили въ гвардіи. Здѣсь же онѣ стали очень тяготиться своимъ матерьяльнымъ положеніемъ, вспоминая былое благополучіе. Свое домашнее хозяйство онѣ вели такъ безпорядочно, что Михаилу Григорьевичу иногда приходилось проводить у нихъ грустные праздники въ нетопленной квартирѣ. Онѣ печально окончили свои дни, получая нищенскую послѣ отца пенсію и постоянно пользуясь поддержкой своего двоюроднаго брата. Михаилъ Григорьевичъ вскорѣ послѣ поступленія въ корпусъ сталъ на отличномъ счету по ученію и по поведенію и былъ произведенъ сначала въ унтеръ-офицеры, а затѣмъ и въ сфрейторы, однако не избѣгъ жестокаго наказанія за куре-

ніе табака. Директоръ корпуса, извѣстный своею жестокостью генералъ П. былъ лишенъ своего мѣста за то, что засѣкъ на смерть одного изъ своихъ воспитанниковъ. Имъ было дано приказаніе, чтобы кадеты ротчасъ послѣ того какъ кончали свое утреннее одѣваніе, въ однѣхъ курточкахъ выходили на дворъ и бѣгали тамъ нѣкоторое время. Одна зима была особенно сурова, что повлекло за собою множество легочныхъ заболѣваній среди кадетъ, и лазаретъ все болѣе и болѣе переполнялся. Главный врачъ рѣшился обратить на это вниманіе генерала П., совѣтуя ему прекратить утреннія прогулки. „Ничего, пусть продолжаютъ" возразилъ на это директоръ. „такъ закаляютъ желѣзо". Подобная система воспитанія дѣйствительно содѣйствовала подбору самыхъ крѣпкихъ организмовъ. Поступивъ въ корпусъ хилымъ мальчикомъ, отецъ мой значительно окрѣпъ тамъ и затѣмъ обладалъ желѣзною выносливостью и здоровьемъ. „Лучшимъ образцомъ военно-учебныхъ заведеній онъ считалъ корпуса Николаевскаго времени, гдѣ жизнь составляла сколокъ съ жизни солдата и гдѣ съ поступленія до производства въ офицеры товарищи не разставались: важное условіе, питавшее духъ единенія въ войскахъ.

О своемъ пребываніи въ корпусѣ Михаилъ Григорьевичъ сохранилъ доброе воспоминаніе: суровость тамошняго воспитанія смягчалась и озарялась личнымъ постояннымъ, неусыпнымъ и поистинѣ отеческимъ вниманіемъ и заботливостью государя Николая Павловича и его брата, великаго князя Михаила Павловича.

Черезъ годъ по отъѣздѣ сына Михаила въ Петербургъ Григорій Никитичъ навсегда покинулъ Тубышки. Онъ, какъ видѣли читатели, часто мѣнялъ мѣста службы и выходилъ въ отставку. Причиной этому былъ его горячій вспыльчивый нравъ, унаслѣдованный и сыномъ, нравъ прямой и честный, никогда не дававшій ему мириться съ малѣйшимъ уклоненіемъ отъ правды.

Князь М. С. Воронцовъ, хорошо его знавшій и цѣнившій по заслугамъ, неоднократно убѣждалъ его снова вступить на службу. Отецъ Григорія Никитича, Никита Исаевичъ имѣлъ постоянныя, непосредственныя дѣловыя сношенія съ графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ, отъ котораго у него сохранилось нѣсколько писемъ. Вѣроятно это и было первоначальнымъ поводомъ сношеній князя Воронцова съ Григоріемъ Никитичемъ. Въ 1841 году онъ былъ вызванъ изъ отставки княземъ Михаиломъ Семеновичемъ, убѣдившимъ его принять мѣсто начальни[illegible] города Бердянска, только что тогда возникав[illegible]ть [illegible]игорій Никитичъ въ запискѣ, озаглавленно[illegible]ердянс[illegible]ываетъ его

возникновеніе, послѣ предварительнаго вступленія, касающагося географическаго и торговаго положенія прибрежной полосы Азовскаго моря.

„1835 г. ознаменовался построеніемъ впервыя немногихъ хлѣбныхъ амбаровъ въ ничтожномъ рыбачьемъ селеніи Бердянскѣ. Названіе усвоено безмолвному, прибрежному уголку, гдѣ изрѣдка показывались зрителю безобразныя жилья человѣческія, разсѣянныя по площади низменно песчаной равнины, очевидно обязанной морю образованіемъ своимъ въ глубинѣ залива, у подошвы господствующей горы средней высоты. Такъ какъ природные Маріупольскіе граждане, стремясь къ умноженію массы дѣлъ своихъ, противоставляли торгующему сословію иностранцевъ не совсѣмъ удобоизбѣжимую преграду, то сіи послѣдніе, въ легчайшее отклоненіе сего, рѣшились испросить у правительства открытіе тамъ (въ Бердянскѣ) таможенной заставы для предназначенной цѣли. Просьба ихъ была уважена; вслѣдъ затѣмъ застава воспріяла свое дѣйствіе въ минувшемъ 1836 г., къ осуществленію каковаго начинанія окончательно содѣйствовалъ его сіятельство, князь М. С. Воронцовъ, учредитель и рачительный покровитель сего вновь возникшаго порта. Между причинами, существенно благопріятствовавшими неукоснительному производству здѣшней коммерціи, слѣдуетъ сдѣлать упоминовеніе о достаточно сложныхъ произведеніяхъ, коими каждогодно снабжается она отъ Нѣмецкихъ поселеній, входящихъ въ составъ нашего уѣзда и въ особенности лежащихъ по теченію рѣки Молочной. Народъ сей, будучи одаренъ умѣренною и дѣятельною природою, въ продолженіи какого нибудь десятилѣтія, путемъ стойкаго и копотливаго труда, успѣлъ создать себѣ вполнѣ заслуживающее соревнованія непоколебимое благосостояніе, слѣдовъ коего тщетно искать у соприкосновенныхъ имъ Ногаевъ, Татарскаго племени. Вблизи Бердянска и въ окружности его безпорядочно разбросаны Ногайскія деревни, обитатели коихъ, безразлично взирая на появленіе въ ихъ землѣ приморскаго портоваго города, возбудившаго отъ усыпленія окрестные народы, остались недоступны цивилизаціи, коснѣя въ первобытной заматорѣлой безпечности своей, пораждающей нескончаемую нищету“.

Въ пятилѣтній періодъ со времени открытія таможенныхъ заставъ въ Бердянскѣ экспортная его торговля, преимущественно вывозъ пшеницы, достигла почти девятнадцати милліоновъ рублей серебромъ.

Много было противниковъ возникновенія Бердянскаго порта, являвшагося соперникомъ Маріуполю, но дальнѣйшая судьба города доказывала вѣрность мнѣнія князя Воронцова и удачный его выборъ

градоначальника, павшій на Г. Н. Черняева, который управлялъ городомъ и портомъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ, до 1855 г., и много трудился и для его благоустройства и для развитія его торговли. Бердянская таможня открыта вслѣдствіе его неотступныхъ ходатайствъ. Волнорѣзъ также обязанъ ему своимъ существованіемъ, хотя строился уже безъ его участія. Онъ первый провелъ среди Бердянскихъ купцовъ мысль о необходимости устроить для мѣстнаго порта молъ и убѣдилъ ихъ учредить четырехъ-копеечный сборъ въ пользу городскаго порта, который былъ высочайше утвержденъ по ходатайству князя Воронцова. Благодаря заботливости дѣда моего, Бердянскъ украсился городскимъ садомъ, который содержался въ такомъ порядкѣ, что князь Воронцовъ, тонкій любитель садоводства, восхищался его насажденіями при своихъ ежегодныхъ посѣщеніяхъ города. Большая соборная церковь была начата и окончена при Черняевѣ. Имъ же въ теченіи двухъ лѣтъ на огромной, пустой площади былъ выстроенъ гостинный дворъ и возведены лучшія въ городѣ постройки. Однимъ словомъ, принявъ въ свое вѣдѣніе нѣсколько рыбачьихъ хижинъ на берегу Азовскаго моря, онъ преобразовалъ это мѣсто къ началу Крымской войны въ благоустроенный по тому времени портовый городъ. Не смотря на тревожное военное время, только въ Маѣ 1855 г., когда непріятельская эскадра показалась на Бердянскомъ рейдѣ, Григорій Никитичъ отправилъ жену свою съ [illegible] за сто верстъ отъ Бердянска въ село Большой Токмакъ, гдѣ семья его прожила до Сентября мѣсяца, самъ же онъ безотлучно находился на своемъ посту. Въ Ноябрѣ того же года, вслѣдствіе [illegible] былъ присланъ [illegible] на его мѣсто. [illegible]

Въ то время какъ Григорій Никитичъ [illegible] Бердянскъ, сынъ [illegible] на Малаховомъ [illegible]

„Ваше превосходительство [illegible]

„Отецъ мой въ 1841 г. вызванъ былъ изъ отставки его свѣтлостью, княземъ Воронцовымъ, въ должность начальника Бердянска, объявленнаго тогда торговымъ городомъ, и находился на этомъ мѣстѣ до конца 1856 г. Въ Крымскую кампанію, какъ только вѣсти о занятіи непріятелемъ Керчи достигли до Бердянска, отецъ мой, испрашивавшій у начальства инструкціи, но, не получавшій ея, убѣдилъ негоціантовъ уступить по низкой цѣнѣ для арміи всю сложенную въ Бердянскѣ пшеницу (около 300 тысячъ четвертей) и донесъ объ этомъ Симферопольскому военному губернатору. Графъ Адлербергъ прибылъ немедленно въ Бердянскъ, самъ условился въ цѣнѣ съ негоціантами и взялъ съ нихъ подписку. Еще разрѣшенія не послѣдовало, какъ непріятельская эскадра вступила въ портъ и чрезъ парламентера требовала учрежденія два раза въ недѣлю базаровъ, чтобы экипажъ могъ закупать для себя свѣжую провизію. Отецъ мой отказалъ ему въ этомъ, ссылаясь на то, что все имущество вывезено и въ городѣ осталась только небольшая часть жителей для наблюденія за домами. Нѣкоторые изъ купцовъ, опасаясь, чтобы отказъ не навлекъ на нихъ участи постигшей другіе города Азовскаго моря, тутъ же вызвались, вопреки словамъ отца моего, доставить сто штукъ порціоннаго скота. Такъ какъ непріятельская эскадра нуждалась только въ ежедневномъ продовольствіи, то парламентеръ потребовалъ всего шесть штукъ. Отказывать долѣе значитъ подвергать городъ со всѣми запасами, сторгованными для арміи, опасности быть сожженными за шесть штукъ скота, которые очевидно не могли принести непріятелю большой пользы, а потому отецъ мой приказалъ доставить требуемый скотъ на счетъ виновныхъ. Обо всемъ этомъ было донесено сейчасъ графу Адлербергу и въ донесеніи не упомянуто даже именъ виновныхъ. Главнокомандующій, освѣдомленный о происшедшемъ черезъ графа Адлерберга, приказалъ немедленно виновныхъ заковать и привести, какъ государственныхъ преступниковъ, въ Симферополь, всѣмъ жителямъ безъ исключенія удалиться изъ города, а отцу моему съ полутора сотнями козаковъ, въ случаѣ покушенія непріятеля, выйти на берегъ и препятствовать силою оружія.

Исполняя повелѣніе главнокомандующаго, семидесятилѣтній старецъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ съ казаками подъ огнемъ непріятеля, въ то время какъ баронъ Ферзенъ, состоявшій при главной квартирѣ, производилъ слѣдствіе въ двадцати верстахъ отъ Бердянска. По слѣдствію этому всѣ причастные къ дѣлу были оправданы; одинъ отецъ мой признанъ виновнымъ: въ ложномъ донесеніи объ измѣнѣ, въ допущеніи безпорядковъ и въ слабости, не соотвѣтствующей съ занимаемой имъ должностью. Не стану опровергать перваго обвиненія: оно

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

своими чадами и домочадцами, жившія въ различныхъ городахъ Таврической губерніи.

Бабушка до конца своей жизни не научилась хорошо говорить по русски, за то дѣти ея свободно изъяснялись на Французскомъ языкѣ; однако сыновья во время пребыванія въ корпусѣ, гдѣ Французскій языкъ не преподавался, теряли способность бѣглой разговорной рѣчи. По внѣшнему же виду бабушка совершенно обрусѣла, носила волосы гладко причесанные на проборѣ, прикрывая ихъ бѣлымъ, гофрированнымъ чепцомъ съ завязками у вòрота. Каждое Воскресенье она ѣздила въ церковь въ экипажѣ, запряженномъ старой бѣлой лошадью, которую держали только для этого. Отдавшись всецѣло мужу и дѣтямъ, она никогда не могла забыть своихъ родныхъ во Франціи и вела съ ними постоянную переписку. На всѣхъ письмахъ ея лежитъ неизмѣнный отпечатокъ грусти о покинутыхъ ею родныхъ и сердечной къ нимъ привязанности, даже на тѣхъ, которыя писались ею двадцать лѣтъ спустя по ея отъѣздѣ. Одинъ изъ ея племянниковъ, семидесятилѣтній старецъ, украшенный красной пегличкой Légion d'honneur, доживавшій свой вѣкъ въ небольшомъ городкѣ Сѣвернаго департамента Дуэ, передалъ мнѣ бережно хранимыя имъ какъ драгоцѣнныя реликвіи письма бабушки моей къ его покойной матери. Приводимъ въ переводѣ одно изъ ея писемъ 1866 года. „Дорогая сестра, спѣшу отвѣтить тебѣ на письмо твое отъ второго Февраля, полученное мною съ великой радостью, возбужденною твоей обо мнѣ памятью. Ахъ, дражайшая сестра, если бы ты знала, какъ я люблю тебя, какъ часто думаю о тебѣ и о всѣхъ твоихъ, и какъ грущу при мысли о томъ, что не имѣю болѣе надежды васъ когда либо увидѣть въ силу громаднаго разстоянія, насъ разъединяющаго, и моего преклоннаго возраста. Я часто удручена тоской, возбуждаемой во мнѣ этими мыслями. Но что дѣлать! Увы, нужно покориться роковой судьбѣ. Но не дашь ли ты мнѣ, дорогая Люба, хоть однажды удовольствіе принять тебя, что̀ доставитъ большую радость мнѣ и всей семьѣ моей. Не откажи мнѣ, дорогой другъ, въ этой просьбѣ. Приди въ объятія обожающей тебя всѣмъ сердцемъ сестры твоей. Если ты часто видишь сестру нашу Лидію, которая живетъ такъ близко отъ тебя (помнитъ ли она еще обо мнѣ?), передай ей и мужу ея выраженіе моей сердечной дружбы. Прошу тебя сообщить мнѣ все, что̀ ты знаешь о нашихъ братьяхъ, сестрахъ, племянникахъ и племянницахъ. Я интересуюсь всѣми, хотя думаю, что большая часть ихъ меня позабыла. Ты желаешь узнать о положеніи каждаго изъ дѣтей моихъ. Мой старшій сынъ, Филиппъ, въ чинѣ маіора, служитъ въ кавалеріи; онъ не женатъ. Мой второй сынъ, Михаилъ,

такъ важно, что не могло бы остаться безъ суда, если бы было справедливо. Допущеніе безпорядковъ опровергается самою невозможностью устранить ихъ, если только они были, съ шестью полицейскими служителями, въ виду непріятеля, въ городѣ, населенномъ иностранцами и водворившимися бѣглыми. Въ чемъ обнаружена слабость его,—не знаю".

„Къ кому отецъ мой ни прибѣгалъ съ просьбой о защитѣ, никто не отказалъ ему въ участіи: доказательство его невинности. Но, томясь болѣе года одними ожиданіями, онъ потерялъ надежду дожить до своего оправданія. Считая себя въ правѣ и обязаннымъ быть ходатаемъ отца своего, я рѣшаюсь обратиться къ вашему сіятельству, прося для него не снисхожденія, а одной справедливости и законнаго возмездія за его полувѣковую безкорыстную службу, за его раны. 19 Января 1857 г. Могилевъ на Днѣпрѣ. Съ искреннимъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства покорный слуга М. Черняевъ".

„Находятъ, что я сталъ очень похожъ на отца моего" (говаривалъ Михаилъ Григорьевичъ подъ старость, и это сходство видимо радовало его) „да и обстоятельства нашей служебной жизни имѣютъ много сходства: и онъ, какъ и я, оканчивалъ свой вѣкъ оскорбленный и обдѣленный".

Дѣду моему послѣ всѣхъ неудавшихся попытокъ добиться правды не оставалось ничего другаго, какъ признать неизмѣнимой совершившуюся по отношенію къ нему несправедливость, хотя нравственно онъ никогда съ нею примириться не могъ. Онъ не разстался съ созданнымъ имъ Бердянскомъ, а продолжалъ жить въ давно уже пріобрѣтенномъ на приданое жены домикѣ съ садомъ. Семья его въ то время состояла изъ старушки жены его, вѣрной и преданной Софи и двухъ малолѣтнихъ дочерей, Надежды и Анны, такъ и оставшихся навсегда при родителяхъ. Остальныя дѣти были разсѣяны по бѣлу свѣту, кто на службѣ, кто со своими мужьями. Младшій сынъ Григорія Никитича Николай былъ посланъ шестилѣтнимъ ребенкомъ изъ Бердянска въ Петербургъ, въ Павловскій малолѣтній корпусъ, гдѣ такъ называемые ротные командиры или воспитатели были женщины. 18 лѣтъ отъ роду онъ былъ выпущенъ за отличіе въ гвардію и тогда впервыя послѣ разлуки посѣтилъ родителей. Пріѣхавъ въ Бердянскъ, онъ сталъ отыскивать родительскій домъ и, встрѣтивъ на пути старика военнаго, обратился къ нему съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ генералъ Черняевъ. Такова была встрѣча престарѣлаго отца съ сыномъ своимъ. Подъ гостепріимный кровъ стариковъ Черняевыхъ въ Бердянскѣ постоянно стекались всѣ дѣти, особенно часто замужнія дочери со всѣми

своими чадами и домочадцами, жившія въ различныхъ городахъ Таврической губерніи.

Бабушка до конца своей жизни не научилась хорошо говорить по русски, за то дѣти ея свободно изъяснялись на Французскомъ языкѣ; однако сыновья во время пребыванія въ корпусѣ, гдѣ Французскій языкъ не преподавался, теряли способность бѣглой разговорной рѣчи. По внѣшнему же виду бабушка совершенно обрусѣла, носила волосы гладко причесанные на проборѣ, прикрывая ихъ бѣлымъ, гофрированнымъ чепцомъ съ завязками у вòрота. Каждое Воскресенье она ѣздила въ церковь въ экипажѣ, запряженномъ старой бѣлой лошадью, которую держали только для этого. Отдавшись всецѣло мужу и дѣтямъ, она никогда не могла забыть своихъ родныхъ во Франціи и вела съ ними постоянную переписку. На всѣхъ письмахъ ея лежитъ неизмѣнный отпечатокъ грусти о покинутыхъ ею родныхъ и сердечной къ нимъ привязанности, даже на тѣхъ, которыя писались ею двадцать лѣтъ спустя по ея отъѣздѣ. Одинъ изъ ея племянниковъ, семидесятилѣтній старецъ, украшенный красной пегличкой Légion d'honneur, доживавшій свой вѣкъ въ небольшомъ городкѣ Сѣвернаго департамента Дуэ, передалъ мнѣ бережно хранимыя имъ какъ драгоцѣнныя реликвіи письма бабушки моей къ его покойной матери. Приводимъ въ переводѣ одно изъ ея писемъ 1866 года. „Дорогая сестра, спѣшу отвѣтить тебѣ на письмо твое отъ второго Февраля, полученное мною съ великой радостью, возбужденною твоей обо мнѣ памятью. Ахъ, дражайшая сестра, если бы ты знала, какъ я люблю тебя, какъ часто думаю о тебѣ и о всѣхъ твоихъ, и какъ грущу при мысли о томъ, что не имѣю болѣе надежды васъ когда либо увидѣть въ силу громаднаго разстоянія, насъ разъединяющаго, и моего преклоннаго возраста. Я часто удручена тоской, возбуждаемой во мнѣ этими мыслями. Но что дѣлать! Увы, нужно покориться роковой судьбѣ. Но не дашь ли ты мнѣ, дорогая Люба, хоть однажды удовольствіе принять тебя, что̀ доставитъ большую радость мнѣ и всей семьѣ моей. Не откажи мнѣ, дорогой другъ, въ этой просьбѣ. Приди въ объятія обожающей тебя всѣмъ сердцемъ сестры твоей. Если ты часто видишь сестру нашу Лидію, которая живетъ такъ близко отъ тебя (помнитъ ли она еще обо мнѣ?), передай ей и мужу ея выраженіе моей сердечной дружбы. Прошу тебя сообщить мнѣ все, что̀ ты знаешь о нашихъ братьяхъ, сестрахъ, племянникахъ и племянницахъ. Я интересуюсь всѣми, хотя думаю, что большая часть ихъ меня позабыла. Ты желаешь узнать о положеніи каждаго изъ дѣтей моихъ. Мой старшій сынъ, Филиппъ, въ чинѣ маіора, служитъ въ кавалеріи; онъ не женатъ. Мой второй сынъ, Михаилъ,

котораго ты видала малымъ и хилымъ ребенкомъ, нынѣ генералъ, состоитъ военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ Туркестанскаго края, который онъ покорилъ. О немъ часто говорятъ Русскія и иностранныя газеты. До сихъ поръ карьера его очень удачна. Вскорѣ онъ долженъ пріѣхать въ Петербургъ, чтобы жениться на дочери покойнаго генерала Вульферта, которую очень хвалятъ во всѣхъ отношеніяхъ. Третій мой сынъ, Николай, поручикъ гвардіи Его Величества. Онъ живетъ въ Варшавѣ уже три года и тоже не женатъ. Старшая моя дочь, Александра, живетъ въ настоящее время подъ однимъ кровомъ съ нами, вмѣстѣ съ своими тремя дѣтьми. Четвертая ея дочь, восемьнадцати лѣтъ, скончалась пять мѣсяцевъ тому назадъ; я не могу ее забыть и часто горько ее оплакиваю, такъ она была мила и интересна. Несчастная ея мать неутѣшна. (Затѣмъ слѣдуетъ опускаемое нами описаніе семейнаго положенія остальныхъ трехъ дочерей). Надѣюсь, что я удовлетворила тебя моими свѣдѣніями и что ты послѣдуешь моему примѣру. Мужъ мой былъ очень тронутъ памятью о немъ, шлетъ тебѣ свой сердечный привѣтъ и мысленно обнимаетъ тебя. Дѣти мои цѣлуютъ у тебя руки и поручаютъ передать тебѣ, что были бы счастливы съ тобой познакомиться. Они просятъ тебя не отказать мнѣ въ этой просьбѣ. Софи тебѣ кланяется. Мы здоровы, хотя и очень уже стары. Прижимаю тебя мысленно къ сердцу моему, цѣлую тебя тысячу разъ. Любящая тебя сестра Е. Черняева".

Григорій Никитичъ дожилъ до глубокой старости и, обладая желѣзнымъ здоровьемъ, не смотря на рану и боевыя труды своей молодости, ходилъ за годъ до своей смерти на охоту, стрѣляя и читая безъ употребленія очковъ. Онъ скончался въ 1869 г., горячо оплаканный женою и дѣтьми. „Мое несчастіе никогда не изгладится изъ моей памяти", писала бабушка во Францію. „Въ подобномъ горестномъ событіи только вѣра и разумъ могутъ насъ поддерживать. Благость Божія не совсѣмъ меня покинула, даровавъ мнѣ такихъ добрыхъ и любящихъ дѣтей, которыя не знаютъ какъ мнѣ выказать свою любовь, успокоить меня и утѣшить мою скорбь. Это придаетъ мнѣ силу и крѣпость побороть мое горе".

Черезъ одиннадцать лѣтъ по смерти мужа своего скончалась и бабушка моя. Послѣдній годъ ея жизни былъ для нея тяжелымъ испытаніемъ: она была парализована и почти потеряла сознаніе. Самоотверженно ухаживавшія за нею дочери ея Надежда Григорьевна и Анна Григорьевна переносили ее съ постели на кресло.

За нѣсколько времени до своей кончины [illegible]а снялся совмѣстно съ женой и съ младшею дочерью Анной [illegible]ной.

фической карточкѣ онъ сидитъ скрестивши ноги въ непринужденной позѣ, держась прямо, положивъ одну руку на колѣно, а въ правой держа большую сигару. Одѣтъ онъ въ военное, просторное, домашнее пальто, шея повязана широкимъ чорнымъ галстукомъ. Общій обликъ лица очень напоминаетъ сына его Михаила Григорьевича. Небольшіе, умные, живые глаза спокойно смотрятъ вдаль. Посѣдѣвшіе, нѣсколько волнистые волосы окаймляютъ голову. Возлѣ него сидитъ бабушка въ домашнемъ широкомъ платьѣ съ бѣлымъ чепцомъ на гладко причесанныхъ волосахъ. Черты лица ея крупныя, спокойныя и нѣсколько расплывшіяся. Смотря на этотъ обликъ, никто не скажетъ, что это иностранка, Француженка. Правой рукой она нѣжно держитъ за руку дочь свою.

Отецъ мой, какъ видѣли читатели, выросъ не въ той исключительно Русской атмосферѣ, которой дышали наши предки въ коренныхъ губерніяхъ Россіи, однако самъ онъ слѣдующимъ образомъ очертилъ свой внутренній обликъ: „Меня встрѣчаютъ, чествуютъ, ласкаютъ; но за что же? Если за взятіе Ташкента, то Ташкентъ не принесъ еще пользы Россіи, ни въ политическомъ, ни въ экономическомъ отношеніи[1]); если за Сербскую кампанію, то Сербскій вопросъ закончился Берлинскимъ конгрессомъ. За что же меня ласкаютъ? Мнѣ думается, за то, что я и думаю, и чувствую, и дѣйствую порусски. Но мыслить, чувствовать и дѣлать порусски, не значитъ ставить Китайскую стѣну между Россіей и Европой. Это не исключаетъ пользы сближенія съ иностранцами. Пускай иностранцы приходятъ къ намъ въ Россію и зарабатываютъ себѣ хлѣбъ на Русской землѣ; но желательно, чтобы иностранцы на порогѣ Россіи оставляли мысль о муштрѣ и не думали учить насъ. Пью за все Русское; душевно желаю, чтобы на Руси прекратились чествованія Русскихъ людей только за то, что они думаютъ и поступаютъ порусски“[2]).

Тубышки.
30 Октября 1908 г.

Антонина Черняева.

---

[1]) По винѣ правителей края. А. Ч.

[2]) Сказано проѣздомъ на генералъ-губернаторство въ Ташкентъ (1882 г.) въ городѣ Самарѣ, въ Коммерческомъ собраніи. А. Ч.

ИЗЪ БЕСѢДЪ СЪ М. Г. ЧЕРНЯЕВЫМЪ.

Въ Іюнѣ 1877 г. фельдмаршалъ князь Барятинскій вызвалъ Черняева въ Петербургъ въ Зимній дворецъ изъ Финляндіи, куда тотъ ѣздилъ по частнымъ дѣламъ своимъ. Фельдмаршалъ въ то время думалъ, что его назначатъ главнокомандующимъ и что предполагается война съ Австріей. У князя Барятинскаго сидѣлъ Обручевъ въ то время, какъ пріѣхалъ Черняевъ. Князь прямо сказалъ Черняеву, что будетъ дѣйствовать съ нимъ, Скобелевымъ и Гуркою. „О каждомъ изъ васъ много толкуютъ и дурного, но до того нѣтъ дѣла: вы составили себѣ имя, а имя—сила, и я желаю ею пользоваться". Прощаясь, онъ сказалъ, что въ скоромъ времени позоветъ къ себѣ. Прошла недѣля, Черняевъ опять пріѣхалъ; но тогда уже все было рѣшено, и князь объявилъ ему напрямикъ, что Государь не хочетъ дать ему команды, ссылаясь на состояніе его здоровья. „Да изволите видѣть: я совсѣмъ здоровъ." —„Знаю, знаю; но у меня будетъ на совѣсти, если ты отъ трудовъ и заботъ опять расхвораешься." Когда фельдмаршалъ уѣзжалъ изъ Царскаго Села, проводить его прибыли весьма немногіе. „Ну теперь, сказалъ онъ Черняеву, мнѣ осталось только сажать тюльпаны!" Въ Февралѣ слѣдующаго года онъ умеръ въ Швейцаріи.

Въ Деревенькахъ, гдѣ Черняевъ еще прежде гостилъ у князя Барятинскаго цѣлый мѣсяцъ, про Д. А. Милютина онъ говорилъ, что онъ дѣйствительно вывелъ его въ министры; но вольно же было Государю дозволить ему сдѣлаться констаблемъ всѣхъ нашихъ боевыхъ силъ? Однажды на Кавказѣ, еще въ скромной долѣ, онъ сталъ мнѣ говорить что, влюбленъ въ меня, но что прежде меня ненавидѣлъ.—„За что же?" —„Вы мнѣ все казались аристократомъ." —„Да за кого же онъ самъ себя считалъ?" прибавилъ князь.

Князь Барятинскій говорилъ Черняеву: „Какъ упалъ духъ въ Русскомъ войскѣ! Не нашлось ни одного генерала, который бы рѣшился ослушаться и занять Константинополь. Чего они боялись? Самое большое наказаніе было бы канделы; но такіе канделы почетнѣе Андреевской ленты." **П. Б.**

СТРАНИЦА ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ЛѢТОПИСИ ЧЕРНЯЕВЫХЪ.

Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія дѣдъ мой, Григорій Никитичъ Черняевъ служилъ оберъ-форшмейстеромъ въ Бендерахъ, гдѣ въ то время появилась чума. Люди мерли какъ мухи, въ горячечномъ бреду иногда вырывались изъ дому и бѣгали по городу какъ безумные, разнося заразу. Для избѣжанія этого, дома, гдѣ, проявлялся больной, окапывались глубокой канавой, въ которой медицинскій обходъ часто находилъ свалившіеся, иногда закоченѣвшіе трупы. Всѣ, и здоровые, и больные сидѣли безвыходно по домамъ, провизія ежедневно развозилась по городу и крючьями подавалась въ окна.

Дѣдушка, вмѣстѣ съ докторомъ, по обязанности службы своей, обходилъ городъ. Для этого оба они облачались въ особенный костюмъ, сдѣланный изъ кожи и вымазанный дегтемъ. Послѣ обхода Григорій Никитичъ омывался и окуривался въ особомъ для этого отведенномъ помѣщеньѣ, смѣнялъ свой мрачный костюмъ на обычное платье и тогда только входилъ къ семьѣ своей, со страхомъ и съ трепетомъ ежедневно ожидавшей его возвращенія. Заболѣвшіе часто падали мертвыми прямо на улицахъ. Особо снаряженные для этого люди, также облеченные въ коженныя, пропитанныя дегтемъ одежды, желѣзными крючьями подымали лежавшіе трупы, складывали ихъ на телѣги и везли за городъ, гдѣ сваливали въ общія ямы-могилы, которыя затѣмъ заливались известью.

Недѣль черезъ шесть, болѣзнь стала стихать, и жизнь по немногу вошла въ обычную колею. Никто изъ семьи нашей не пострадалъ во время этого ужаснаго мора.

Въ это время изъ родового имѣнья Григорія Никитича стали приходить все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти. Братья его, служившіе въ гвардіи, сильно поколебали общее состояніе, требуя значительныя средства на свои расходы. Петръ Никитичъ, управлявшій обоими имѣньями, тоже много тратилъ ради своей молодой красавицы-жены, Польки и продалъ имѣнье Кривую. Дѣдушка мой Григорій Никитичъ рѣшилъ, что такъ далѣе продолжать нельзя, подалъ въ отставку, отправился въ Могилевскую губернію и поселился въ Тубышкахъ съ цѣлью спасти остатки семейнаго достоянія.

Когда князь Воронцовъ вздумалъ замѣнить Маріуполь другимъ торговым портомъ и обратилъ вниманіе для этой цѣли на небольшой приморскій посе локъ Бердянскъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ рыбачьихъ хижинъ, то выбор его палъ на Григорія Никитича, для предпринимаемаго имъ дѣла. Изъ Тубы шекъ, склонившись на призывы князя Воронцова, дѣдъ мой поѣхалъ один и прожилъ въ Бердянскѣ, усердно работая болѣе года. Затѣмъ, нанявъ там лучшій домикъ и обставивъ его по возможности уютнѣе, онъ отправился з семьею и перевезъ въ Бердянскъ жену, дѣтей, вѣрную Софи (добраго геніі семьи) и крѣпостныхъ людей обоего пола для различныхъ по дому услугъ Предусмотрительность дѣдушки касательно устройства семьи своей доходил до такихъ подробностей, что во дворѣ приготовленнаго помѣщенія онъ велѣл насыпать цѣлую гору морскихъ ракушекъ для забавы дѣтей.

Упомянувъ о Софи, не могу не остановиться подробнѣе на этой пре краснѣйшей и преданнѣйшей семьѣ Черняевыхъ личности. Она родилась в состоятельной семьѣ, жившей въ небольшомъ городкѣ Лекенуа, Сѣвернаго де партамента Франціи, гдѣ отецъ бабушки моей Филиппъ Лекюйе былъ меромъ Софи Давась двѣнадцати лѣтъ отъ роду была взята въ домъ родителями ба бушки, гдѣ она выросла въ качествѣ ея друга и оставалась до ея замужества Послѣ свадьбы она должна была сопровождать бабушку въ ея новое отечество Россію, а затѣмъ при случаѣ вернуться обратно во Францію. Приблизительно въ 1829 г., когда отцу моему, Михаилу Григорьевичу, шелъ второй годъ от рожденія, Черняевы поѣхали со всѣми дѣтьми въ сопровожденіи Софи в Францію, въ городокъ Лекенуа, посѣтить любимыхъ и многочисленныхъ род ныхъ бабушки. Будучи слабымъ и болѣзненнымъ ребенкомъ, отецъ мой к тому же сильно заболѣлъ въ дорогѣ. Тогда Софи, неусыпно за нимъ ухажи вавшая, дала обѣщаніе, если онъ выздоровѣетъ, никогда не покидать Россіи Ребенокъ поправился, и Софи, вѣрная своему обѣту, посвятила всѣ силы своег любвеобильнаго сердца семьѣ подруги своего дѣтства. Она очень скоро научи лась говорить порусски и изъяснялась на этомъ языкѣ гораздо лучше бабуш ки. Съ деревенской жизнью она также очень быстро освоилась. Все домаш нее хозяйство, ключи отъ амбаровъ, уходъ и надзоръ за дѣтьми были на ея рукахъ.

И въ настоящее время въ Могилевской губерніи много засѣвается льна, и крестьяне занимаются кустарнымъ производствомъ холста. Неутоми мая Софи занималась и этою отраслью домашняго хозяйства. Въ ея характерѣ счастливо сочеталась необычайная кротость съ большою энергіею. Дочери ба бушки любили ее больше родной матери. Никто и никогда не видѣлъ ее въ сердцахъ, а къ дѣтскимъ шалостямъ она относилась съ нѣжною снисходи тельностью.

Завѣдуя между прочимъ обширнымъ домаш[illegible] птичникомъ, положитъ бывало, она яйца подъ куръ[illegible] же дѣв[illegible]ть ихъ, наберутъ себ полные подолы платьевъ я[illegible]несу[illegible]ріумфомъ къ Софи Та, увидѣвъ это, всплеснет[illegible]ы, мои милыя, ах

вы мои хорошія, что̀ вы надѣлали", но увидѣвъ вытянувшіяся личики маленькихъ проказницъ, тотчасъ сама станетъ утѣшать ихъ. „Ну, разъ дѣло сдѣлано, то эти яйца мы пустимъ въ расходъ по хозяйству, а куръ посадимъ на другія". Тѣмъ все и кончалось. Дѣти были всецѣло отданы на попеченіе Софи, такъ какъ бабушка мало ими занималась. Черезъ нѣкоторое время по пріѣздѣ дѣдушки въ Бердянскъ, когда городъ началъ обстраиваться, а его торговля оживляться, князь М. С. Воронцовъ выразилъ Григорію Никитичу желаніе, чтобы былъ выстроенъ домъ для присутственныхъ мѣстъ. Не получая на это ассигновки и желая немедленно исполнить волю своего начальника, Григорій Никитичъ рѣшилъ строить домъ на приданое жены своей (полученной отъ родителей около тридцати тысячъ франковъ) расчитывая, что казна заплатитъ ему за сдѣланные имъ расходы. Большое, двухъэтажное зданіе было выстроено, пріѣхала коммиссія, и домъ почему-то казною былъ отвергнутъ. Дѣду моему ничего не оставалось, какъ сдѣлаться владѣльцемъ злополучнаго дома и поселиться въ немъ, хотя онъ былъ слишкомъ обширенъ для семьи его и скромныхъ ея средствъ. Большой залъ раздѣлялъ домъ на двѣ половины, въ одной помѣщались дѣдушка съ бабушкой, въ другой дѣти подъ надзоромъ Софи. Дѣти въ малолѣтнемъ возрастѣ приводились къ родителямъ только здороваться, затѣмъ обѣдали и проводили время подъ наблюденіемъ Софи. Дочери, когда подросли, отправляемы были въ пансіонъ, въ Одессу, ближайшій большой городъ, сыновья въ кадетскіе корпуса въ Петербургъ.

Старшій братъ моего отца, Филиппъ, когда окончилъ корпусъ, поступилъ въ полкъ, стоявшій въ Каширѣ. Отецъ мой вмѣстѣ съ сестрой, бывшей на годъ его моложе, двѣнадцати лѣтъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ Дворянскій полкъ, а сестра его въ пансіонъ Заливкиной. Наконецъ, младшаго своего сына, Николая, Григорій Никитичъ отправилъ въ Петербургъ въ малолѣтнее отдѣленіе Павловскаго корпуса, шести лѣтъ отроду. Сцена прощанія была раздирающая: сестры, хотя тоже были малолѣтки, рыдали разставаясь съ крошкой-братомъ. Отвозила дѣтей таже благодѣтельная и неусыпная Софи. Николай Григорьевичъ, послѣ этого впервыя возвратился въ Бердянскъ уже восьмнадцатилѣтнимъ юношей, получившимъ офицерскій чинъ. Въ большомъ залѣ была собрана вся семья, замужнія его сестры съ супругами. Онъ не зналъ никого изъ своей кровной родни. И вотъ, чтобы прервать это тягостнѣйшее положеніе, одна изъ сестеръ его, Елисавета Григорьевна стала по очереди называть всѣхъ присутствовавшихъ. Въ своемъ домѣ Григорій Никитичъ, какъ начальникъ города и порта, гостепріимно и хлѣбосольно принималъ весь городъ. У него же, останавливался пріѣзжавшій часто князь М. С. Воронцовъ. Однажды прибылъ онъ съ супругой своей. Зная любовь князя къ древонасажденіямъ, Григорій Никитичъ отвелъ пятнадцать десятинъ на краю города подъ городской садъ и обратилъ пустынную, песочную полосу въ цвѣтущій, тѣнистый уголокъ. На краю этого сада онъ купилъ себѣ четыре десятины, тоже засадилъ ихъ деревьями и построилъ небольшой домикъ, гдѣ семья его проводила жаркое лѣто, переѣзжая туда на нѣсколько недѣль.

Когда дѣдъ мой пріѣхалъ въ Бердянскъ, вся торговля съ Средиземны
портами шла черезъ Таганрогъ, Ѳеодосію и Маріуполь, отстоящій отъ Б
дянска на 75 верстъ. Но мѣстные Маріупольскіе купцы вели сильную кон
ренцію съ пріѣзжавшими Греками и Итальянцами, которые и устремил
тотчасъ въ Бердянскъ, какъ только тамъ, по ходатайству князя Воронцо
была открыта таможенная застава въ 1836 году. Ничтожная до того отпра
хлѣба въ одинъ годъ возрасла почти до 200.000 тысячъ четвертей зернов
хлѣба. Длинная, въ нѣсколько миль песчаная коса, вдающаяся въ море, об
зуетъ возлѣ Бердянска великолѣпную бухту для стоянки судовъ. Лѣтомъ
позднею осенью городъ оживляется пріѣздомъ иностранцевъ, преимуществен
изъ Грековъ и Итальянцевъ; стали строиться дома, а главнымъ образомъ оди
за другимъ выростали большіе хлѣбные кирпичные амбары, куда изъ ближ
шихъ и дальнихъ мѣстъ, даже изъ Малороссіи, складывалось привозимое зер
Иностранцы жили въ Бердянскѣ лѣтомъ и осенью, а затѣмъ на зиму уѣзжа
во свояси. Городъ оживлялся особенно къ Покрову, когда всѣ полевыя рабо
были окончены. Улицы представляли собою по разнообразію пріѣзжаго лю
самую пеструю картину. Здѣсь встрѣчались Греки, Итальянцы, Нѣмцы-Ко
нисты, переселенные изъ Пруссіи, Армяне, Жиды, Ногайцы, Болгары, Татар
Громадныя площади, окаймленныя низенькими домиками и амбарами,
этому времени почти сплошь заставлялись телѣгами и даже колясками пріѣ
жихъ чумаковъ и поселянъ изъ окрестностей. Волы и лошади отпрягались
паслись на горѣ, то есть на возвышенности, составляющей какъ бы втор
ступень морскаго берега, на нижней, низменной песчаной полосѣ котораго р
положенъ Бердянскъ. Здѣсь скотъ пасся привольно и безплатно, на земля
въ то время не имѣвшихъ хозяина. Днемъ, а особенно ночью, городъ ос
щался множествомъ костровъ, на площадяхъ у каждаго обоза; тутъ пріѣхавш
иногда съ семьями своими варили себѣ пищу. Часто тамъ происходили ссо
и драки, но весьма быстро прекращаемы были однимъ появленіемъ начальст
На главной площади, на которую выходилъ единственный въ то время двух
этажный домъ дѣдушки, находилась небольшая, крытая соломой церковь.
этой церкви вѣнчались сестры Михаила Григорьевича. Неподалеку отъ не
Григоріемъ Никитичемъ былъ заложенъ и выстроенъ большой, прекрасн
архитектуры соборъ. Бабушка ѣздила въ Католическій костелъ, для чего
прягалась большая, старая вороная лошадь, обязанность которой ограничив
лась только этой поѣздкой. Старшій братъ Михаила Григорьевича, Филип
Григорьевичъ, большой шутникъ, увѣрялъ, что для этой лошади и вожж
не нужно: стоитъ ее только запречь, и она сама будетъ знать, куда ей напр
виться.

Ближайшія поселенія къ Бердянску были въ то время заняты Нѣме
кими колонистами и Ногайцами. Эти послѣдніе жили въ землянкахъ, вм
сто крыши покрытыхъ [illegible]. Лѣпимые и безпечные, но очень честные, о
цѣлый день валялись [illegible] жилищ[illegible] обширныя земли въ арен
за самую ничтожную [illegible] ки [illegible] подходили на кучу земл
ныхъ бугорковъ, окр[illegible] [illegible] родными степями. Нѣме

кія колоніи конечно имѣли гораздо болѣе благоустроенный видъ. Тамъ были заведены фруктовые сады, виноградники, выстроены каменные домики крытые черепицей. Болгарскія поселенія тоже отличались благоустройствомъ.

Крымская кампанія, всколыхнувшая всю Россію, мало отразилась на этомъ тихомъ уголкѣ Азовскаго моря; только Григорій Никитичъ, неусыпно трудившійся надъ его процвѣтаніемъ, жестоко пострадалъ. Лѣтомъ, во время Севастопольской обороны, семья Черняевыхъ проживала на дачѣ, возлѣ городскаго сада, какъ вдругъ на рейдѣ появились два иностранныхъ военныхъ судна. Дѣдъ мой немедленно отправилъ семью свою въ степь, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Бердянска, въ село Большой Токмакъ, а самъ со ста пятьюдесятью казаками остался наблюдать за охраной и порядкомъ въ городѣ. Иностранные моряки, увидѣвъ съ борта своихъ кораблей пасущійся на горѣ за Бердянскомъ скотъ, потребовали его (6 головъ) себѣ на дневное продовольствіе. Купцы не осмѣлились отказать имъ въ этомъ и доставили требуемое. Григорій Никитичъ не могъ взять на себя безрасудное распоряженіе воспрепятствовать купцамъ доставить непріятелю скотъ, изъ опасенія, что, въ случаѣ отказа, городъ будетъ преданъ разрушенію и вмѣстѣ съ нимъ погибнетъ громадное количество сложеннаго въ Бердянскихъ амбарахъ зернового хлѣба, уже запроданнаго на продольствіе нашей арміи. На слѣдующій день непріятельскія суда ушли, и дѣдъ мой донесъ обо всемъ происшедшемъ графу Николаю Владимировичу Адлербергу. На это воспослѣдовало распоряженіе отъ главнокомандующаго привести виновныхъ купцовъ въ Симферополь, заковавъ ихъ въ цѣпи, всѣмъ жителямъ Бердянска удалиться изъ города, а дѣду моему со своими казаками препятствовать силою оружія, если непріятель появится въ портѣ и вздумаетъ сдѣлать дессантъ. Дѣдъ мой повиновался безъ возраженія этому удивительному распоряженію. Къ счастію все обошлось благополучно, и ему не пришлось съ сотнею казаковъ отражать морскія и сухопутныя нападенія непріятеля.

По окончаніи войны, едва семья Григорія Никитича водворилась въ своемъ домѣ и все въ городѣ вошло во обычную колею, какъ къ нему, нежданно-негаданно, является полковникъ Дельво и объявляетъ, что онъ назначенъ начальникомъ города Бердянска и его порта и явился принять отъ своего предшественника всѣ дѣла. Это неожиданное оскорбленіе, послѣ столькихъ трудовъ, поразило бѣднаго, семидесятилѣтняго старика какъ громомъ. Съ нимъ едва на сдѣлался нервный ударъ, но богатырское здоровье выдержало душевную муку. Онъ былъ выпущенъ въ отставку съ производствомъ въ чинъ генералъ-маіора, съ мундиромъ и съ пенсіей въ пятьсотъ рублей. Послѣ этого роковаго событія Григорій Никитичъ рѣшилъ ѣхать въ Тыбушки и тамъ закончить дни свои. Домашніе его стали дѣятельно готовиться къ отъѣзду, все было уложено, даже большой дорожный экипажъ снаряженъ и поданъ къ крыльцу. Съ Григоріемъ Никитичемъ и женой его должны были ѣхать его двѣ младшія незамужнія дочери и вѣрная Софи. Но бабушка не могла разстаться съ двумя замужними дочерьми, проживавшими въ Бердянскѣ, упросила мужа своего не покидать ихъ, и дормезъ былъ отложенъ. Дѣдушка при-

несъ эту жертву женѣ своей, въ которой души не чаялъ. Но вся послѣду
щая жизнь его въ Бердянскѣ, длившаяся еще тринадцать лѣтъ (онъ ско
чался въ 1869 г.) была медленной агоніей, тѣмъ болѣе тяжелой, что онъ бы
вынужденъ переносить полное бездѣйствіе, послѣ столь дѣятельной и тр
довой жизни. Черняевы стали жить тихо и уединенно, по недостат
средствъ. Григорій Никитичъ старался наполнить и разнообразить время сн
чтеніемъ и охотой и, доживъ до восьмидесяти лѣтъ, стрѣлялъ безъ промаха
читалъ безъ очковъ. Судьба двухъ младшихъ его дочерей, Надежды и Анн
лежала тяжелымъ камнемъ у него на душѣ. Вечеръ онѣ проводили въ гости
ной за рукодѣліемъ, Григорій же Никитичъ съ женой и Софи сидѣли въ зал
играя каждодневно въ карты. Дѣдушка за картами волновался и кипятил
ужасно; затѣмъ, чтобы поразмять ноги, начиналъ ходить по залѣ и гостинн
и, часто остановившись надъ склоненными надъ работой дочерьми, мол
хваталъ себя за волоса и затѣмъ снова станетъ ходить взадъ и впередъ. Л
чами свѣта, прорѣзывающими хмурую атмосферу дома Черняевыхъ, были пр
ѣзды замужнихъ дочерей съ мужьями и дѣтьми, а въ особенности появлен
рѣдкаго сравнительно гостя, сына ихъ Михаила Григорьевича, сильно прив
заннаго къ родителямъ своимъ и горячо любимаго ими.

Несмотря на кочевую жизнь свою, бросавшую его то въ степи Средн
Азіи, то на Кавказъ, то на берега Дуная, въ Молдавію и Валахію, то
бастіоны Севастополя, то въ Сербію, онъ постоянно стремился улучить вре
для посѣщенія своихъ престарѣлыхъ родителей. Пока тяжесть служебны
несправедливостей еще не давила Михаила Григорьевича, онъ, по разсказам
сестеръ своихъ, отличался необыкновенно веселымъ характеромъ и смѣшл
востью. Однажды, пріѣхавъ въ Бердянскъ, онъ отправился въ городской клуб
гдѣ одинъ Грекъ такъ разсмѣшилъ его, что онъ хохоча прибѣжалъ домой бе
шапки и отъ неудержимаго смѣха буквально упалъ на полъ.

Въ 1869 году Григорій Никитичъ скончался, но не въ домѣ построе
номъ имъ (который былъ имъ вскорѣ проданъ послѣ полученія отставки) а
маленькомъ вновь пріобрѣтенномъ домикѣ, болѣе соотвѣтствовавшемъ его сре
ствамъ и небольшому тогдашнему составу семьи его. Онъ уже давно страда
печенью, но такъ какъ это была болѣзнь хроническая, то за нѣсколько дн
до смерти ничего особеннаго окружавшая его семья не замѣчала. Однажд
ночью одна изъ дочерей его была встревожена послышавшимся сверху изъ к
бинета стономъ испугавшимъ ее, потому что у отца ея бывали припад
страданія печени. Когда вошли въ кабинетъ Григорія Никитича, онъ объ
вилъ, что чувствуетъ себя крайне плохо. Немедленно послали за докторомъ, кот
рый заявилъ о ракѣ печени и безнадежномъ положеніи больного. Черезъ н
сколько дней жестокихъ страданій его не стало. Онъ скончался въ полно
памяти, предварительно исполнивъ послѣдній долгъ христіанина и трогатель
простясь со всѣми окружающими. „Поставьте, дѣтки, надъ моей могилой д
бовый крестъ, никакихъ памятниковъ мнѣ не надо“, было его завѣщаніем
Священникъ, его духовникъ и почитатель, распорядился похоронить его

почетномъ мѣстѣ, возлѣ кладбищенской церкви. Когда же первые приступы отчаянія прошли, семья вспомнила, но уже слишкомъ поздно, о томъ, что Григорій Никитичъ нѣсколько разъ выражалъ желаніе упокоиться на выступѣ городскаго кладбища, расположеннаго на горѣ господствующей надъ городомъ, съ котораго былъ видѣнъ, какъ на ладони, весь Бердянскъ и портъ его.

Рядомъ съ могилой Григорія Никитича находятся еще двѣ другія: его жены, скончавшейся тридцать лѣтъ спустя, и вѣрной Софи, „нашей святой старушки", какъ называли ее сестры Михаила Григорьевича *). Въ слѣдующемъ ряду семейной ограды похоронена одна изъ младшихъ дочерей дѣдушки Екатерина.

Послѣ кончины отца своего, Михаилъ Григорьевичъ не прекратилъ посѣщеній Бердянска, пріѣзжая навѣщать мать и сестеръ. Софи скончалась вскорѣ послѣ дѣдушки. Однажды отецъ мой пріѣзжалъ съ братомъ своимъ Николаемъ Григорьевичемъ, а въ первые годы послѣ женитьбы привезъ жену свою съ тремя старшими дѣтьми-малолѣтками, проведшими въ Бердянскѣ все лѣто. Въ послѣдній разъ онъ посѣтилъ Бердянскъ по окончаніи Сербской войны, когда, послѣ годоваго скитанія за границей, получилъ наконецъ разрѣшеніе вернуться въ Россію и, представившись Государю въ Кишиневѣ, долженъ былъ отправиться на Кавказъ. Ѣхалъ онъ туда съ тяжелымъ сердцемъ, предполагая, что никакого командированія тамъ не получитъ, въ чемъ онъ и не ошибся, въ Бердянскъ же заѣхалъ по пути. Городомъ и его жителями было сдѣлано все, что было возможно для оказанія восторженнаго пріема бывшему главнокомандующему Сербскихъ силъ. Духовенство приготовило торжественную встрѣчу въ соборѣ, народъ неотступно толпился передъ скромнымъ домикомъ Черняевыхъ, время отъ времени требуя появленія Михаила Григорьевича и сопровождая эти появленія долго несмолкаемыми ура. Проводы воодушевленіемъ своимъ не уступили встрѣчѣ. Отбывъ изъ Бердянска на пароходѣ въ Таганрогъ, Михаилъ Григорьевичъ былъ встрѣченъ и тамъ тѣми же восторженными оваціями. Послѣ этого жизнь его сложилась такъ, что ему больше не довелось побывать въ Бердянскѣ.

Въ настоящее время въ Государственной Думѣ прошелъ проектъ объ углубленіи Маріупольскаго порта. Какая участь предстоитъ его сопернику, Бердянску, выросшему при управленіи Новороссійскимъ краемъ княземъ Воронцовымъ, который нашелъ въ Григоріи Никитичѣ практически осуществившемъ его мысль такого ревностнаго единомышленника? Теперь Бердянскъ соединенъ желѣзною дорогой съ Лозово-Севастопольской линіей; широко рас-

*) Намъ извѣстенъ еще примѣръ Француженки, которая усвоила себя Россіи. Это была мадемуазель Элали (Евлалія), долго жившая домохозяйкою у младшаго изъ сыновей Пушкина, Григорія Александровича, въ историческомъ Михайловскомъ. Мѣстное населеніе любило ее, а крестьяне прозвали *ай-люли*. Она выучилась по-русски, возымѣла приверженность къ памяти поэта и не только оберегала его могилу, но изъ своихъ сбереженій завѣщала деньги на училище имени А. С. Пушкина въ Петербургѣ. П. Б.

кинулся онъ на песчаномъ, низкомъ берегу лазореваго моря, правильно планированный еще дѣдомъ моимъ. Низенькій, бѣленькій, тихій, весь с щій, за рѣдкими исключеніями, изъ небольшихъ домиковъ, обсаженны улицы опять таки низкими бѣлыми акаціями, весною сплошь покрытыми лыми же цвѣтами, разливающими чудный ароматъ, онъ полгода грѣетс яркомъ полуденномъ солнцѣ. Съ Сѣвера онъ защищенъ высокимъ усту тянущимся вдоль моря, горою, какъ его тамъ называютъ, съ которой о вается чудный видъ на весь городъ, лежащій у его подножья, на сверка море и на длинную, вдающуюся въ него косу, возлѣ которой возникаетъ пальное заведеніе съ лечебными грязями и свѣтлѣютъ соленыя озера.

Изъ семьи Черняевыхъ тамъ доживаютъ свой вѣкъ двѣ сестры Ми Григорьевича, Надежда и Анна Григорьевны. Онѣ похоронили всѣхъ бли и милыхъ сердцу и благоговѣйно хранятъ ихъ могилы, посѣщая доро покойниковъ на городскомъ кладбищѣ, возлѣ бѣлой, старой кладбищен церкви, на высокой горѣ, господствующей надъ засыпающимъ городомъ, пустующимъ портомъ.

Антонина Черняева.

Тыбушки
24-го Іюня
1909 г.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ и М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ*).

Отозваніе М. Г. Черняева изъ Туркестана въ 1883 году и послѣдовавшее затѣмъ зачисленіе его въ Военный Совѣтъ было для него полною неожиданностію.

Назначенный въ Ташкентъ по личному выбору Государя въ Маѣ 1882 г., окрыленный его милостивымъ вниманіемъ, Михаилъ Григорьевичъ отправился туда, намѣреваясь привести въ исполненіе высказанное ему при прощаніи державное предначертаніе, чтобы богатѣйшій „этотъ край былъ не бременемъ для Россіи, а служилъ бы ей на пользу". При твердо-сложившейся въ умѣ его системѣ касательно внутренняго управленія краемъ и внѣшнихъ сношеній съ сосѣдями, то есть Англичанами, онъ собирался ввести рядъ административныхъ реформъ въ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ, которыми такъ неудачно, въ теченіи пятнадцати лѣтъ, управлялъ его предшественникъ генералъ.-адъютантъ К. П. Кауфманъ.

Во время завоеванія Средней Азіи, Англійское правительство съ ревнивымъ недоброжелательствомъ слѣдило за успѣхами Русскаго оружія. Оцѣнивъ гористое, выгодное въ военномъ отношеніи положеніе Афганистана и считая его ключемъ къ Индіи, Англія, подъ предлогомъ необходимости успокоенія взволнованнаго у нея общественнаго мнѣнія, черезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Кларендона, предложила въ 1869 г. установить въ Азіи, между владѣніями обоихъ государствъ, нейтральную полосу.

Князь Горчаковъ, мнимые дипломатическіе таланты коего такъ долго превозносились и впервыя обнаружены въ ихъ истинномъ свѣтѣ Бисмаркомъ въ его перепискѣ[2]), поспѣшилъ изъявить плану Англичанъ свое полное одобреніе.

---

[1]) Написано въ дополненіе и въ поправку чускѣ „Русскаго Архива" нынѣшняго года. П. Б.

[2]) Переписка эта появилась въ [illegible]

„Со своей стороны", писалъ нашъ канцлеръ, „мы не питаемъ никакого страха къ честолюбивымъ видамъ Англіи въ центрѣ Азіи, и мы въ правѣ ожидать такого же довѣрія къ нашему здравому смыслу; но что̀ можетъ смутить разсудокъ, такъ это взаимное недовѣріе". Послѣдствія показали, какъ было наивно это трогательное довѣріе.

Въ заключеніе, Англійскому правительству черезъ барона Брунова подтверждалось „положительное увѣреніе, что Его Императорское Величество считаетъ Афганистанъ совершенно внѣ той сферы, въ которой Россія могла бы быть призвана оказывать свое вліяніе и что никакое вмѣшательство, противное независимости этого государства, не входитъ въ его намѣренія".

Несмотря на то, что наша дипломатія всячески подтверждала передъ Англійскимъ правительствомъ полную неприкосновенность Россіи къ Афганистану, лордъ Кларендонъ, при свиданіи своемъ съ княземъ Горчаковымъ, въ Гейдельбергѣ, настаивалъ на необходимости признанія этого государства разграничительной полосою между Россіею и Англіей. Три года до этого свиданія, маленькая экспедиція подъ начальствомъ полковника М. Г. Черняева, предназначавшаяся для соединенія нашихъ передовыхъ укрѣпленій, неожиданно завершилась покореніемъ Средне-азіатской столицы, вопреки офиціальному предписанію военнаго министра „не отваживаться на штурмъ въ виду недостаточности военныхъ силъ". Но взятіе Ташкента было логической необходимостью, упрочившею наше положеніе въ Средней Азіи „согласно силѣ и могуществу Россіи", какъ доносилъ объ этомъ въ Петербургъ Михаилъ Григорьевичъ. Эти военные успѣхи произвели сильное впечатлѣніе не только у насъ, но и въ Европѣ и встревожили Англію, и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ лордъ Кларендонъ въ Гейдельбергѣ при свиданіи съ кн. Горчаковымъ, не могъ воздержаться, очевидно намекая на Ташкентъ, отъ того, чтобы не критиковать нашихъ военачальниковъ въ отдаленныхъ краяхъ, и указывалъ на ихъ безмѣрное якобы честолюбіе. Въ отвѣтъ на это князь Горчаковъ, осудивъ дѣйствія М. Г. Черняева, поспѣшилъ успокоить представителя Англіи тѣмъ, что назначеніе генералъ-губернаторомъ Кауфмана устраняетъ эти опасенія *).

Дѣйствительно, къ концу пятнадцатилѣтія его управленія краемъ Англичане поставили Афганистанъ въ полную вассальную отъ себя зависимость, а Гератъ обратили въ первоклассную крѣпостную твердыню противъ Россіи.

*) Смотри Татищева „Императоръ Александръ Второй".

Вторичное появленіе Михаила Григорьевича въ тѣхъ краяхъ, уже въ качествѣ ген.-губернатора, въ 1882 г. пришлось Англичанамъ крайне не по вкусу. Они пустили въ ходъ тайную интригу, воспользовавшись запуганностью нашей дипломатіи, которая со временъ князя Горчакова находилась въ постоянномъ опасеніи военнаго столкновенія съ Англіей въ Средней Азіи.

Бухарскій эмиръ, нынѣ покойный, былъ постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ съ Афганцами, которые вздумали даже занять небольшую область въ горахъ, хотя номинально, но числившуюся принадлежностью Бухары (Бухарскій эмиръ отъ себя назначалъ туда бековъ). Во время этой размолвки съ Афганцами Бухарскій эмиръ обратился къ М. Г. Черняеву за совѣтомъ и содѣйствіемъ. М. Г. рѣшился не вмѣшиваться непосредственно въ эту распрю, но воспользоваться ею въ интересахъ Россіи, оказавъ содѣйствіе Бухарскому эмиру выдачею ружей его войскамъ и демонстративнымъ движеніемъ нашего отряда на границу его ханства, дабы показать этимъ лишь готовность поддержать Бухару, какъ сосѣднее и дружественное государство, находившееся въ сферѣ нашего вліянія. Но такъ какъ сдѣлать этого безъ разрѣшенія изъ Петербурга было нельзя, то М. Г. послалъ военному министру П. С. Ванновскому длинную телеграмму (стоившую около пяти сотъ рублей). Проходитъ двѣ недѣли, отвѣта изъ Петербурга все нѣтъ. Между тѣмъ Бухарское посольство, присланное по этому дѣлу въ Ташкентъ, томится въ ожиданіи. „Тогда, повѣствуетъ Михаилъ Григорьевичъ, я послалъ телеграмму г.-адъютанту О. Б. Рихтеру, въ которой высказалъ сожалѣніе, что такъ долго не получаю отвѣта по столь важному моему запросу. На слѣдующій же день я получилъ отъ военнаго министра отвѣтъ, что Государю Императору благоугодно было одобрить всѣ мои предположенія, что онъ разрѣшаетъ мнѣ выдать нѣсколько сотъ ружей Бухарцамъ и выдвинуть наблюдательный отрядъ".

„При такомъ отвѣтѣ, я счелъ себя въ полной силѣ, какъ вдругъ, спустя нѣсколько дней, получаю отъ военнаго министра приглашеніе явиться въ Петербургъ для участія въ трудахъ коммиссіи по преобразованію управленія Туркестанскимъ краемъ, при чемъ было даже указано, чтобы я взялъ съ собою нѣкоторыя бумаги, которыя я еще не успѣлъ отослать въ Петербургъ. Мысль о томъ, что этой телеграммой меня отзываютъ съ моего поста не приходила мнѣ въ голову. Я быстро собрался и не простился какъ слѣдуетъ ни съ кѣмъ, взявъ изъ своихъ вещей только необходимое. Лишь въ [illegible]рбургѣ, на пути съ желѣзной дороги, одно из [illegible]ихъ [illegible]цъ сообщило мнѣ

извѣстіе, что меня смѣняютъ. Являюсь къ военному министру. „Я долженъ сообщить вамъ непріятную вамъ новость: вы назначаетесь членомъ Военнаго Совѣта“, такъ встрѣтилъ меня Ванновскій. Кажется, онъ расчитывалъ, что я при моемъ характерѣ вспылю, но предупрежденный наканунѣ, я спокойно отвѣчалъ: „если на то воля Государя, то я безропотно ей покоряюсь“.

Вскорѣ затѣмъ на высочайшемъ пріемѣ Михаилъ Григорьевичъ былъ принятъ не въ обычный для этого день и полтора часа провелъ съ глазу на глазъ съ Государемъ. Излагая смѣло свои взгляды, онъ говорилъ о финансовомъ и экономическомъ положеніи Россіи, о томъ, что принимаемыми мѣрами министръ финансовъ не выведетъ Россіи изъ переживаемаго кризиса. На это Государь отвѣтствовалъ, что въ настоящее время вся Европа переживаетъ коммерческій кризисъ. Возраженіе Михаила Григорьевича на слова Государя Императора состояло въ томъ, что производительныя средства Европы значительно истощены, тогда какъ въ Россіи многія богатства, которыми слѣдовало бы воспользоваться, лежатъ еще втунѣ.

Онъ говорилъ также Государю о недовольствѣ войскъ матеріальнымъ положеніемъ. Со временъ императора Александра I-го, всѣ государи начинали свое царствованіе тѣмъ, что увеличивали содержаніе офицеровъ арміи и гвардіи. Такъ какъ царствованія продолжаются отъ двадцати пяти до тридцати лѣтъ и болѣе, а въ такой періодъ времени дороговизна на все увеличивается, и деньги все падаютъ въ цѣнѣ, то является настоятельная необходимость увеличивать жалованье, тѣмъ болѣе, что, при кратковременныхъ срокахъ службы для солдатъ, при перемѣнѣ въ личномъ составѣ войска чуть ли не каждые три года, единственный кадръ арміи составляютъ офицеры, а потому привязать ихъ къ службѣ крайне необходимо.

На возраженіе Государя о томъ, что имъ была дана прибавка во время коронаціи, Черняевъ отвѣтствовалъ, что увеличеніе жалованья на восемь рублей въ мѣсяцъ мало, особенно при различныхъ сдѣланныхъ въ офицерскомъ быту стѣсненіяхъ.

Убѣжденный монархистъ, онъ поставилъ на видъ Государю, что его самодержавная власть не есть власть дѣйствительная, которая въ сущности находится у министровъ, но и у нихъ часто спускается до столоначальниковъ. Въ подтвержденіе того, какими мелочами утруждаютъ Государя Императора, онъ привелъ слѣдующій фактъ: двойныя прогонныя деньги, по случаю его проѣзда изъ Ташкента черезъ Астра-

хань въ Москву, на коронацію, были ему выданы только съ высочайшаго разрѣшенія.

Въ первый пріѣздъ свой по назначеніи ген.-губернаторомъ изъ Ташкента въ Петербургъ, въ 1883 г., онъ докладывалъ Государю свое мнѣніе о необходимости уравнять Туркестанскія войска по содержанію съ гражданскимъ вѣдомствомъ въ краѣ, на что Государь согласился. Когда разговоръ по этому дѣлу произошелъ у Михаила Григорьевича съ Ванновскимъ, сей послѣдній возразилъ ему: „да развѣ Государь можетъ самъ рѣшать такія дѣла?“ Этотъ эпизодъ изъ своей служебной практики былъ также приведенъ Михаиломъ Григорьевичемъ въ подтвержденіе своего мнѣнія о власти въ Россіи.

Выслушавъ это, Государь поблѣднѣлъ и послѣ продолжительнаго молчанія сказалъ: „Вамъ отвѣчали такъ, потому что прежде доклада мнѣ дѣла этого рода обсуждаются въ коммиссіяхъ и комитетахъ“ [1]).

Послѣ пріема, длившагося часа полтора, Государь, отпуская М. Г., сказалъ: „У васъ неладныя отношенія съ военнымъ министромъ [2]) и со штабомъ. Подождите нѣкоторое время, я вамъ дамъ назначеніе, а теперь побудьте въ Военномъ Совѣтѣ“.

На слова М. Г. о томъ, что такое внезапное отозваніе его изъ Туркестана можетъ быть истолковано въ неблагопріятномъ для него свѣтѣ общественнымъ мнѣніемъ Государь отвѣтствовалъ: „этого вамъ нечего бояться, васъ знаетъ вся Россія“.

Оставаться въ Петербургѣ и присутствовать на засѣданіяхъ Военнаго Совѣта, въ которомъ былъ военный министръ, было для Михаила Григорьевича слишкомъ тяжело. Поэтому онъ обратился въ концѣ вышеописанной аудіенціи къ Государю съ просьбой или отпустить его на жительство въ Москву, гдѣ въ то время находилось его семейство, или разрѣшить подать ему въ отставку. „Нѣтъ, зачѣмъ же въ отставку, сказалъ на это Государь: живите, гдѣ вамъ будетъ удобнѣе“.

Для подтвержденія того, что отозваніе его изъ Ташкента не было выраженіемъ немилости, онъ былъ приглашаемъ на всѣ высочайшіе балы, пока не уѣхалъ въ Москву.

Здѣсь онъ пробылъ недолго. Бездѣйствіе и тяжесть пережитыхъ событій угнетали его. Такое состояніе духа требовало перемѣны впечатлѣній.

---

[1]) Мнѣ Черняевъ передавалъ, что когда Государь молча и отирая потъ съ чела ходилъ по комнатѣ, ему Черняеву было тяжелѣ, нежели въ сраженіяхъ. П. Б.

[2]) Интрига противъ М. Г. велась съ са[illegible]чанія. По пріѣздѣ же его въ Петербургъ, въ Петерб[illegible]й говорилъ Государю, что если М. Г. останется въ [illegible]авку.

Среднюю Европу онъ всю уже объѣздилъ, а послѣ Сербской войны, когда ему былъ воспрещенъ въѣздъ въ Россію, вплоть до объявленія Русско-Турецкой войны, посѣтилъ также и Англію. Востокъ, Японія и Китай, роль которыхъ онъ предвидѣлъ въ будущемъ, очень интересовали его, и съ цѣлью ихъ изученія онъ отпросился въ заграничный отпускъ, всемилостивѣйше ему разрѣшенный.

Обозрѣвъ подробно Римъ, гдѣ древность классическаго и христіанскаго міра приводила его въ восхищеніе, онъ отплылъ изъ Неаполя на пароходѣ общества Messagerie Maritime черезъ Суэцкій каналъ и Красное море, посѣтивъ по дорогѣ портовые города Индіи и Индо-китая, въ Японію, гдѣ правительство принимало его какъ почетнаго гостя, а микадо прислалъ звѣзду ордена Восходящаго Солнца. Обративъ особенное вниманіе на военное дѣло при обозрѣніи Японскихъ арсеналовъ и доковъ, онъ предрекъ этому государству роль восточной Англіи.

Вернувшись обратно въ Москву черезъ Сибирь (онъ проѣхалъ отъ Владивостока до Урала) онъ оставилъ описаніе своего путешествія черезъ великій Сибирскій путь.

Въ Военномъ Совѣтѣ*) онъ такъ и не былъ ни разу.

Въ заключеніе прибавимъ, что, по отозваніи его изъ Ташкента, Афганцы, подстрекаемые Англичанами, тотчасъ же прекратили свои враждебныя дѣйствія противъ Бухарцевъ.

Антонина Черняева.

*) Военный Совѣтъ онъ считалъ неудачнымъ учрежденіемъ бывшаго при государѣ Николаѣ Павловичѣ военнаго министра князя Чернышова, придумавшаго этимъ способъ самостоятельно править дѣлами, отвѣтственность же за неудачи слагать на Военный Совѣтъ, состоявшій изъ подчиненныхъ ему лицъ, которыя не могутъ слишкомъ рѣзко возставать противъ предлагаемыхъ начальникомъ мѣръ.

Вторичное появленіе Михаила Григорьевича въ тѣхъ краяхъ, уже въ качествѣ ген.-губернатора, въ 1882 г. пришлось Англичанамъ крайне не по вкусу. Они пустили въ ходъ тайную интригу, воспользовавшись запуганностью нашей дипломатіи, которая со временъ князя Горчакова находилась въ постоянномъ опасеніи военнаго столкновенія съ Англіей въ Средней Азіи.

Бухарскій эмиръ, нынѣ покойный, былъ постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ съ Афганцами, которые вздумали даже занять небольшую область въ горахъ, хотя номинально, но числившуюся принадлежностью Бухары (Бухарскій эмиръ отъ себя назначалъ туда бековъ). Во время этой размолвки съ Афганцами Бухарскій эмиръ обратился къ М. Г. Черняеву за совѣтомъ и содѣйствіемъ. М. Г. рѣшился не вмѣшиваться непосредственно въ эту распрю, но воспользоваться ею въ интересахъ Россіи, оказавъ содѣйствіе Бухарскому эмиру выдачею ружей его войскамъ и демонстративнымъ движеніемъ нашего отряда на границу его ханства, дабы показать этимъ лишь готовность поддержать Бухару, какъ сосѣднее и дружественное государство, находившееся въ сферѣ нашего вліянія. Но такъ какъ сдѣлать этого безъ разрѣшенія изъ Петербурга было нельзя, то М. Г. послалъ военному министру П. С. Ванновскому длинную телеграмму (стоившую около пяти сотъ рублей). Проходитъ двѣ недѣли, отвѣта изъ Петербурга все нѣтъ. Между тѣмъ Бухарское посольство, присланное по этому дѣлу въ Ташкентъ, томится въ ожиданіи. „Тогда, повѣствуетъ Михаилъ Григорьевичъ, я послалъ телеграмму г.-адъютанту О. Б. Рихтеру, въ которой высказалъ сожалѣніе, что такъ долго не получаю отвѣта по столь важному моему запросу. На слѣдующій же день я получилъ отъ военнаго министра отвѣтъ, что Государю Императору благоугодно было одобрить всѣ мои предположенія, что онъ разрѣшаетъ мнѣ выдать нѣсколько сотъ ружей Бухарцамъ и выдвинуть наблюдательный отрядъ".

„При такомъ отвѣтѣ, я счелъ себя въ полной силѣ, какъ вдругъ, спустя нѣсколько дней, получаю отъ военнаго министра приглашеніе явиться въ Петербургъ для участія въ трудахъ коммиссіи по преобразованію управленія Туркестанскимъ краемъ, при чемъ было даже указано, чтобы я взялъ съ собою нѣкоторыя бумаги, которыя я еще не успѣлъ отослать въ Петербургъ. Мысль о томъ, что этой телеграммой меня отзываютъ съ моего поста не приходила мнѣ въ голову. Я быстро собрался и не простился какъ слѣдуетъ ни съ кѣмъ, взявъ изъ своихъ вещей только необходимое. Лишь въ Петербургѣ, на пути съ желѣзной дороги, одно изъ встрѣтившихъ меня лицъ сообщило мнѣ

извѣстіе, что меня смѣняютъ. Являюсь къ военному министру. „Я долженъ сообщить вамъ непріятную вамъ новость: вы назначаетесь членомъ Военнаго Совѣта“, такъ встрѣтилъ меня Ванновскій. Кажется, онъ расчитывалъ, что я при моемъ характерѣ вспылю, но предупрежденный наканунѣ, я спокойно отвѣчалъ: „если на то воля Государя, то я безропотно ей покоряюсь“.

Вскорѣ затѣмъ на высочайшемъ пріемѣ Михаилъ Григорьевичъ былъ принятъ не въ обычный для этого день и полтора часа провелъ съ глазу на глазъ съ Государемъ. Излагая смѣло свои взгляды, онъ говорилъ о финансовомъ и экономическомъ положеніи Россіи, о томъ, что принимаемыми мѣрами министръ финансовъ не выведетъ Россіи изъ переживаемаго кризиса. На это Государь отвѣтствовалъ, что въ настоящее время вся Европа переживаетъ коммерческій кризисъ. Возраженіе Михаила Григорьевича на слова Государя Императора состояло въ томъ, что производительныя средства Европы значительно истощены, тогда какъ въ Россіи многія богатства, которыми слѣдовало бы воспользоваться, лежатъ еще втунѣ.

Онъ говорилъ также Государю о недовольствѣ войскъ матеріальнымъ положеніемъ. Со временъ императора Александра I-го, всѣ государи начинали свое царствованіе тѣмъ, что увеличивали содержаніе офицеровъ арміи и гвардіи. Такъ какъ царствованія продолжаются отъ двадцати пяти до тридцати лѣтъ и болѣе, а въ такой періодъ времени дороговизна на все увеличивается, и деньги все падаютъ въ цѣнѣ, то является настоятельная необходимость увеличивать жалованье, тѣмъ болѣе, что, при кратковременныхъ срокахъ службы для солдатъ, при перемѣнѣ въ личномъ составѣ войска чуть ли не каждые три года, единственный кадръ арміи составляютъ офицеры, а потому привязать ихъ къ службѣ крайне необходимо.

На возраженіе Государя о томъ, что имъ была дана прибавка во время коронаціи, Черняевъ отвѣтствовалъ, что увеличеніе жалованья на восемь рублей въ мѣсяцъ мало, особенно при различныхъ сдѣланныхъ въ офицерскомъ быту стѣсненіяхъ.

Убѣжденный монархистъ, онъ поставилъ на видъ Государю, что его самодержавная власть не есть власть дѣйствительная, которая въ сущности находится у министровъ, но и у нихъ часто спускается до столоначальниковъ. Въ подтвержденіе того, какими мелочами утруждаютъ Государя Императора, онъ привелъ слѣдующій фактъ: двойныя прогонныя деньги, по случаю его проѣзда изъ Ташкента черезъ Астра-

хань въ Москву, на коронацію, были ему выданы только съ высочайшаго разрѣшенія.

Въ первый пріѣздъ свой по назначеніи ген.-губернаторомъ изъ Ташкента въ Петербургъ, въ 1883 г., онъ докладывалъ Государю свое мнѣніе о необходимости уравнять Туркестанскія войска по содержанію съ гражданскимъ вѣдомствомъ въ краѣ, на что Государь согласился. Когда разговоръ по этому дѣлу произошелъ у Михаила Григорьевича съ Ванновскимъ, сей послѣдній возразилъ ему: „да развѣ Государь можетъ самъ рѣшать такія дѣла?“ Этотъ эпизодъ изъ своей служебной практики былъ также приведенъ Михаиломъ Григорьевичемъ въ подтвержденіе своего мнѣнія о власти въ Россіи.

Выслушавъ это, Государь поблѣднѣлъ и послѣ продолжительнаго молчанія сказалъ: „Вамъ отвѣчали такъ, потому что прежде доклада мнѣ дѣла этого рода обсуждаются въ коммиссіяхъ и комитетахъ“ [1]).

Послѣ пріема, длившагося часа полтора, Государь, отпуская М. Г., сказалъ: „У васъ неладныя отношенія съ военнымъ министромъ [2]) и со штабомъ. Подождите нѣкоторое время, я вамъ дамъ назначеніе, а теперь побудьте въ Военномъ Совѣтѣ“.

На слова М. Г. о томъ, что такое внезапное отозваніе его изъ Туркестана можетъ быть истолковано въ неблагопріятномъ для него свѣтѣ общественнымъ мнѣніемъ Государь отвѣтствовалъ: „этого вамъ нечего бояться, васъ знаетъ вся Россія“.

Оставаться въ Петербургѣ и присутствовать на засѣданіяхъ Военнаго Совѣта, въ которомъ былъ военный министръ, было для Михаила Григорьевича слишкомъ тяжело. Поэтому онъ обратился въ концѣ вышеописанной аудіенціи къ Государю съ просьбой или отпустить его на жительство въ Москву, гдѣ въ то время находилось его семейство, или разрѣшить подать ему въ отставку. „Нѣтъ, зачѣмъ же въ отставку, сказалъ на это Государь: живите, гдѣ вамъ будетъ удобнѣе“.

Для подтвержденія того, что отозваніе его изъ Ташкента не было выраженіемъ немилости, онъ былъ приглашаемъ на всѣ высочайшіе балы, пока не уѣхалъ въ Москву.

Здѣсь онъ пробылъ недолго. Бездѣйствіе и тяжесть пережитыхъ событій угнетали его. Такое состояніе духа требовало перемѣны впечатлѣній.

---

[1]) Мнѣ Черняевъ передавалъ, что когда Государь молча и отирая потъ съ чела ходилъ по комнатѣ, ему Черняеву было тяжелѣ, нежели въ сраженіяхъ. П. Б.

[2]) Интрига против[illegible] началась съ самаго его назначенія. По пріѣздѣ же его въ Пете[illegible]ъ Пет[illegible] слухи, что Ванновскій говорилъ Государю, что *если* онъ подастъ въ отставку.

Среднюю Европу онъ всю уже объѣздилъ, а послѣ Сербской войны, когда ему былъ воспрещенъ въѣздъ въ Россію, вплоть до объявленія Русско-Турецкой войны, посѣтилъ также и Англію. Востокъ, Японія и Китай, роль которыхъ онъ предвидѣлъ въ будущемъ, очень интересовали его, и съ цѣлью ихъ изученія онъ отпросился въ заграничный отпускъ, всемилостивѣйше ему разрѣшенный.

Обозрѣвъ подробно Римъ, гдѣ древность классическаго и христіанскаго міра приводила его въ восхищеніе, онъ отплылъ изъ Неаполя на пароходѣ общества Messagerie Maritime черезъ Суэцкій каналъ и Красное море, посѣтивъ по дорогѣ портовые города Индіи и Индо-китая, въ Японію, гдѣ правительство принимало его какъ почетнаго гостя, а микадо прислалъ звѣзду ордена Восходящаго Солнца. Обративъ особенное вниманіе на военное дѣло при обозрѣніи Японскихъ арсеналовъ и доковъ, онъ предрекъ этому государству роль восточной Англіи.

Вернувшись обратно въ Москву черезъ Сибирь (онъ проѣхалъ отъ Владивостока до Урала) онъ оставилъ описаніе своего путешествія черезъ великій Сибирскій путь.

Въ Военномъ Совѣтѣ*) онъ такъ и не былъ ни разу.

Въ заключеніе прибавимъ, что, по отозваніи его изъ Ташкента, Афганцы, подстрекаемые Англичанами, тотчасъ же прекратили свои враждебныя дѣйствія противъ Бухарцевъ.

Антонина Черняева.

*) Военный Совѣтъ онъ считалъ неудачнымъ учрежденіемъ бывшаго при государѣ Николаѣ Павловичѣ военнаго министра князя Чернышова, придумавшаго этимъ способъ самостоятельно править дѣлами, отвѣтственность же за неудачи слагать на Военный Совѣтъ, состоявшій изъ подчиненныхъ ему лицъ, которыя не могутъ слишкомъ рѣзко возставать противъ предлагаемыхъ начальникомъ мѣръ.

М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ И СЕРБСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ МИХАИЛЪ.

Они впервыя встрѣтились въ Сербіи въ 1875 году, когда Черняевъ повелъ противъ Турокъ Сербскія дружины, благословляемыя первосвятителемъ Сербской церкви. Съ этихъ поръ нравственная связь окрѣпла между ними на всю послѣдующую жизнь. Волею Божественнаго Промысла дѣйствуя совмѣстно въ дѣлѣ великаго Славянскаго освобожденія, они остальную жизнь провели на двухъ противуположныхъ краяхъ Славянскаго міра, каждый поглощенный своею дѣятельностью, но постоянно сочувствовали взаимнымъ горестямъ и невзгодамъ, постоянно слѣдили за превратностями и ударами судьбы, которая не щадила обоихъ борцовъ Славянскаго объединенія.

Въ 1879 году исполнилось двадцатипятилѣтіе епископскаго служенія митрополита Михаила, и членами Славянскаго Комитета изъ Москвы былъ поднесенъ Святителю драгоцѣнный жезлъ при слѣдующемъ адресѣ, который написанъ И. С. Аксаковымъ:

«Ваше высокопреосвященство!

Пусть въ достопамятный день 14 Октября, къ общему хору привѣтствій и ликованій Сербской земли присоединится и сей привѣтъ изъ Москвы, радующейся общею съ Сербами радостью о достохвальномъ совершеніи вами двадцатипятилѣтняго подвига многотруднаго епископскаго служенія. Четверть вѣка вы служили церкви Православной, предстоя церкви Сербскаго княжества; четверть вѣка на сей высокой чредѣ радѣли вы и о пользахъ роднаго намъ по вѣрѣ и по крови Сербскаго народа. Да знаменуетъ же сей препровождаемый нами посохъ, символъ священнаго пастырства, наше задушевное Русское упованіе, что не оскудѣетъ милость Господня и продлитъ еще на долгіе годы теченіе вашего благого и славнаго поприща, отнынѣ уже какъ митрополита свободной, независимой Сербіи; какъ первосвятителя автокефальной церкви Сербской, новаго, самостоятельнаго Славянскаго члена Церкви Христовой. Да пріумножится стадо ваше и да пасется оно всегда и присно, нынѣ и во вѣки, въ незыблемой вѣрности Общему Небесному Пастырю нашему, въ твердомъ единомысліи со всею святою Право-

славною Церковью, въ союзѣ живой, дѣйствительной любви съ единоплеменной и единовѣрною Россіей и со всѣмъ Славянствомъ».

Принявъ участіе въ подношеніи драгоцѣннаго посоха при вышеприведенномъ адресѣ, М. Г. Черняевъ употребилъ свое вліяніе на то, чтобы наше правительство, то есть оффиціальная Россія, также отнеслось со вниманіемъ къ Сербскому первосвятителю по случаю его двадцатипятилѣтняго епископскаго служенія. Митрополиту Михаилу былъ данъ орденъ Александра Невскаго. На обращеніе Михаила Григорьевича по этому дѣлу къ Т. И. Филиппову, этотъ послѣдній отвѣчалъ изъ Петербурга въ Москву по телеграфу слѣдующее: «все мнѣ доступное сдѣлано, Толстой отнесся къ Гирсу, ожидаемъ успѣха».

Въ 1881 году настало время тяжелаго испытанія для митрополита Михаила. Сербское правительство незаконно пыталось вторгнуться въ область церковную и для пополненія пустовавшей государственной казны издало законъ о таксахъ, по которому въ пользу государственнаго казначейства должны были поступать извѣстные налоги за полученіе архіереями права священнодѣйствовать и за посвященіе ими въ чины іерейскій и монашескій. Эта попытка ввести симонію въ пользу государственной казны встрѣтила твердый и рѣшительный отпоръ въ лицѣ митрополита Михаила. Такимъ отказомъ воспользовалось правительство, въ разгаръ своей Австрофильской политики, чтобы избавиться отъ митрополита, горячаго сторонника Россіи и убѣжденнаго противника Австріи, имѣвшаго большое вліяніе не только въ области церковной, но на всѣ отрасли государственной жизни въ Сербіи. Послѣ оскорбительнаго обыска и конфискаціи его бумагъ и частной переписки онъ былъ низложенъ, а на его мѣсто поставленъ проживавшій на покоѣ архимандритъ Ѳеодосій Мраовичъ.

Въ теченіи восьми лѣтъ митрополитъ Михаилъ былъ принужденъ скитаться по чужбинѣ. За это время онъ ѣздилъ въ Палестину поклониться Гробу Господню, посѣтилъ Кіевъ, мѣсто своего духовнаго просвѣщенія, и одно время проживалъ въ Москвѣ, на Сербскомъ подворьѣ. Средства митрополита въ это время были такъ скудны, что онъ не имѣлъ возможности пріобрѣсти теплой одежды. Опасаясь за здоровье святителя, находившагося уже въ преклонныхъ лѣтахъ и привыкшаго къ мягкому климату своей родины, М. Г. Черняевъ совмѣстно съ И. С. Аксаковымъ подалъ Московскимъ купцамъ мысль поднести ему шубу.

Въ 1889 году при общемъ ликованіи Сербскаго народа, митрополитъ Михаилъ возвратился въ свое отечество. 18 Мая онъ прибылъ на правительственномъ пароходѣ въ Бѣлградъ и былъ привѣтствуемъ без-

численными толпами. Славный архимандритъ Дучичъ (командовавшій 4 тысячнымъ отрядомъ въ бояхъ при Джунисѣ) во главѣ Бѣлградскаго духовенства и представителей мѣстной общины привѣтствовалъ его восторженной рѣчью [1]). Вскорѣ послѣ возвращенія митрополита была совершена панихида на могилѣ павшихъ за освобожденіе Сербіи Русскихъ добровольцевъ у памятника на Руевицкомъ полѣ близъ Алексинаца. За все время правленія Сербской церковью ставленникомъ Австріи Ѳеодосіемъ Мраовичемъ, возведеннымъ въ митрополиты патріархомъ Австрійскихъ православныхъ Славянъ Германомъ Анджеличемъ, могила Русскихъ борцовъ была въ полномъ забвеніи.

Едва вернувшись на родину, Сербскій первосвятитель сталъ снова живымъ связующимъ звеномъ любви между Россіей, Сербіей и сторонниками Славянскаго единенія.

Во время этого послѣдняго періода своей жизни онъ послалъ М. Г. Черняеву въ благословеніе отъ себя и въ даръ отъ Сербскаго народа живописную икону свв. Саввы и Симеона Сербскихъ.

Михаилъ Григорьевичъ очень дорожилъ этою иконою (единственный знакъ вниманія, полученный имъ при жизни изъ Сербіи) и помѣстилъ ее въ церкви при селѣ Тубышкахъ.

5-го Февраля 1898 г. 72 лѣтъ отъ роду скончался блаженной памяти Сербскій святитель. Славянское благотворительное Общество совмѣстно съ Обществомъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія посвятило его памяти засѣданіе 11-го Марта, на которомъ Аѳанасіемъ Васильевичемъ Васильевымъ было прочитано проникновенное слово очертившее ту часть дѣятельности митрополита Михаила, которая особенно роднила его съ Русскимъ народомъ и Славянскимъ Обществомъ [2]).

По этому случаю М. Г. Черняевъ началъ было слѣдующее неоконченное имъ письмо: «Сердечноуважаемый Аѳанасій Васильевичъ, вчера мнѣ доставлено печатное изданіе вашего живого слова, сказаннаго въ Славянскомъ Обществѣ о митрополитѣ Сербскомъ Михаилѣ. Вашей рѣчью, преисполненной жизненной правды, вы продлили на многіе и многіе годы память о почившемъ святителѣ, и Славянское Общество, въ лицѣ вашемъ, исполнило свой долгъ въ отношеніи къ

[1]) Смотри Чельцова „Церковь Королевства Сербскаго".

[2]) Смотри: „Памяти митрополита Сербскаго Михаила, А. В. Васильева".

М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ И СЕРБСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ МИХАИЛЪ.

Они впервыя встрѣтились въ Сербіи въ 1875 году, когда Черняевъ повелъ противъ Турокъ Сербскія дружины, благословляемыя первосвятителемъ Сербской церкви. Съ этихъ поръ нравственная связь окрѣпла между ними на всю послѣдующую жизнь. Волею Божественнаго Промысла дѣйствуя совмѣстно въ дѣлѣ великаго Славянскаго освобожденія, они остальную жизнь провели на двухъ противуположныхъ краяхъ Славянскаго міра, каждый поглощенный своею дѣятельностью, но постоянно сочувствовали взаимнымъ горестямъ и невзгодамъ, постоянно слѣдили за превратностями и ударами судьбы, которая не щадила обоихъ борцовъ Славянскаго объединенія.

Въ 1879 году исполнилось двадцатипятилѣтіе епископскаго служенія митрополита Михаила, и членами Славянскаго Комитета изъ Москвы былъ поднесенъ Святителю драгоцѣнный жезлъ при слѣдующемъ адресѣ, который написанъ И. С. Аксаковымъ:

«Ваше высокопреосвященство!

Пусть въ достопамятный день 14 Октября, къ общему хору привѣтствій и ликованій Сербской земли присоединится и сей привѣтъ изъ Москвы, радующейся общею съ Сербами радостью о достохвальномъ совершеніи вами двадцатипятилѣтняго подвига многотруднаго епископскаго служенія. Четверть вѣка вы служили церкви Православной, предстоя церкви Сербскаго княжества; четверть вѣка на сей высокой чредѣ радѣли вы и о пользахъ родного намъ по вѣрѣ и по крови Сербскаго народа. Да знаменуетъ же сей препровождаемый нами посохъ, символъ священнаго пастырства, наше задушевное Русское упованіе, что не оскудѣетъ милость Господня и продлитъ еще на долгіе годы теченіе вашего благого и славнаго поприща, отнынѣ уже какъ митрополита свободной, независимой Сербіи; какъ первосвятителя автокефальной церкви Сербской, новаго, самостоятельнаго Славянскаго члена Церкви Христовой. Да пріумножится стадо ваше и да пасется оно всегда и присно, нынѣ и во вѣки, въ незыблемой вѣрности Общему Небесному Пастырю нашему, въ твердомъ единомысліи со всею святою Право-

славною Церковью, въ союзѣ живой, дѣйствительной любви съ единоплеменной и единовѣрною Россіей и со всѣмъ Славянствомъ».

Принявъ участіе въ поднесеніи драгоцѣннаго посоха при вышеприведенномъ адресѣ, М. Г. Черняевъ употребилъ свое вліяніе на то, чтобы наше правительство, то есть оффиціальная Россія, также отнеслось со вниманіемъ къ Сербскому первосвятителю по случаю его двадцатипятилѣтняго епископскаго служенія. Митрополиту Михаилу былъ данъ орденъ Александра Невскаго. На обращеніе Михаила Григорьевича по этому дѣлу къ Т. И. Филиппову, этотъ послѣдній отвѣчалъ изъ Петербурга въ Москву по телеграфу слѣдующее: «все мнѣ доступное сдѣлано, Толстой отнесся къ Гирсу, ожидаемъ успѣха».

Въ 1881 году настало время тяжелаго испытанія для митрополита Михаила. Сербское правительство незаконно пыталось вторгнуться въ область церковную и для пополненія пустовавшей государственной казны издало законъ о таксахъ, по которому въ пользу государственнаго казначейства должны были поступать извѣстные налоги за полученіе архіереями права священнодѣйствовать и за посвященіе ими въ чины іерейскій и монашескій. Эта попытка ввести симонію въ пользу государственной казны встрѣтила твердый и рѣшительный отпоръ въ лицѣ митрополита Михаила. Такимъ отказомъ воспользовалось правительство, въ разгаръ своей Австрофильской политики, чтобы избавиться отъ митрополита, горячаго сторонника Россіи и убѣжденнаго противника Австріи, имѣвшаго большое вліяніе не только въ области церковной, но на всѣ отрасли государственной жизни въ Сербіи. Послѣ оскорбительнаго обыска и конфискаціи его бумагъ и частной переписки онъ былъ низложенъ, а на его мѣсто поставленъ проживавшій на покоѣ архимандритъ Ѳеодосій Мраовичъ.

Въ теченіи восьми лѣтъ митрополитъ Михаилъ былъ принужденъ скитаться по чужбинѣ. За это время онъ ѣздилъ въ Палестину поклониться Гробу Господню, посѣтилъ Кіевъ, мѣсто своего духовнаго просвѣщенія, и одно время проживалъ въ Москвѣ, на Сербскомъ подворьѣ. Средства митрополита въ это время были такъ скудны, что онъ не имѣлъ возможности пріобрѣсти теплой одежды. Опасаясь за здоровье святителя, находившагося уже въ преклонныхъ лѣтахъ и привыкшаго къ мягкому климату своей родины, М. Г. Черняевъ совмѣстно съ И. С. Аксаковымъ подалъ Московскимъ купцамъ мысль поднести ему шубу.

Въ 1889 году при общемъ ликованіи Сербскаго народа, митрополитъ Михаилъ возвратился въ свое отечество. 18 Мая онъ прибылъ на правительственномъ пароходѣ въ Бѣлградъ и былъ привѣтствуемъ без-

численными толпами. Славный архимандритъ Дучичъ (командовавшій 4 тысячнымъ отрядомъ въ бояхъ при Джунисѣ) во главѣ Бѣлградскаго духовенства и представителей мѣстной общины привѣтствовалъ его восторженной рѣчью [1]). Вскорѣ послѣ возвращенія митрополита была совершена панихида на могилѣ павшихъ за освобожденіе Сербіи Русскихъ добровольцевъ у памятника на Руевицкомъ полѣ близъ Алексинаца. За все время правленія Сербской церковью ставленникомъ Австріи Ѳеодосіемъ Мраовичемъ, возведеннымъ въ митрополиты патріархомъ Австрійскихъ православныхъ Славянъ Германомъ Анджеличемъ, могила Русскихъ борцовъ была въ полномъ забвеніи.

Едва вернувшись на родину, Сербскій первосвятитель сталъ снова живымъ связующимъ звеномъ любви между Россіей, Сербіей и сторонниками Славянскаго единенія.

Во время этого послѣдняго періода своей жизни онъ послалъ М. Г. Черняеву въ благословеніе отъ себя и въ даръ отъ Сербскаго народа живописную икону свв. Саввы и Симеона Сербскихъ.

Михаилъ Григорьевичъ очень дорожилъ этою иконою (единственный знакъ вниманія, полученный имъ при жизни изъ Сербіи) и помѣстилъ ее въ церкви при селѣ Тубышкахъ.

5-го Февраля 1898 г. 72 лѣтъ отъ роду скончался блаженной памяти Сербскій святитель. Славянское благотворительное Общество совмѣстно съ Обществомъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія посвятило его памяти засѣданіе 11-го Марта, на которомъ Аѳанасіемъ Васильевичемъ Васильевымъ было прочитано проникновенное слово очертившее ту часть дѣятельности митрополита Михаила, которая особенно роднила его съ Русскимъ народомъ и Славянскимъ Обществомъ [2]).

По этому случаю М. Г. Черняевъ началъ было слѣдующее неоконченное имъ письмо: «Сердечноуважаемый Аѳанасій Васильевичъ, вчера мнѣ доставлено печатное изданіе вашего живого слова, сказаннаго въ Славянскомъ Обществѣ о митрополитѣ Сербскомъ Михаилѣ. Вашей рѣчью, преисполненной жизненной правды, вы продлили на многіе и многіе годы память о почившемъ святителѣ, и Славянское Общество, въ лицѣ вашемъ, исполнило свой долгъ въ отношеніи къ

[1]) Смотри Чельцова „Церковь Королевства Сербскаго".

[2]) Смотри: „Памяти митрополита Сербскаго Михаила, А. В. Васильева".

почившему. Но для такого выдающагося надъ всѣми современными Сербами историческаго дѣятеля, какимъ было митрополитъ Михаилъ, одного живого слова, какъ бы оно правдиво и сердечно ни было, недостаточно. Русскому Славянскому Обществу остановиться на этомъ нельзя, и слѣдуетъ подъ живымъ впечатлѣніемъ его кончины и въ виду хозяйничанья народоотступника Милана въ Сербіи, открыть подписку на памятникъ изъ камня или металла на его могилѣ.

Такой памятникъ вполнѣ заслужилъ почившій святитель, любившій Россію и понимавшій ея значеніе въ судьбахъ Сербскаго народа, понимавшій свой родной народъ и пострадавшій за него.

Памятникъ историческому дѣятелю не должно укрывать въ стѣнахъ куда доступъ не для каждаго; онъ долженъ быть виденъ всѣмъ и служить назиданіемъ потомству.

Соединять память объ умершемъ съ благотворительностью, вродѣ стипендій, содержанія престарѣлыхъ въ богадѣльняхъ, выставленія портретовъ въ залахъ и т. п. не удовлетворяетъ чувства, возбуждаемаго воспоминаніемъ объ историческихъ народныхъ дѣятеляхъ. Такого рода памятники есть удѣлъ для добрыхъ людей, помогавшихъ ближнему, поусердствовавшихъ накопленію богатства на какое-либо полезное дѣло, но не рисковавшимъ собою и не пострадавшимъ за идею, которой они служили»*).

Ровно черезъ шесть мѣсяцевъ по кончинѣ митрополита Михаила, сошелъ въ могилу 4-го Августа 1898 г. и отецъ мой...

Антонина Черняева.

---

*) Письмо это за отъѣздомъ Михаила Григорьевича въ деревню не было окончено.

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА СЕРБСКАГО МИХАИЛА КЪ М. Г. ЧЕРНЯЕВУ.

I.

Многоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

Благодарю васъ за дружеское письмо, которое передалъ и князю и Ристичу прочесть его, и пусть видятъ, что̀ нужно, чтобы поправить и затѣмъ не дѣлать болѣе такихъ ошибокъ.

Мнѣ кажется, что было бы лучше пріѣхать князю. Объ этомъ прошу васъ настаивать. Слышу, что князь Николай, а можетъ быть и Александръ, пріѣдутъ туда лично. Но какже не быть нашему князю?

Н. В. З. уѣхалъ въ Нишъ тотчасъ по полученіи 30 черв. и теперь тамъ находится.

Что касается возвращенія 100.000 руб. Сл. Благ. Обществу, надѣюсь уладить; потому князь очень настаиваетъ честью исполнить свою обязанность къ Обществу, которое помогло въ минуты вопіющей нужды. Есть нѣкоторыя затрудненія, но дастъ Богъ поправимся. Причина вся въ томъ, что нѣтъ денегъ, которыя должны быть для честной уплаты долговъ.

Прошу васъ остаться и впредь другомъ Сербіи и народа Сербскаго. Вы знаете, сколько здѣсь развратниковъ, сколько интригановъ, которыхъ задача только портить насъ и вредить намъ.

Достоуважаемому Ивану Сергѣевичу*) мой сердечный поклонъ. На его письмо отвѣчу позднѣе.

У насъ слышно, что 1 д. Февраля въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ, будетъ торжество. Но все равно гдѣ бы ни было, только нужно, чтобы князь нашъ пріѣхалъ и лично переговорилъ обо всемъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью, призываю на васъ и семейство ваше благословеніе Господа и имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Сербскій Михаилъ.

Бѣлградъ, 5 Декабря 1879 г.

---

*) Аксакову.

II.

Многоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

Покорнѣйше прошу извините, что не могъ до сихъ поръ отвѣчать на ваше письмо. Прошу васъ быть спокойнѣе. Я передалъ вашу церковь[1]) по пріѣздѣ. Меня озадачило сіе требованіе тѣмъ болѣе, что я позаботился изъ уваженія къ Русскому дару и хотѣлъ построить церковь нарочно для сей же Русской церкви и навсегда утвердить память о добровольцахъ Русскихъ. Но когда вамъ угодно распорядиться, я не противлюсь вашему распоряженію.

Прошу васъ выслушать Никандра Васильевича и успокоиться въ томъ, что я исполню ваше желаніе и вѣрить, что я имѣлъ искреннее желаніе дать уваженіе Русскому дару.

Съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ. М. С. Михаилъ.

Ягодина, 6 Сентября 1880 г.

III.

Многоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

Имя ваше, какъ патріота и героя въ Россіи, останется памятнымъ и въ Сербіи. Война 1876 года объявила всему свѣту братство народа Русскаго и Сербскаго. Независимость Сербіи, достигнутая помощію Россіи, утвердила всѣ духовныя старыя узы новыми узами нашими. А пролитая Русскими кровь освящена, въ поученіе потомству, видимымъ памятникомъ на Руевицѣ[2]). Да благословитъ Господь Россію и Сербію, да спасетъ насъ отъ злыхъ враговъ на славу и радостъ вамъ, носителю и дѣятелю братскихъ отношеній нашихъ.

Искренно благодарю васъ за модель памятника и за книжку о торжествѣ освященія памятника Русскимъ добровольцамъ, положившимъ свою жизнь за братію 1876 г.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія и душевною преданностью имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Сербскій Михаилъ.

Бѣлградъ, 2 Марта 1881 г.

---

[1]) Походная церковь, посланная изъ Москвы въ Сербію въ 1875 г. М. Г. Черняеву и сопровождавшая его во время кампаніи. По выѣздѣ М. Г. изъ Сербіи она была оставлена имъ тамъ на храненіе, а затѣмъ привезена въ Россію. Утварь хранится въ храмѣ села Тубышекъ, гдѣ похороненъ М. Г. Черняевъ. Шесть мѣстныхъ иконъ предназначаются на украшеніе этого храма, какъ только онъ будетъ перестроенъ въ предстоящемъ году. *А. Ч.*

[2]) Руевицкій памятникъ на могилѣ павшихъ за освобожденіе Сербіи Русскихъ добровольцевъ находится близъ Александровца, на Руевицкомъ полѣ. Поставленъ по почину М. Г. Черняева, И. С. Аксакова, Н. П. Игнатьева на добровольныя пожертвованія. *А. Ч.*

IV.

Многоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

До сихъ поръ не имѣлъ радости услышать, что ваше положеніе, по искреннему желанію друзей вашихъ, поправилось по заслугамъ вашимъ, и со дня на день ожидаемъ такого извѣстія. Дай Богъ получить скорѣе ожидаемое извѣстіе.

Когда нельзя послать въ Москву настоятелемъ въ подворье наше архимандрита Дучича*), посылаемъ отца игумена Ѳеофила, который былъ прежде младшій братъ при арх. Саввѣ. Надѣюсь, что и вы и другіе друзья наши научите отца Ѳеофила, чтобы честно и похвально управлять подворьемъ.

Ректоръ великой школы Стоянъ Марковичъ вамъ хорошо знакомъ. Онъ часто приходитъ ко мнѣ и постоянно спрашиваетъ о васъ и разъ усердно просилъ кланяться вамъ и напомнить, что онъ ожидаетъ то, что ему обѣщано. Просилъ его сказать, въ чемъ состоитъ это обѣщаніе, и онъ написалъ, какъ изволите видѣть изъ его записки, которую прилагаю при семъ на ваше усмотрѣніе. Этотъ господинъ честный человѣкъ, но нуждается во многомъ. Награда оживила бы его энергію, а какую награду заслужилъ онъ и его сотрудники, вамъ лучше извѣстно, чѣмъ мнѣ. А я могу подтвердить, что онъ дѣйствительно уважаетъ и чествуетъ васъ.

Г. Мураневичъ здѣсь задумалъ открыть торговлю Русскихъ произведеній и товаровъ, но исполнить свое желаніе не можетъ безъ кредита Русскихъ купцовъ, которые бы повѣрили ему свои товары. Нельзя ли помочь сему полезному дѣлу? Хоръ еще существуетъ, но послѣ Петрова дня ученики разойдутся, и до Октября трудно будетъ собрать ихъ.

Г. Коста Ристичъ взялъ иконы изъ церкви, отправилъ въ Алексинацъ и обѣщалъ росписку вамъ доставить. А облаченье священническое и покровъ престола нельзя дать теперь, потому что почти неупотребительные стали; но я сказалъ г. Ристичу Костѣ, что дамъ новые, когда церковь построится.

Призываю на васъ и ваше семейство благословеніе Господа, съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Сербіи Михаилъ.

Бѣлградъ. 26 Іюня 1881 г.

---

*) Арх. Н. Дучичъ во время Сербско-Турецкой войны 1876 г. командовалъ отрядомъ въ 4.000 чел. при Радольяи, во время четырехдневнаго Алексинацкаго сраженія. Написалъ Исторію Сербской православной церкви. А. У.

V.

Многоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

Г. Кулаковскій передалъ мнѣ ваше желаніе объ иконахъ Русской церкви въ Делиградѣ, а затѣмъ бывшихъ въ женской церкви здѣсь. Теперь ни одной иконы[1]) нѣтъ въ сей церкви, и всѣ находятся къ монастырѣ Райновцѣ въ иконостасѣ, потому что въ св. Романѣ не могли помѣститься въ иконостасѣ. И когда Господу угодно будетъ воздвигнуть церковь въ Алексинацѣ, или сіи иконы возьмемъ или подобныя пріобрѣтемъ для новой церкви. Покорнѣйше прошу васъ не гнѣваться, ибо думалъ лучше иконамъ быть въ церкви, чѣмъ въ складѣ.

Картина дѣлъ и покореній страшна для Славянъ. Нѣмцы распоряжаются безъ зазрѣнія совѣсти. Наше королевство прогремѣло, и больше ничего. Гоненіе продолжается; не знаемъ, когда кончится... Прошлаго года я писалъ Ивану Сергѣевичу и не имѣю отвѣта; не знаю, получилъ ли онъ мое письмо, въ которомъ вложено письмо Любибратича[2]) и одно Нѣмецкое изъ Москвы. Надежда еще не оставила добрыхъ людей; ожидаемъ, что Россія подниметъ свой голосъ въ пользу страдальцевъ.

Приношу вамъ поздравленіе и привѣтствіе съ свѣтлымъ праздникомъ. Дай Богъ вамъ и вашей семьѣ нерушимое здравіе и всякое благополучіе, радости и веселія.

Призывая на васъ и ваше семейство благословеніе Господа, съ истиннымъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ. М. С. Михаилъ.

Бѣлградъ, 20 Марта 1882 г.

VI.

Глубокоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

Писалъ я вамъ одно письмо въ Москву, чрезъ другаго, не зная, гдѣ будете въ то время. Сердечно благодарю васъ за память и дружеское вниманіе, которое я высоко цѣню.

Прошу извиненія, что васъ безпокою просьбою о податель сего письма Георгіи Спир. Нешичѣ, молодомъ офицерѣ учившемся и служившемъ въ Россіи, а потомъ по волѣ родителей служившемъ въ Сербскомъ войскѣ.

Трудно пастало жить въ Сербіи всѣмъ или учившимся въ Россіи или сочувствующимъ Россіи. Такъ и сему молодому офицеру невоз-

---

[1]) Иконы походной церкви, присланной изъ Москвы въ Сербію въ 1875 г. *А. Ч.*

[2]) Одинъ изъ вождей Босно-Герцеговинскаго возстанія. *А. Ч.*

можно было болѣе оставаться въ Сербіи, и онъ пріѣхалъ въ Россію, снова поступить на службу въ Русское войско.

Не благоволите ли содѣйствовать принятію его на службу? Прошу дать ему совѣтъ какъ поступить, чтобы осуществить желаніе быть принятымъ на службу въ Россіи.

Если не затруднитъ васъ, будьте милостивы принять и сына Іоанна Ристича, офицера Николая, который уже въ Петербургѣ.

Этихъ молодыхъ офицеровъ нужно принять, что̀ охрабритъ друзей въ Сербіи, а посрамитъ враговъ преслѣдующихъ всѣхъ друзей Русскихъ. Они сами раскажутъ вамъ, какое тамъ невыносимое уже положеніе и какое общее неудовольствіе.

Теперь не узнали бы Сербіи, для которой столь много потрудились. Враги домашніе и внѣшніе очень много сдѣлали вреда и Сербіи, и всему Сербскому племени, и общему Славянскому дѣлу. Но надѣюсь, что Божія правда посрамитъ неправды человѣческія.

Съ глубокимъ почитаніемъ и преданностью, призывая на васъ и ваше семейство благословеніе Господа Бога, имѣю честь быть вашимъ смир. богомольцемъ. Митрополитъ Сербіи Михаилъ.

26 Января 1885 г. Кіевъ.

VII.

Высокочтимый Михаилъ Григорьевичъ!

Простите, что давно не пишу вамъ. Не могу ничѣмъ хвалиться вамъ. Дѣла наши не хороши. Сосѣди не даютъ покою. Финансы въ незавидномъ положеніи. Борьба партіи ведется ожесточенно. Господь да будетъ милостивъ Сербіи и народу Сербскому!

Изъ вещей вашихъ остались подсвѣчники, употребленіемъ очень испорчены; благоволите сказать, что̀ съ ними дѣлать?

Поздравляю васъ съ св. праздникомъ и съ новымъ годомъ и желая вамъ и вашему семейству въ немъ счастія, радости и всякаго благополучія въ утѣшеніе наше, призываю на васъ и ваше семейство благословеніе Господа Бога, съ глубокимъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Сербскій Михаилъ.

17 Декабря 1890 года. Бѣлградъ.

VIII.

Высокочтимый Михаилъ Григорьевичъ!

Ваше дружеское письмо получилъ вчера. Сердечно благодарю васъ за ваше вниманіе и неизмѣнную дружбу. Мнѣ всегда пріятно слышать объ васъ. Вы такъ много трудились, работали и заботились объ насъ. Война наша съ Турками, въ которой вы и днемъ и ночью трудились,

останется всегда въ памяти. А Иванъ Сергѣевичъ и Анна Ѳедоровна *) и часто, и съ любовью, и съ горечью бесѣдовали со мною объ этомъ времени и событіяхъ столь знаменитыхъ. Если бы когда мы не трудились съ вами, можетъ быть и до сихъ поръ Болгарія была бы рая Турецкая. Мы страдали и трудились, но воскресла Болгарія, которая теперь стала орудіемъ враговъ и Россіи, и Сербіи....

Я вамъ напомню, то что̀ въ Москвѣ лично слышалъ предъ свидѣтелями отъ г. Майкова. Онъ говорилъ, что ошибка была поднимать Болгарію; нужно было сначала обезпечить Сербское племя, соединить его и тогда, имѣя оплотъ отъ Австріи и Запада, образовать Болгарію, имѣя Сербію то-есть Сербское племя за собою; тогда Болгарія должна идти съ Сербіей и Россіей, а теперь вотъ Австрія зашла куда? Россія и кровь и деньги дала и Болгарію создала, а она служитъ орудіемъ враговъ Россіи. Такъ ли это? Вы лучше знаете. Но мнѣ кажется, что Австрію нужно выгнать изъ Босніи и Герцеговины, а дальше, что̀ Богъ дастъ.

Пишу вамъ по дружески и прошу васъ не забывать Сербовъ, которыхъ сосѣдка такъ сатанински убиваетъ, портитъ и развращаетъ. Вы пойдете въ Царьградъ прямо или черезъ Вѣну, намъ все будетъ выгодно; но только идите чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше и не дайте намъ и нашему народу пропадать и нравственно и матеріально: вѣдь мертвеца нельзя изъ гроба поднять.

Простите, многоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ, за сіе дружеское письмо; но я не могу вамъ писать офиціальнымъ тономъ.

Призываю Божіе благословеніе на васъ и ваше семейство и съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Михаилъ.

26 Февраля 1891 года. Бѣлградъ.

IX.

Многочтимый Михаилъ Григорьевичъ!

Душевно благодарю васъ за память о мнѣ и за поздравленіе 14 Октября. Мнѣ всегда пріятно поминать ваши доблестные подвиги и ваше горячее родолюбіе, за кое вы столь много трудились. Слава вамъ!

Поражены мы о столь ранней кончинѣ Государя Императора Александра. Дай Богъ Государю Николаю II осчастливить Россію, Славянство и Православіе. Да поможетъ Ему Господь Богъ!

Призываю Божіе благословеніе на васъ и ваше семейство и съ

*) Аксаковы. *Л. Ц.*

искреннимъ почтеніемъ къ вамъ остаюсь вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Михаилъ.

28 Октября 1894 г. Бѣлградъ.

X.

27 Ноября 1895 года Бѣлградъ.

Многочтимый Михаилъ Григорьевичъ!

Ваше дорогое письмо отъ 24 Марта я получилъ давно. Евгеній Львовичъ Марковъ былъ въ Сербіи и у меня въ Бѣлградѣ. Отъ него изъ Россіи получилъ я одно письмо. Не знаю, какъ онъ нашелъ Сербію. Еще 12 Мая сдѣлалъ я предложеніе министру иностранныхъ дѣлъ, чтобы дали орденъ священнику Красову, о немъ хлопоталъ и г. Васильевичъ бывшій посланникъ. Но какъ часто мѣняются министры и начальники министерствъ, тогда велѣли посланнику въ Петербургѣ спросить Русское министерство, угодно ли ему будетъ, если бы дали ордена тамошнимъ лицамъ? До сихъ поръ нѣтъ отвѣта. Прежде для Русскихъ не спрашивали, но давали ордена безъ спрашиванія.

Недавно узналъ, что вы праздновали 40 лѣтъ офицерской своей службы. Прошу васъ, примите и мое душевное поздравленіе съ симъ днемъ вашей столь полезной службы Россіи и Сербіи и Славянамъ.

Молю Господа да укрѣпитъ ваши силы продолжать сію службу еще много лѣтъ на славу Россіи и Славянъ. Съ глубокимъ почтеніемъ остаюсь вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Михаилъ.

XI.

Многочтимый Михаилъ Григорьевичъ!

Мы жалѣемъ, что въ Русскихъ газетахъ почти ничего не сообщаютъ о Сербіи. Большія газеты держатъ своихъ кореспондентовъ въ Болгаріи и Греціи, а для Сербіи не считаютъ нужнымъ. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» писалъ г. Петръ Узелацъ, но интриги его отклонили. По временамъ г. Панта Сретьковичъ посылаетъ кореспонденціи въ Санктъ-Петербургскія. Никандру Васильевичу я отвѣтилъ что мнѣ сказалъ г. Симичъ, который взялъ бы съ удовольствіемъ его, если бы могъ обезпечить его мѣсто, о чемъ подумаетъ.

Не успѣлъ еще писать г. Гринмуту, пока не увижу что сдѣлаетъ г. Симичъ. Радуюсь вашему письму, которое снова подтверждаетъ вашу заботу о Сербіи, которой прежде дѣлали столько услугъ и добра.

Благодарю васъ за память, какъ и мы и исторія всегда васъ будемъ помнить. Сербовъ возмущаетъ, что Болгарамъ все даютъ, а они чисто-Сербское населеніе въ Скопляномъ округѣ соблазняютъ и дѣлаютъ Болгарами. Въ Ускюпѣ Пандуровъ помощникъ валію, епископъ,

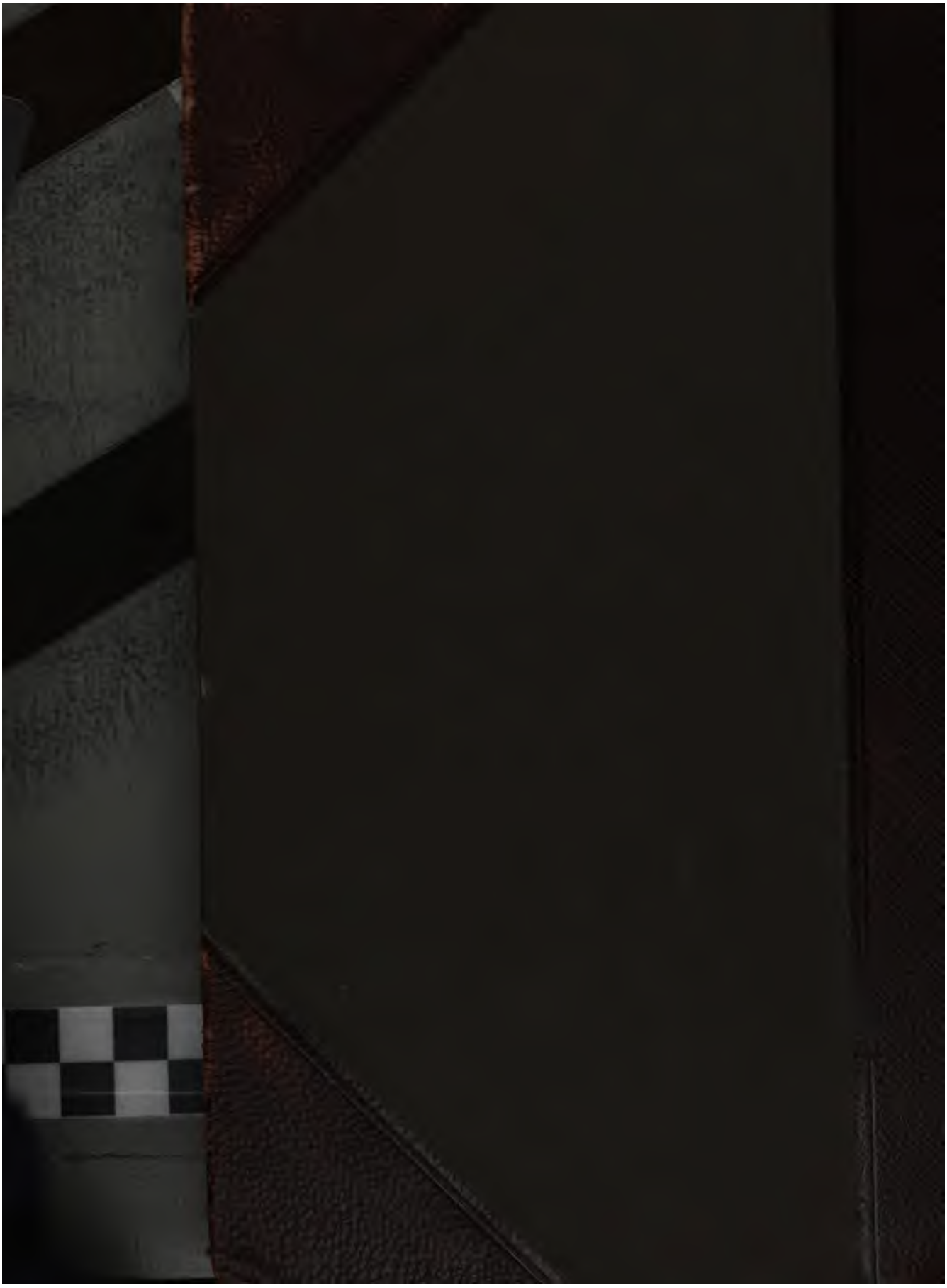
и теперь послали и Ризова съ большими деньгами, чтобы завести свои школы и убѣдить священниковъ, чтобы они признали экзарха и стали Болгарами. Нѣтъ, такими поступками не упрочится дружба Сербіи и Болгаріи. Дипломаты успокаиваютъ Сербовъ, что рѣшеніе вопроса Сербскаго и Болгарскаго не зависитъ отъ нихъ, но это рѣшатъ державы. Почему же дипломаты не скажутъ Болгарамъ: руки прочь! А Сербамъ не даютъ епископа въ Ускюпѣ, что̀ сильно раздражаетъ Сербовъ. И нуженъ кореспондентъ, чтобы Русское общественное мнѣніе извѣщать объ истинѣ и правдѣ.

Призываю Божіе благословеніе вамъ и вашему семейству и съ истиннымъ почтеніемъ къ вамъ имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Михаилъ.

Врањска Бања, 8 Августа 1897 года.

219.6 .C425 .M5 C.1
ail Grigor'evich Cherniaev
Stanford University Libraries
6105 036 582 232

DK
219.6
.C425
.M5

DATE DUE

Stanford University Libraries
Stanford, Ca.
94305